

ОГОНЁК

№ 17 АПРЕЛЬ 1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Южной Осетии

Южные склоны Большого Кавказского хребта с древнейших времен населяли горцы-осетины — самое забитое и нищее из племен Кавказа. Тридцать лет назад здесь образовалась Юго-Осетинская автономная область, входящая в состав Грузинской ССР.

За эти годы горный край неузнаваемо преобразился. Центр области — Сталинири стал культурным городом. На первом снимке — Дом Советов в Сталинири.

Главное богатство края составляют высокогорные альпийские пастбища, на которых летом пасутся многотысячные отары овец (второй снимок).

Год от году Южная Осетия покрывается нитями оросительных каналов, которые насыщают влагой некогда бесплодные земли этого горного края (третий снимок).

В низменной части области крупные коллективные хозяйства занимаются полеводством, возделывают плодовые сады. Высоко в горах еще лежит снег, а колхоз имени Сталина уже начал весенний сев (четвертый снимок).

Фото С. Короткова

На первой странице обложки: ЛЕНИН-ГИМНАЗИСТ. Скульптура **В. Е. Цигаля.** Мрамор.

На последней странице обложки: **С. В. Герасимов.** ИВА ЦВЕТЕТ.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 17 (1298) 20 АПРЕЛЯ 1952 30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Навстречу Первомаю

В городах и селах необъятной Советской страны развертывается предмайское социалистическое соревнование. На предприятиях борются за увеличение выпуска продукции, повышение качества и снижение себестоимости изделий. С великих сталинских сооружений приходят вести о рекордных достижениях строителей. Идет соревнование на колхозных полях, где сейчас закладывается фундамент будущего обильного урожая. Всенародный праздник будет праздником новых трудовых побед.

НА СНИМКАХ: с л е в а — Бируте Корсакайте, инициатор предмайского социалистического соревнования на клайпедской фабрике «Триничай»; в в е р х у — бригада слесарей-сборщиков московского Тормозного завода имени Л. М. Кагановича стала на вахту в честь 1 Мая; с п р а в а н а л е в о: И. В. Салянов, мастер участка Ф. А. Дятлов, М. В. Грешнев, А. С. Мурашов и П. А. Бек; в н и з у — сталевар М. Алексеев, занявший одно из первых мест в предмайском соревновании коллектива мартеновского цеха Кировского завода в Ленинграде.

Фото М. Реби, О. Кнорринга и П. Федотова

22 апреля исполняется 82 года со дня рождения В. И. Ленина.

Ниже мы печатаем очерк Вас. Федорова «Начало пути», в котором рассказывается о Казанском университете, где учился и начинал свою революционную деятельность молодой Владимир Ульянов.

НАЧАЛО ПУТИ

На берег Волги пришла группа выпускников ульяновской средней школы. Друзья пришли на Новый венец, не сговариваясь. Знали, что с этого берега, с края горы, молодой Ленин любил смотреть на Волгу, на Заволжье, едва видимое в вечерней мгле.

Юноши окончили школу. Им предстояли новые пути — в институты, в университеты... и теперь им трудно было расставаться с этим высоким берегом, с Ульяновском, со школой, друг с другом...

В группе товарищей стоял низкорослый крепыш в черной гимнастерке, подпоясанной узким ремешком. Он смотрел на реку, чуть-чуть наклонив голову. Рядом с ним стоял высокий юноша.

— А что, ребята, не поехать ли нам всем в Казань, туда — в юридический? Ты как, Вадим? — обратился высокий к крепышу. Тот снизу вверх посмотрел на товарища, и на его скуластом и узкоглазом лице появилась простая и доверчивая улыбка.

— Давно я, ребята, мечтаю о Казани... Только почему всем? Почему в юридический?! Я решил идти на физико-математический...

— В Казанский?

— В Казанский!..

Сразу все заторопились высказать свои желания. Один хотел стать геологом, другой — физиком, третий решил заняться изучением гидротехники. Каждого волновала невысказанная мысль, что, может быть, вот здесь и Владимир Ильич принял решение ехать в Казанский университет.

Вечерние сумерки, опускаясь на Волгу, скрадывали дальний берег. Казалось, что впереди расстилалось море. Играя огнями, из темноты выплыл буксирный пароход с длинным хвостом барж. Пароход, наверно, спешил на великую стройку. Поровнявшись с набережной, он загудел глухо и призывно, словно выговаривал: «Ребя-я-та-а... торо-пи-и-те-е-сь!»

Вадим возвращался домой с другом Виталием Филипповым. Вадим чувствовал, что друг хочет что-то сказать. Остановились около сквера, где следовало разойтись.

— Ты, Вадим, правильно решил, — начал Виталий, волнуясь, — что больше любишь, тому и надо учиться. Мне вот в Казань ехать не придется... Поеду на Урал, в горный...

Через несколько дней Вадим Баскин был уже в Казани. Когда он подошел к длинному приземистому зданию университета, то невольно остановился перед массивными колоннами высокого портала. Он не мог так вот, сходу открыть эту широкую дверь. Когда-то в эту дверь входил гениальный юноша из Симбирска.

В коридорах стоял веселый шум: смеялись, спорили.

Университетские лаборатории и музеи открывали перед юношами и девушками все сокровища, собранные за полтора века многими поколениями русских ученых.

Вадим с давних пор любил физику, но когда увидел богатейшие экспонаты зоологического музея, то невольно подумал: почему бы ему не стать зоологом?

Соблазнял и музей геологии. В нем были представлены горные хрустали, руды ценных металлов, драгоценные камни, уральские малахиты, образцы нефти и многое из того, чем богата природа нашей великой Родины.

Когда Вадим очутился в просторных залах физической лаборатории, он был ошеломлен множеством приборов, их разнообразием.

Комната-музей В. И. Ленина — гордость университета. В ней собраны ленинские документы, относящиеся к его жизни в Симбирске и Казани. На столах и полках разложены любимые книги Владимира Ильича, на стенах фотографии семьи Ульяновых, портреты братьев и сестер. Здесь же Вадим увидел снимок своей школы. Белокурый паренек, стоявший недалеко от Вадима и глядевший на снимок, сказал своему товарищу:

— Был я там... Завидовал тем, кто там учится! Такую школу надо обязательно кончать с золотой медалью...

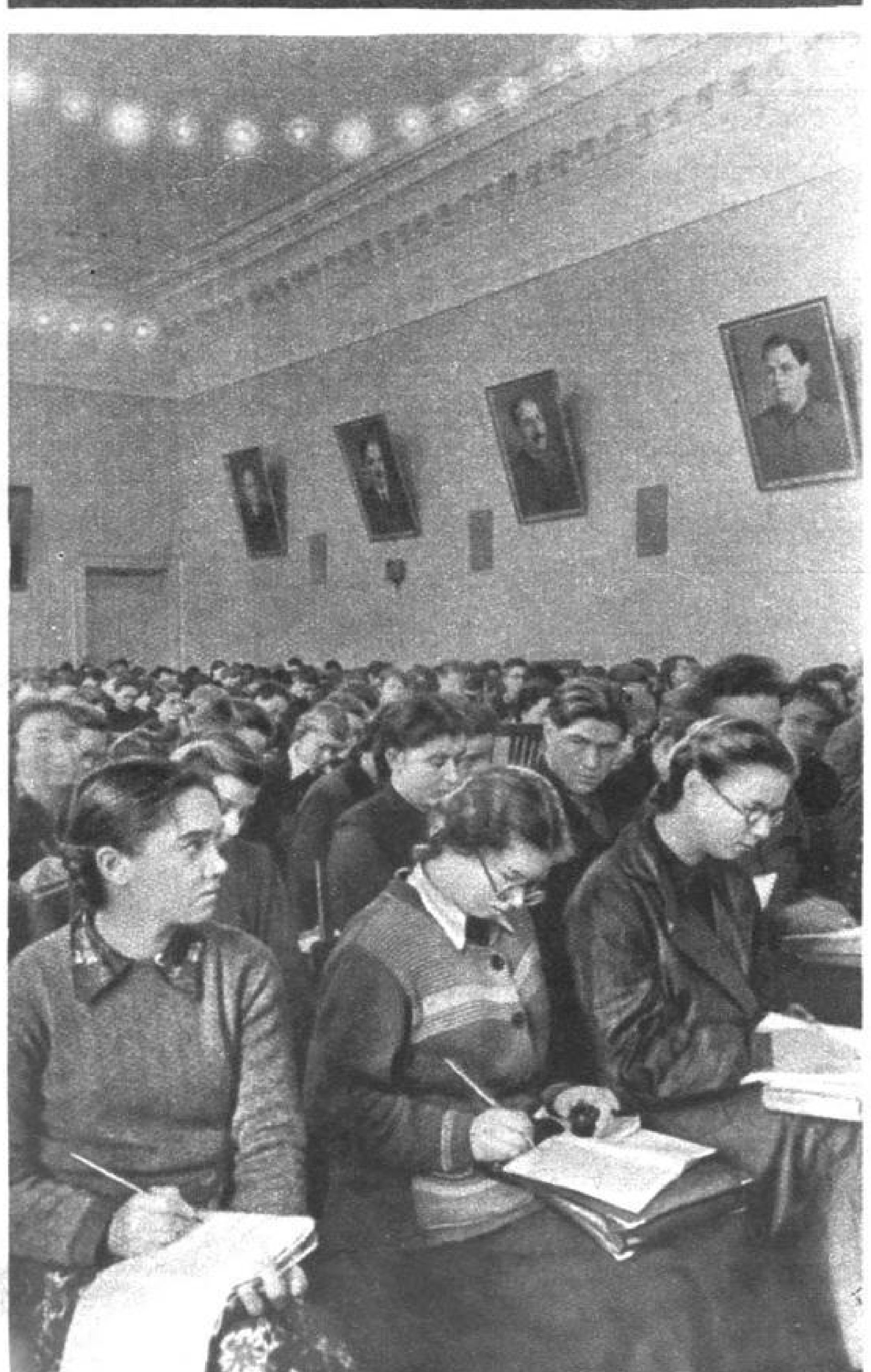
Вадиму очень хотелось рассказать этим ребятам о своей школе, о том, что лучшая группа учится в классе, где учился Ильич, что экзамены они сдавали в зале, где сдавал их молодой Ленин. Но Вадим промолчал: пришлось бы говорить и о своей золотой медали.

Вадим с волнением читал документы о деятельности Ленина-студента.

Семнадцатилетний Ленин был одним из активных руководителей подготовки и проведения знаменитой студенческой сходки. Инспектор Потапов в своих доносах писал: «Ульянов Владимир... еще за два дня до сходки, подал повод подозревать его в подготовлении чего-то нехорошего...»

Непосредственным поводом к революционному выступлению казанских студентов послужил антидемократический устав, введенный в русских университетах, а также антинародный циркуляр «о кухаркиных детях». Демонстрация студентов вылилась в резкий протест против царского гнета и насилия.

Сходка произошла 4 декабря в актовом зале. Здесь Владимир Ильич произнес свою первую революционную речь. Уходя со сходки, 99 студентов бросили на кафедру свои студенческие билеты. Там был и билет № 197, при-

НА СНИМКАХ:

Вверху: Всякий, кто впервые подойдет к зданию Казанского университета, невольно остановится перед массивными колоннами высокого портала. Нельзя как-то вот так, сходу войти в широкую дверь, скрытую колоннами. В нее когда-то входил гениальный юноша из Симбирска.

Внизу: Здесь, в актовом зале Владимир Ильич произнес на студенческой сходке свою первую революционную речь. Теперь в этом зале студенты слушают лекции по марксизму-ленинизму.

надлежавший студенту Владимиру Ульянову.

В ночь на 5 декабря Владимир Ильич был арестован. Перед арестом Ленин написал заявление на имя ректора об уходе:

«Не признавая возможным продолжать мое образование при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета.

Студент 1-го семестра юридического факультета

Владимир Ульянов.

Казань 5 декабря 1887 года».

Этот документ произвел на Вадима Баскина огромное впечатление. Он представил себе: ночь, Владимир Ильич, пишущий заявление, стук, жандармы... Молодой Ленин, жаждавший знаний, отказывался черпать их из отравленного источника.

Около столика отзывов была очередь. Вадим прочел запись, сделанную тем белокурым пареньком, который завидовал ульяновцам:

«В стенах, где учился Ленин, учиться плохо нельзя».

И не раздумывая, он под фамилией автора этих строк поставил свою подпись.

При первом знакомстве Вадим не видел и десятой доли того, чем славен университет. Тогда ему не удалось побывать в лабораториях научно-исследовательских институтов, в астрономической обсерватории и на биологической станции. Только потом мог он по достоинству оценить и научную библиотеку, имеющую более чем двухмиллионный фонд на всех языках мира.

Наступили горячие дни учебы. После лекций Вадим шел в библиотеку и допоздна просиживал за книгами.

Общеуниверситетские итоги подводили в актовом зале. Все вечера и собрания проводятся там, где на студенческой сходке выступал Ильич. Вадим сидел в переполненном зале, слушал доклад ректора. В кармане Вадима была зачетная книжка, в которой по всем предметам стояло «отлично». Не приходилось краснеть и за товарищей. Более чем 90 процентов учащихся получили высокие отметки. Отмечая успехи первых курсов, ректор сказал:

— Это еще не тронутые резервы для наших научных кружков, лекторских групп и шефских бригад. Некоторое время мы даже сдерживали порывы первокурсников, а теперь говорим: вперед, товарищи!

Вскоре после этого многим отличникам первых курсов, в том числе и Вадиму Баскину, комитет комсомола предложил войти в лекторскую группу, чтобы читать лекции на фабриках и заводах города. Дипломники передали новичкам не только темы, но и тексты своих прежних лекций в расчете, что это облегчит их труд. Но в жизни страны произошли такие разительные изменения, что все лекции пришлось разрабатывать заново. Сначала Вадим жалел, что никто не передал ему работы о Менделееве, но после случая, который произошел в комитете комсомола, даже обрадовался, что этого не случилось.

Обсуждали лекцию Клары Ашараповой о великой стройке коммунизма — Куйбышевской ГЭС. Лекция перешла к Кларе от дипломника-климатолога. Со знанием дела в ней рассказывалось об огромных перспективах строительства, о том, какие изменения произойдут в Поволжье, о том, какое благотворное влияние окажет Куйбышевское море на засушливые районы Татарии, о частых туманах, которые будут стелиться над Волгой. Автор лекции указывал, что последнее обстоятельство вызовет трудности в работе водного транспорта, и предусмотрительно советовал думать об этом теперь же.

Все было хорошо. Эта часть лекции нравилась всем, а самой Кларе Ашараповой как будущему климатологу больше всех, поэтому она и оставила ее почти без изменений. Она рассказывала, и ее темные глаза блестели: «Сейчас на стройке идут геологические поиски местных стройматериалов». После этой фразы поднялся с места комсорг группы пятого курса Юрий Анучин. Он деликатно спросил:

— Это когда «сейчас»?..

Девушка замялась.

— Такая фраза перечеркивает всю нашу работу... Поисками стройматериалов мы, геологи, занимались еще в прошлом году. А нынче там вовсю идут разработки!.. Мы с Анатолием Агафоновым дипломы делаем на этом материале. Вот!.. Вашу лекцию в этой части надо доделывать, обогатить новыми данными.

— А вы мне расскажете? — спросила Клара.

— Конечно, расскажу... Приходите на геологический...

Юрий делал свою работу с увлечением. В известняковых породах, взятых в районе Самарской луки, обнаруживаются остатки мельчайших ископаемых животных, по которым определяется возраст этих пород. Если в Яблоновом овраге на стройку не хватит материала, то можно будет обратиться в соседний район и взять материал такого же возраста; технические данные на этот материал даст его дипломная работа.

Замечания студентов, особенно старшекурсников, говорили об их широких связях с производством, о глубоком интересе к народнохозяйственным проблемам края. Когда возникал какой-нибудь неясный вопрос, обязательно отзывался человек, который, подобно Юрию, знал, как помочь делу.

Большой разговор вызвала лекция по истории Казани. Все удивились, что лектор остановился только на прошлом и настоящем. Не выдержал и Вадим:

— А будущее где? — спросил он.

— А где Казанское море? — поддержали Вадима другие.

Сейчас город отстоит от Волги на несколько километров. А после пуска Куйбышевской ГЭС волжские воды подойдут вплотную к городу, под самые стены древнего кремля, и образуют широкую бухту Казанского моря с портом вблизи нынешнего вокзала. Там возникнет мощный транзитный пункт Волжско-Камской речной магистрали.

Еще красивее станет Казань. Кто посмотрит на нее с моря, увидит высокий берег, идущий двумя террасами вверх, и на каждой террасе стройную белизну новых зданий, как бы тонкою кистью вписанных в синее небо... Кто остановится у ворот кремля, лицом к городу, направо увидит широкую бухту с кораблями, приплывшими из пяти морей, налево зеркальную гладь Казанки, которая на шестьдесят километров станет судоходной. И здесь, между городом и Заречьем, будут величаво проплывать белые пароходы, сновать юркие катера. И город, отражаясь в воде, будет выше и выше подниматься на высокие холмы...

Так общими усилиями лекторской группы была создана картина будущей Казани. Вадим всегда считал, что ульяновский Новый венец по красоте не имеет себе равных. Картина, созданная коллективно на этой лекции, была еще лучше.

В ходе обсуждений у Вадима менялся взгляд и на свою лекцию. Он размышлял: «Не говорю ли я о Менделееве, как об ученом прошлого? Ведь гениальный ученый всегда с будущим».

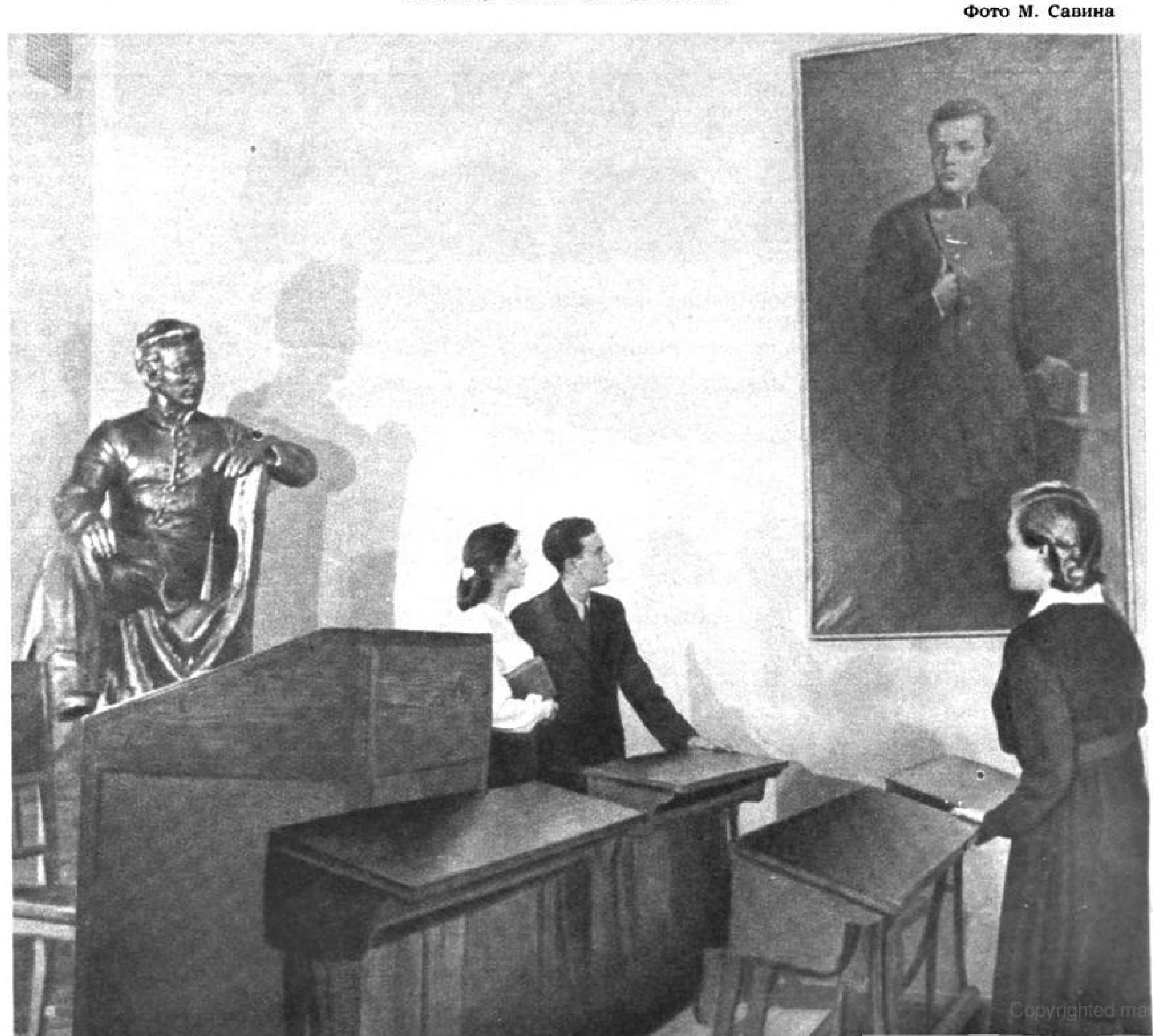
...В белом тумане обозначалась высокая башня казанского кремля. Красные троллейбусы исчезали в глубине улиц, как потухающие огни. Вадим возвращался домой. Он шел берегом будущего Казанского моря и думал о письме друга, присланном с Урала. Виталий Филиппов писал о своем институте, о товарищах, о предстоящей практике. Друг сообщал, что и в учебе и в общественной работе высоко держит честь воспитанника ульяновской школы. Письмо Вадим получил утром и ответить еще не успел. Окинув взглядом снежную даль, из которой должно придти Казанское море, Вадим заспешил домой.

Откуда-то издалека, пробивая густоту падающего снега, до Вадима донесся прерывистый звук заводского гудка. И снова ему послышалось, что гудок выговаривал фразу: «Ре-бя-я-та-а... торо-пи-и-те-е-сь!..»

Вас. ФЕДОРОВ

Комната-музей В. И. Ленина — гордость Казанского университета. Рядом с ней расположена аудитория, где Владимир Ильич слушал лекции.

Фото М. Савина

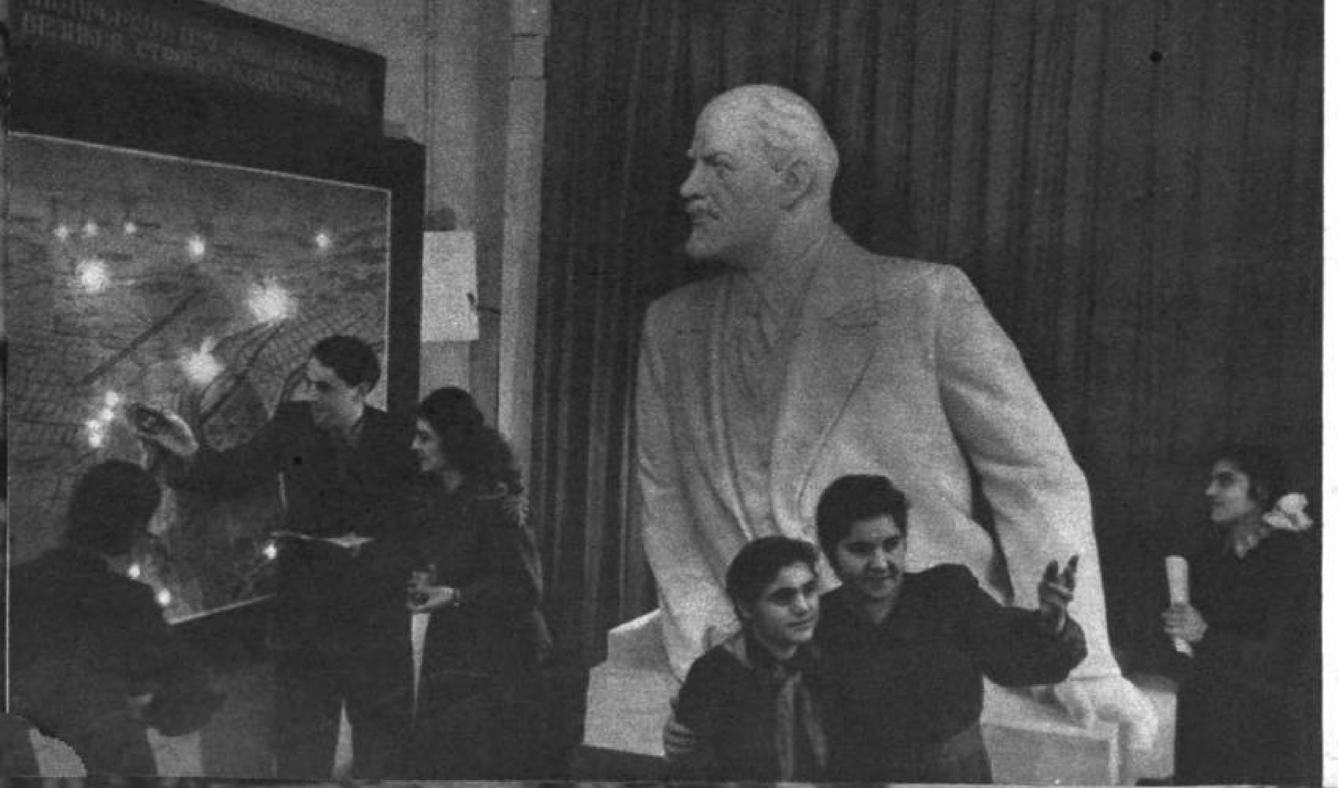
ТЕКСТ

Площадь имени Сталина в Ленинакане.

В ткацком цехе комбината.

Эту скульптуру В. И. Ленина подарил землякам народный художник СССР С. Д. Меркуров.

Мы получили из города Вичуги, Ивановской области, письмо:

«Уважаемая редакция «Огонька»! Тридцать лет тому назад, в 1922 году, мы, вичугские текстильщики, отправили в подарок молодой республике Армении станки и машины для текстильной фабрики. Некоторые из нас, как, например, подписавший это письмо В. Ф. Сироткин, принимали непосредственное участие в отгрузке станков в Армению. Мы слышали, что фабрику эту построили в маленьком городке Александрополе и что она начала успешно работать на присланном нами оборудовании. Хотелось бы знать, что теперь с этой фабрикой, как поживают наши старые станки и что за люди живут и работают в этом городе.

Не откажите в просьбе рассказать об этом на страницах Вашего журнала.

Евдокия Александровна Смирнова,

Владимир Федорович Сироткин,

Михаил Васильевич Гущин».

Наши корреспонденты побывали в бывшем городе Александрополе, ныне Ленинакане, и отвечают на вопросы вичугских текстильщиков.

* * *

Так оно и было, как пишут вичугские рабочие. В Александрополь прибыли вагоны с оборудованием для текстильной фабрики. Вичугские ткачи писали: «Дорогие товарищи армяне! Примите от нас этот скромный подарок и дружно беритесь за развитие своей текстильной промышленности».

Станки установили в помещении бывшей пивоварни заводчика Дзитохцева и организовали учебно-показательную школу. До появления станков в Армении не было ни одного текстильщика, а армянский хлопок везли в Ивановскую область, за тысячи километров.

15 июня 1924 года в Александрополе был сработан первый метр армянской бязи.

В день смерти Владимира Ильича Ленина александропольцы обратились в ЦИК Армении с просьбой присвоить их городу имя Ленина, назвать его Ленинаканом.

Так Александрополь (еще раньше он назывался Гюмри) стал Ленинаканом и превратился в очаг текстильной промышленности Армении.

На базе учебно-показательной школы выросла фабрика имени Майского восстания. В памяти ленинаканцев еще свежи были воспоминания об этом волнующем революционном событии. В 1920 году, во времена разгула дашнаков, подпольная большевистская организация Александропольского железнодорожного депо подняла трудящихся города на восстание и установила в Александрополе советскую власть. Дашнаки с помощью английских и турецких оккупантов жестоко подавили народное движение, а его руководителей — большевиков Саркиса Мусаеляна и Баграта Гарибджаняна — зверски убили. Советская власть окончательно утвердилась в Александрополе лишь в апреле 1921 года.

Фабрика имени Майского восстания стала в дальнейшем большим текстильным комбинатом.

Вот они, вичугские станки, которые 30 лет стоят на комбинате, образуя исторический уголок. В процессе производства они, конечно, давно не участвуют. Изредка на них выполняются подсобные работы для внутрикомбинатских нужд. К этим станкам иногда собирается

ИЛЬЩИКИ ЛЕНИНАКАНА

молодежь и слушает рассказ главного механика комбината Н. А. Макаряна, которого рабочие называют попросту «варпет», что значит мастер. Он работает здесь с самого основания фабрики. Еще будучи простым слесарем, Макарян устанавливал вичугские станки, а теперь наблюдает за всем сложным, большим машинным парком комбината.

Ленинаканский текстильный комбинат — один из крупнейших в Союзе и самый крупный в Закавказье. Он оборудован с учетом последних достижений советской техники. В цехах мы видим немало станков выпуска 1950 и 1951 годов, ленточные машины высокой выдержки, тазово-ровничные, мотальные и другие. Внутри комбината действует подвесная дорога, специальные автоматические приборы регулируют температуру воздуха и влажность, появились лампочки дневного света. Комбинат сейчас выпускает бязь, диагональ, миткаль, мешковину, а в этом году закончится строительство отделочной фабрики, и на рынке появятся ленинаканские сатины, ситцы, тик-ластик.

Многотысячный коллектив текстильщиков гордится своими знатными людьми. Здесь прошел школу от рабочего до главного инженера Г. Г. Карганян. Директора комбината В. И. Погосова, помощника мастера ткацкой фабрики А. В. Давтяна и ткачиху Г. С. Хачатурян ленинаканцы избрали в Верховный Совет Армянской ССР.

В Верховный Совет СССР избрана бывшая ивановская прядильщица Евдокия Лихачева. Она из города Родники, что рядом с Вичугой. Там она работала на комбинате «Большевик» и в 1939 году вместе с другими комсомолками приехала на помощь ленинаканским текстильщикам. Приехала и осталась здесь навсегда. Перевезла в Ленинакан свою мать, старую текстильщицу, и накрепко связала свою судьбу с судьбой армянского народа.

Возле комбината непрерывно растет текстильный городок. Девушки и юноши учатся в профтехшколе или в школе ФЗО. Самые маленькие жители городка воспитываются в детском саду.

Вечерами в клубе текстильщиков звучат тар, кяманча, дудук, хор разучивает новые песни, из дальних комнат доносятся звуки духовых инструментов. В одной из комнат идет занятие драматического кружка. Актер Ленинаканского драматического театра народный артист республики Армен Арменян дает молодым текстильщикам наглядные уроки сценического искусства. Сколько энергии и жизненных сил в этом старом мастере армянской сцены! Он на днях отметил свое 80-летие и 60 лет творческой деятельности.

В дореволюционном справочнике говорится, что в Александрополе было 17 промышленных предприятий. Цифра внушительная... Но на всех предприятиях было занято... 98 рабочих. В старом Александрополе были две школы, больница на 10 коек и два врача. В Ленинакане сейчас 25 школ, 6 больнично-поликлинических объединений (из них 2 детских), родильный дом, 3 специальные больницы, около 200 врачей.

Улицы Ленинакана, некогда утопавшие в грязи, становятся широкими асфальтированными проспектами. Только за последнее пятилетие в городе заасфальтировано около 300 тысяч квадратных метров улиц и площадей. На месте, где протекала Муртар-чай, ленинаканцы в свободное от работы время выстроили замечательный проспект в 60 метров шириной с бульваром посередине и назвали его проспектом имени Сталина.

Город издавна славится своими каменщиками, но не было для них раньше простора, нечего было им строить. Ныне в городе множество красивых многоэтажных домов из артикского туфа. У здешних каменщиков брал свои первые уроки уроженец Ленинакана, крупнейший советский скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров. В городе есть художественная школа его имени. Он переписывается с юными художниками, посылает им учебные пособия.

Ленинаканцы гордятся и другими своими знатными земляками — поэтом Аветиком Исаакяном, ученым Х. Коштоянцем, композитором А. Тиграняном.

Кто слыхал 6 ноября 1951 года концерт в Большом театре, тот запомнил выступление ансамбля ленинаканских железнодорожников. Они исполняли «Песнь о Ленинакане»: «Ленинакан, мой Ленинакан, ты — песнь души моей, вечно зеленый, весенний, ты — город труда. Люблю я камни твои, и землю, и труженика твоего. Люблю лучи твоего жгучего солнца, дух твой боевой, ленинский».

Так поется в песне о городе, который носит имя великого Ленина.

30 лет назад русские текстильщики, движимые чувством пролетарской солидарности, преподнесли свой рабочий дар армянскому народу. Ленинаканцы хранят его как символ нерушимой дружбы народов.

Вичугские станки, которые положили начало комбинату, определили и весь производственный профиль города. Ныне Ленинакан — город текстиля и трикотажа, активный участник промышленного расцвета своей республики.

И. СЕМЕНОВА
Фото С. Коротнова

Исторический уголок Ленинаканского комбината. Здесь стоят станки, присланные в дар Армении вичугскими рабочими. Старейший производственник комбината Н. А. Макарян рассказывает молодежи, как он устанавливал первые станки.

Маленькие жители текстильного городка смотрят в детском саду представление кукольного театра.

В Жигули идет весна

Фото Б. Белова

...Еще недавно на этом месте под прикрытием горы Могутовой стояло тихое поволжское село Отважное. В желтых, песчаных берегах несла мимо него свои могучие воды великая русская река.

Теперь здесь правобережный строительный район. В середине марта мы подъезжали к Волге со стороны Ставрополя, и нашему взору открылась панорама стройки.

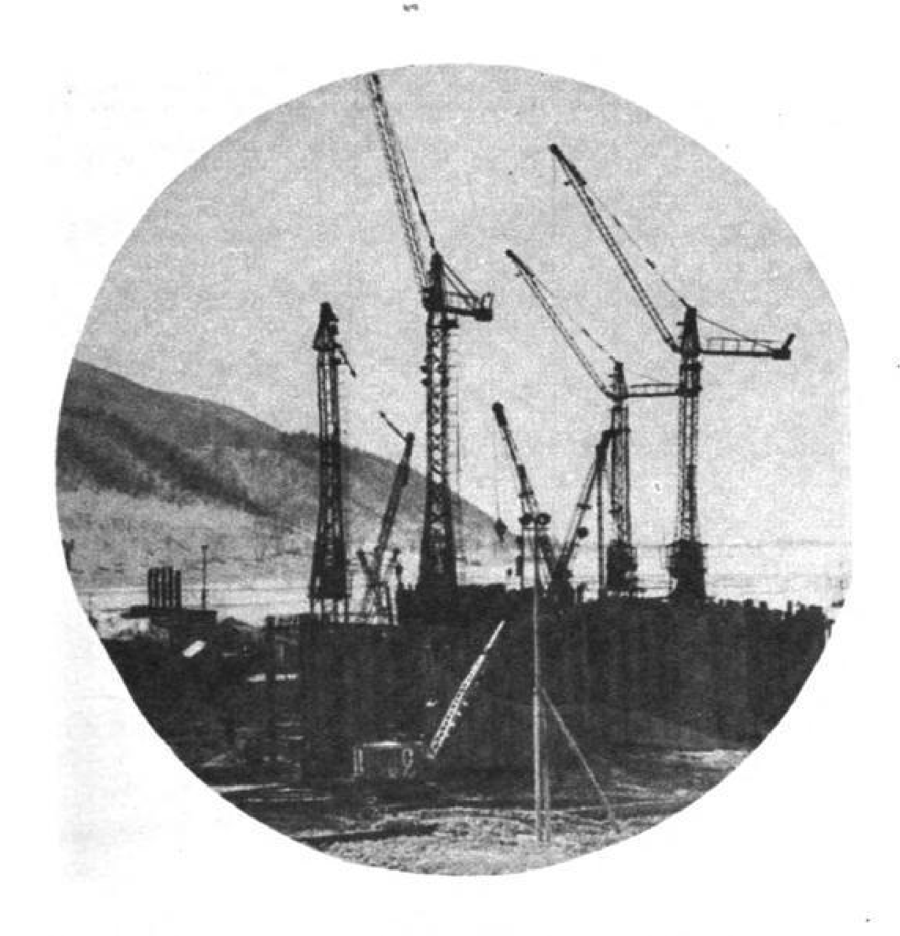
По льду, заковавшему Волгу, к правому берегу пролегли гигантские магистрали пульпо別водов. Строители обжили не только сушу, но и лед. По нему проложена сверкающая голубоватым накатом автомобильная дорога, поставлены столбы, тянутся провода.

На многие десятки километров по обоим берегам Волги раскинулась стройка. На лесистых возвышенностях Жигулей строятся городки — Портовый, Шлюзовой, Комсомольский. Возводятся мосты и бетонные заводы, прокладываются железные дороги и автомобильные трассы.

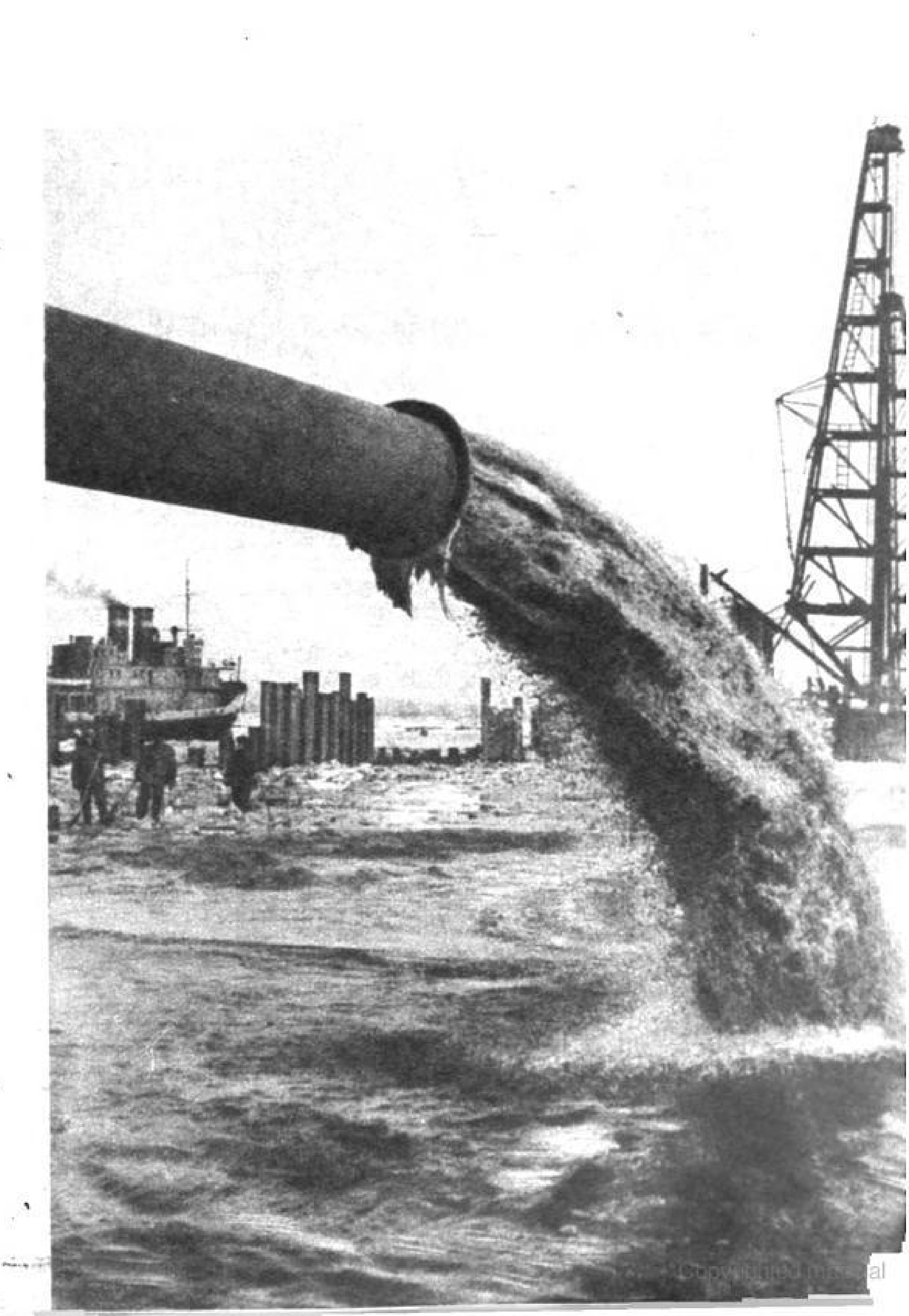
С прошлой осени широким фронтом развернулись работы на площадках, где будут созданы величайшая в мире гидроэлектростанция, судоходный канал, шлюз.

У горы Могутовой готовят котлован для здания гидроэлектростанции. Тут сосредоточена богатейшая техника. На врезающейся далеко в реку верховой перемычке, контуром напоминающей подкову, паровые молоты и вибраторы забивают шпунт. Перемычка вырисовалась уже совершенно отчетливо, шпунтовая стенка поднимается почти у середины реки.

День и ночь экскаваторы грызут забойные стенки. Движения машин рассчитаны по секундам.

Паровые копры, возле которых струятся дымки, забивают шпунтины в дно Волги на глубину двадцать метров, потом сварщики наращивают их еще на столько же. Высокая стальная стена поднимается над ледяным покровом реки.

Земснаряды намывают к внешней стене металлического заслона песчаный вал. Пульпа — так называют строители смешанный с водою песок — под напором стремительно несется по пульповоду с острова Телячьего к правому берегу и сбрасывается у стального заслона. Пульповод берет начало у свайных аппаратов земснаряда, а у противоположного берега, вблизи виднеющихся из воды шпунтин, огромная выходная труба выбрасывает в реку пульпу.

Возле острова Телячьего работает прославленный земснаряд номер 320. Прошлой осенью он подал первые кубометры пульпы в тело перемычки, начал наступление на Волгу. Экипажем земснаряда командует коммунист Василий Аксенов. Вначале Аксенов работал на этом земснаряде багермейстером, потом его назначили командиром. Зимой, в метель и стужу, земснаряд Аксенова намывал в перемычку за смену четыре — пять тысяч кубометров грунта.

...В Поволжье повеяло весной, в низинах потеплело, но Аксенов не расстается с теплой ушанкой и овчинной шубой: на острове еще дуют пронизывающие ветры, холодом тянет от реки. И работать приходится на воздухе больше, чем в отепленном помещении.

←

↑

Прошлой осенью по инициативе комсомольца Лямина на котловане, а затем и на всей стройке началось соревнование за полное использование мощности механизмов. Лямин показал себя волевым командиром, прекрасным организатором машинистов, механиков, слесарей, электриков, обслуживающих землеройную машину номер три.

Строители одержали крупную победу: досрочно завершена отсыпка береговой перемычки, ограждающей котлован.

Пока Волга в зимние дни мирно струилась под толстой коркой льда, между кромкой берега и котлованом, на узкой полоске суши, поднялся песчаный вал длиною около полутора километров и высотою десять метров. Береговая перемычка сомкнулась! Вот-вот тронется лед. Река понесет свои мутные весенние воды мимо песчаного вала, надежно охраняющего котлован.

Сооружению верховой перемычки помогает еще одна мощная машина — сормовская землечерпалка «Пятилетка». По кривой, где пройдет шпунтовая стена, она прорывает в дне реки траншею. Земснаряды намывают в траншею песок, а потом уже закоперщики забивают шпунтины.

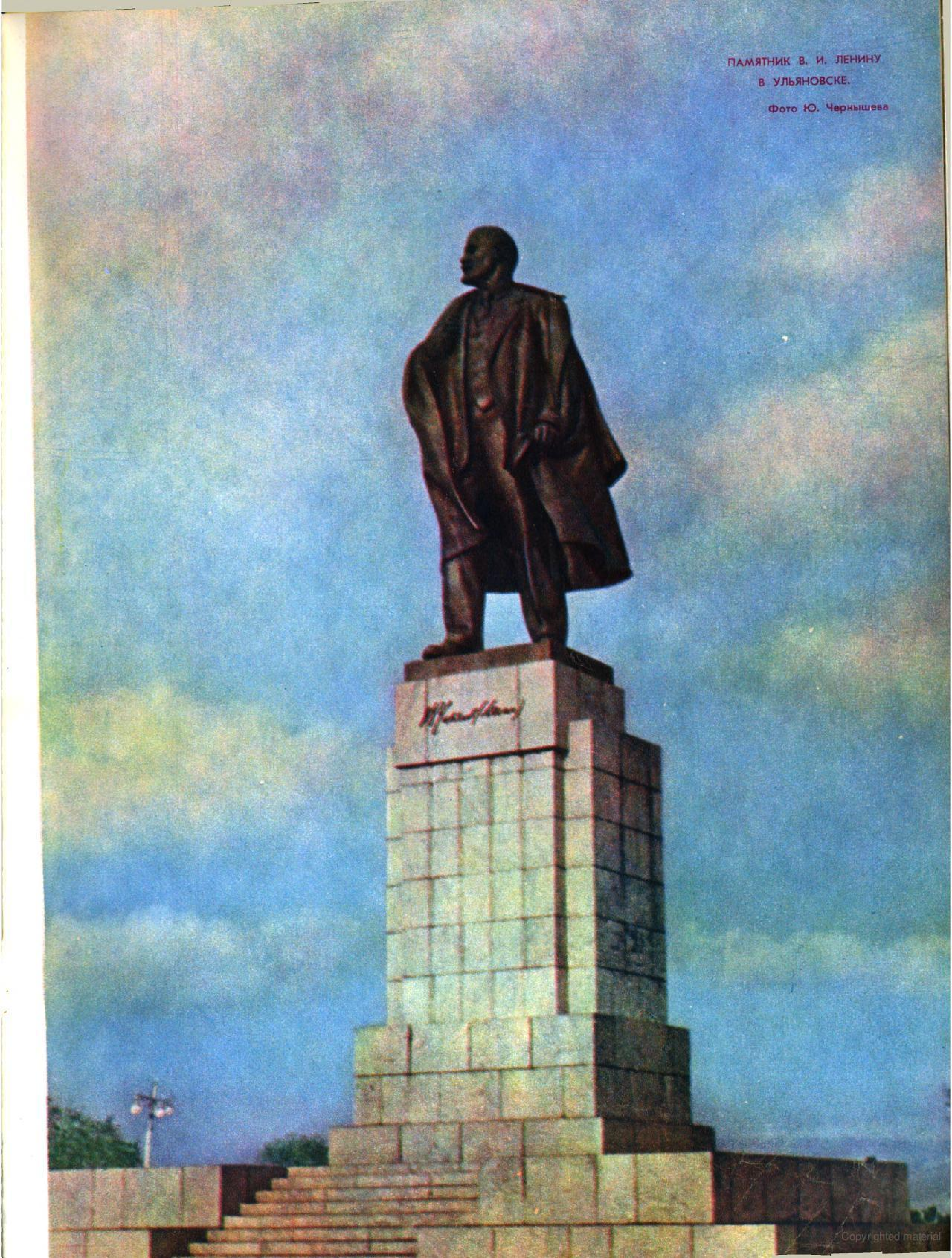
Вокруг землечерпалки сколот лед, в огромных прорубях колышется потревоженная вода. А вслед землечерпалке бьется и шумит, вырываясь из трубы, пульпа.

Над Жигулями все чаще и чаще проглядывает голубое небо. Свежий ветер гонит серые тучи прочь. Скоро паводок, могучая сила раскрошит и понесет к Каспию льдины. Поломается зимняя трасса через Волгу. Предстоит жестокая схватка с паводком. Строители торопятся завершить работы по сооружению верховой перемычки, перевезти по льду на правый берег срочные грузы, запастись песком до затопления прибрежных карьеров.

Наступает горячая пора для строителей Куйбышевского гидроузла.

Е. ЧЕРНЫХ

↓

ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ В УЛЬЯНОВСКЕ.

Фото Ю. Чернышева

Дом-музей В. И. Ленина в Казани. В этом доме жил Ленин в 1888—1889 годах, когда учился в Казанском университете.

Фото И. Соловей

Ким Ир Сен

(К 40-летию со дня рождения)

ПАК ДЕН АЙ,

лауреат международной Сталинской премии мира

Есть люди, которых немыслимо представить вне своего народа, ибо они безраздельно принадлежат народу, связаны с ним всем своим существом, отдают народу все свои силы и жизнь.

Таков Ким Ир Сен — наш Ким Дянгун, как зовут его корейцы. Его знают, любят, ему верят миллионы корейцев.

Припоминаю один разговор, происходивший в октябре пятидесятого года, ночью, на дороге, ведущей к Синыйчжу. В те дни сердце каждого корейца сжималось от боли. В те дни у врага был временный перевес сил, и наши народные воины, стиснув зубы, отходили ненадолго, чтобы занять новые укрепленные позиции и дать врагу сокрушительный отпор. Мирные корейцы покидали родные места.

Мое внимание привлек сгорбленный старик лет семидесяти. Он с трудом переступал воронки и ямы, в изобилии покрывавшие дорогу. Внезапно послышался треск и грохот: дорогу начали обстреливать четыре американских бомбардировщика. Все кинулись в сторону, мы со стариком оказались в одной воронке. Вдруг старик проговорил громким, твердым голосом: «Кто зажег пламя на чужой земле, — от огня и погибнет, — так сказал Ким Ир Сен».

Такая сила, такая непоколебимая уверенность была в словах старика, что я невольно спросила:

— А вы знаете Ким Ир Сена?

Старик помолчал, потом сказал с той же твердостью:

— Его знают все. Даже те, кто его никогда не видел. А если человека знают и уважают даже на расстоянии,— значит, это большой человек.

И он несколько раз повторил: «Ким Дянгун, Ким Дянгун» — полководец Ким.

Несколько дней спустя мне снова довелось услышать это слово. Только это было днем, в горном ущелье. Ким Ир Сен стоял, прислонившись к невысокому, сломанному бурей дереву. Его лицо было таким взволнованным, каким я его никогда не видела. Перед ним выстроились, как на параде, несколько шеренг юношей и девушек. Они были босы, в изорванных одеждах. Лица этих юных, шестнадцати — восемнадцатилетних корейцев были полны отваги. От шеренги отделилась невысокая девушка:

— Молодежный отряд численностью в пятьсот человек прибыл и просит вас, Ким Дянгун, зачислить нас в армию...

История этого отряда была проста и величественна. В дни, когда враги нашей родины прорвались уже к Пхеньяну, несколько молодых патриотов решили перебраться на Север и вступить в армию Ким Ир Сена. Не было города, не было деревни, где не примыкало бы к ним несколько таких же, как они, простых и отважных юношей и девушек.

Нет в Корее ни одного места, которое было бы так популярно, как маленькая деревушка Мангендай, расположенная в двадцати ри от Пхеньяна. Там 15 апреля 1912 года в бедном домике крестьянина Ким Хен Дика родился Ким Ир Сен. Он очень рано остался сиротой. Отец его был участником известного мартовского восстания 1919 года, которое вспыхнуло в закабаленной японцами Корее под прямым влиянием Великого Октября. Ким Хен Дика японцы бросили в тюрьму, тогда Ким Ир Сену было всего восемь лет. Сын борца стал борцом за счастье родины.

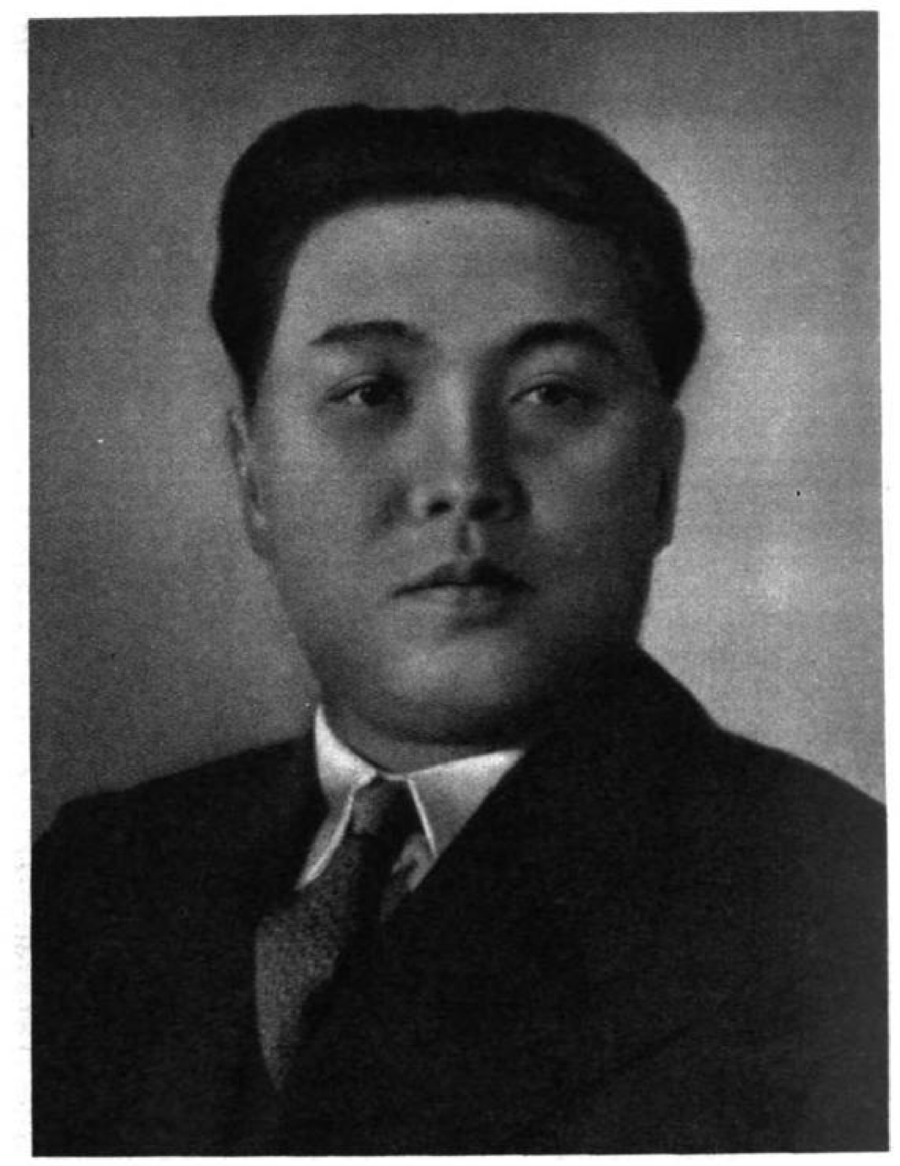
В 1926 году юный Ким Ир Сен создал нелегальную комсомольскую организацию в средней школе. Он жадно изучал марксистскую литературу, проводил большую пропагандистскую работу среди своих сверстников. За революционную деятельность юноша Ким Ир Сен был брошен в тюрьму. Вырвавшись из заключения, он вновь продолжает революционное дело. Осенью 1931 года он возглавляет первые партизанские отряды, вступившие в вооруженную борьбу с японскими оккупантами.

Партизанские отряды корейских патриотов наводили страх и ужас на врага. Постепенно росли сила и численность отряда Ким Ир Сена. К нему стекались все новые группы партизан. Так формировалась единая национальная революционная армия Кореи, чьи славные традиции умножает нынешняя непобедимая Народная армия.

Когда славные советские воины изгнали из Кореи японцев, народ единодушно назвал Ким Ир Сена своим вождем, доверил ему пост главы правительства Корейской Народно-Демократической Республики. За годы мирного строительства под руководством Ким Ир Сена корейский народ превратил Республику в цветущий сад. Крестьяне получили землю, рабочие стали хозяевами фабрик, заводов, весь народ трудился в едином порыве творчества и созидания. В короткий срок были созданы высшие учебные заведения, построены театры, клубы, школы, новые промышленные предприятия. В эти годы продукция промышленности выросла более чем в пять раз, значительно поднялись урожаи.

Американские агрессоры прервали труд корейского народа, залили землю Кореи кровью, уничтожают ее города и села. В эти грозные дни борьбу корейского народа за свободу и независимость возглавил ее признанный вождь Ким Ир Сен. С первых дней войны он взял в руки командование Народной армией, прошел с ней трудный боевой путь.

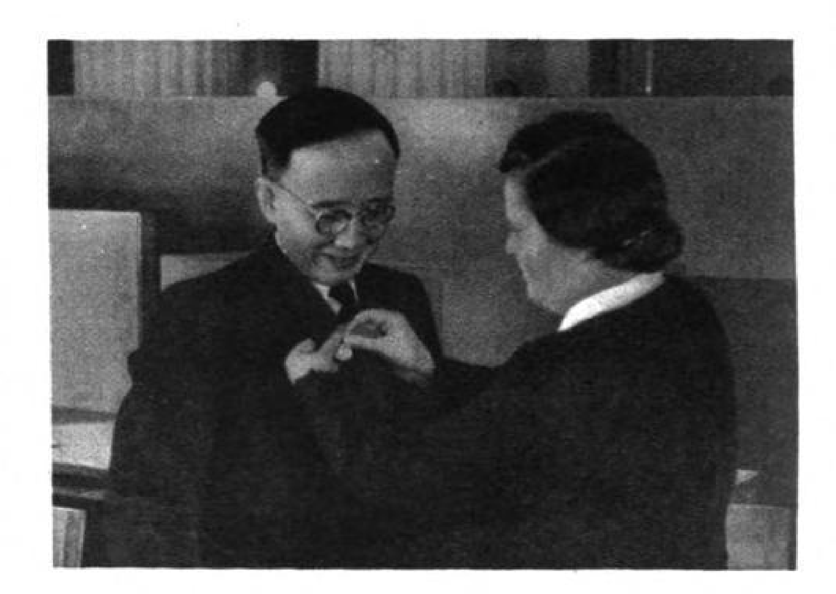
Вот уже без малого два года идет война нашего народа против американских захватчиков. Ни американские танки, ни самолеты, ни авиационные бомбы, ни бомбы, начиненные чумой, холерой, не сломили и никогда не сломят волю корейского народа.

Ким Ир Сен.

Наша армия плечом к плечу с китайскими народными добровольцами сорвала планы агрессоров, выстояла, несмотря на все трудности и лишения.

Весь китайский народ, все честные люди земли с нами! Это дает нам силу, уверенность в нашей борьбе за правое дело. Как бы ни неистовствовали агрессоры, как бы ни пытались они затянуть переговоры о перемирии, мы знаем: победа будет за нами! Миролюбивый народ Кореи хочет мира, борется за мир. Под руководством своего славного вождя Ким Ир Сена он победит, завоюет себе право строить счастливую жизнь в единой, свободной, независимой Корее.

9 апреля в Свердловском зале Кремля в присутствии представителей московской общественности академик Д. В. Скобельцын вручил профессору Го Мо-жо международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами».

На снимке: Го Мо-жо и председатель Антифашистского комитета советских женщин Н. В. Попова.

Фото Дм. Бальтерманца

На выручку товарищей!

Старший лейтенант Юлий Матвеевич Хренов.

Недавно четверо солдат во главе с офицером, выполняя учебно-боевую задачу, ушли по льду далеко от берега. Льдина, на которой находились воины, оторвалась и понеслась вперед. Людям грозила гибель. По радио они сообщили о случившемся своему командиру. По соседству находилось Н-ское подразделение. Несмотря на то, что погода не благоприятствовала полетам, желающих полететь на выручку товарищей нашлось много.

Командир подразделения поручил это сложное задание старшим лейтенантам Михаилу Ивановичу Курочкину и Юлию Матвеевичу Хренову. В сложных метеорологических условиях летчики обнаружили дрейфующую льдину и спасли жизнь товарищей.

Корреспондент «Огонька» связался по телефону с Н-ским авиационным подразделением. К аппарату подошел старший лейтенант Юлий Хренов.

— Здравствуйте, товарищ Хренов. Привет вам и вашему товарищу! Поздравляем с выполнением воинского долга!

— Спасибо!

— Редакция просит вас подробно рассказать о том, как проходили поиски и спасение потерпевших бедствие.

— На розыски дрейфующей льдины мы вылетели тотчас после получения задания. Шел густой снег, ветер на льду достигал пятнадцати — восемнадцати метров в секунду. Точное расположение льдины не было известно. Чтобы лучше просмотреть все водное пространство, мы решили лететь зигзагообразно. Снегопад затруднял полет, а низкая облачность вынуждала снижаться до ста пятидесяти — двухсот метров.

Прошло более двух часов, как мы поднялись в воздух, а льдину с людьми так и не удавалось обнаружить. Видимо, ветер ее довольно быстро сносил. Но мы упорно продолжали поиски. Наконец мы увидели людей. Теперь важно было совершить посадку на льдину, которая все время двигалась. Обследовав ее, мы установили: длина не превышает полутора километров, а ширина — нескольких десятков метров; почти вся поверхность покрыта торосами. С трудом обнаружив едва заметную с высоты площадку, где торосов было сравнительно меньше, мы пошли на посадку. Сильный, порывистый ветер «бросал» самолеты. Но нам все же удалось благополучно «приземлиться», если так можно сказать о посадке на льдину.

Пять товарищей бросились к нам навстречу и стали обнимать нас. Несколько суток дрейфа на льдине без тепла и запасов питания, естественно, сказались на воинах. Но мужество ни на минуту не покидало их.

Мы доставили потерпевшим продукты, спасательную резиновую лодку и многое другое.

Затем обошли льдину, чтобы выбрать подходящее место для взлета. Результаты обследования оказались весьма неутешительными. Длина площадки, пригодной для разбега «ПО-2», не превышала десяти метров,— это нас, конечно, мало устраивало, учитывая к тому же сильный, штормовой ветер. Но иного выхода не было.

Несколько раз мы обошли облюбованную площадку вдоль и поперек, произвели тщательный расчет и стали готовиться к взлету. Каждый из нас на борт своего самолета мог принять только по одному товарищу. Кто полетит первым?

Жребий пал на радиста Фомина, находившегося в особо тяжелом состоянии. Но он наотрез отказался покинуть льдину первым.

— Я выполняю свой воинский долг,— заявил Фомин,— нахожусь у рации. Берите других, а я отправлюсь вторым рейсом.

Только приказание командира заставило мужественного солдата первым отправиться на берег.

И вот Фомин в моем самолете. Я начал пробег. Ветер развернул машину на скользком льду, и взлет пришлось прекратить.

Михаил Курочкин, учитывая мою неудачу, поступил несколько иначе. Он поставил машину строго против ветра и быстро оторвался от льдины. Вслед за ним поднялся и я. Прошло немного времени — и наши самолеты благополучно приземлились на аэродроме, доставив двух солдат. Им сразу же была оказана помощь.

Старший лейтенант Михаил Иванович Курочкин.

Густая пурга продолжала свирепствовать. Наступили сумерки, и за остальными товарищами мы смогли вылететь лишь утром следующего дня. Погода несколько улучшилась, ослаб ветер, увеличилась видимость.

Вылетая с аэродрома, мы и не предполагали, что нас ждет новое испытание. Дрейфующая льдина раскололась надвое, и воины, терпевшие бедствие, перебрались на соседнюю, воспользовавшись доставленной им резиновой лодкой. Пришлось заново искать место для посадки машин. Долго самолеты кружились и наконец совершили посадку. Прошло еще несколько часов, и три воина были благополучно доставлены на землю.

— Каково самочувствие товарищей, снятых с льдины?

— Все здоровы, чувствуют себя хорошо, в том числе и товарищ Фомин.

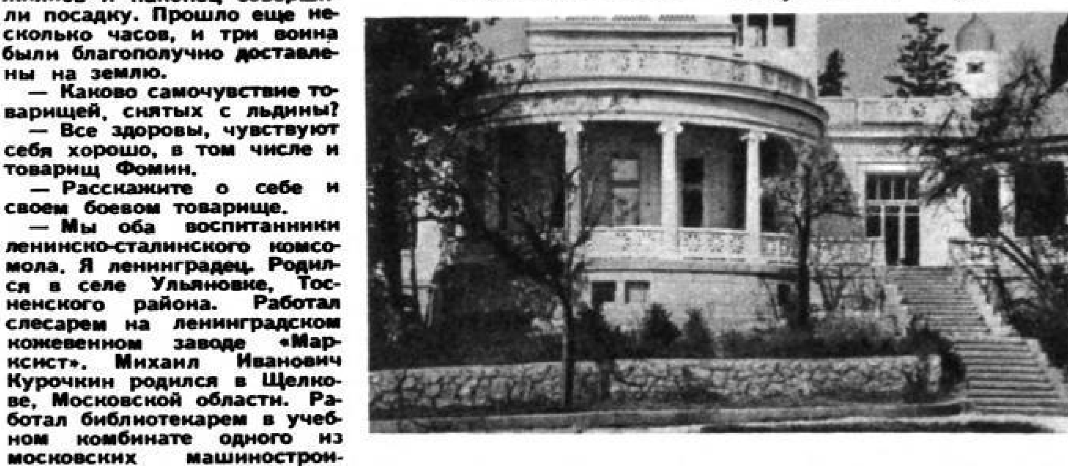
— Расскажите о себе и своем боевом товарище.

— Мы оба воспитанники ленинско-сталинского комсомола. Я ленинградец. Родился в селе Ульяновке, Тосненского района. Работал слесарем на ленинградском кожевенном заводе «Марксист». Михаил Иванович Курочкин родился в Щелкове, Московской области. Работал библиотекарем в учебном комбинате одного из московских машиностроительных заводов. Без отрыва от производства окончил аэроклуб. Мы оба участвовали в боях Великой Отечественной войны.

— Благодарим за беседу. Передайте горячий привет товарищу Курочкину. Желаем вам новых успехов в боевой и политической подготовке!

Крымская здравница

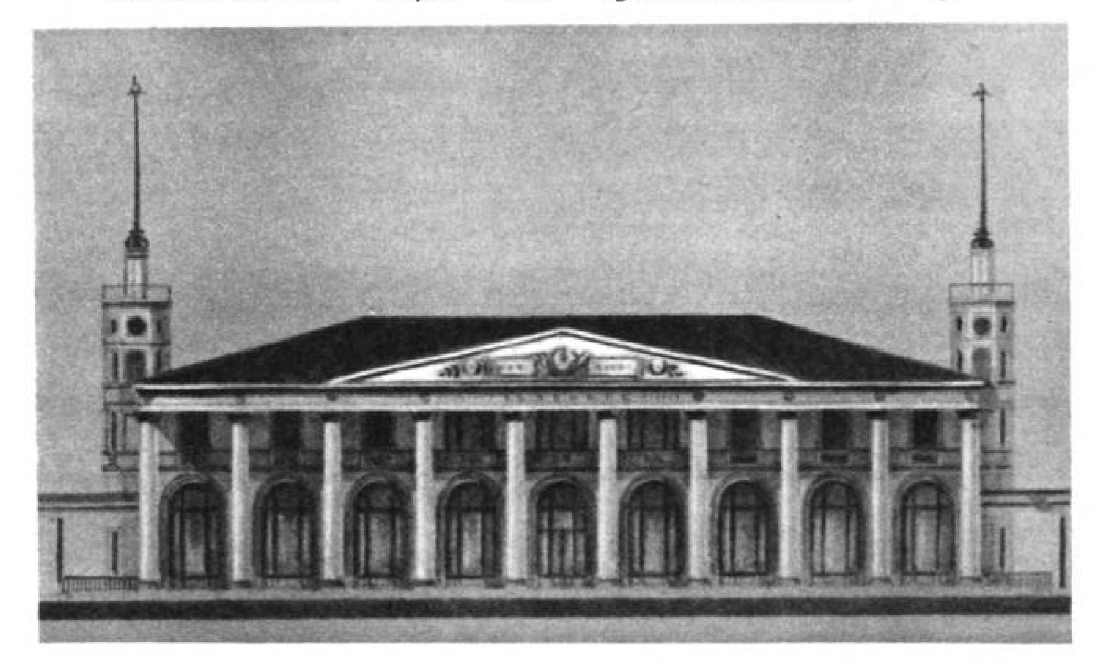
Один из крупнейших на Южном берегу Крыма Симеизский санаторий имени В. И. Ленина во время оккупации был разрушен, все имущество и медицинское оборудование полностью разграблено.

Ныне, после одиннадцатилетнего перерыва, санаторий вновь готов принять для лечения и отдыха советских тружеников.

Здравница, рассчитанная на 200—250 коек, занимает 12 корпусов, расположена на берегу Черного моря. Она оборудована и оснащена по последнему слову медицинской науки и техники.

А. ДЕМИН

Ульяновский порт на Куйбышевском море

Проект речного вокзала в Ульяновском порту. Центральная часть главного фасада.

Представим путешествие по Волге в недалеком будущем. Пассажирский дизель-электроход, идущий из Москвы в Ростов-на-Дону, миновал Горький, Чебоксары, Казань. Строгая линия буев и маяков отмечает судоходный фарватер, пролегающий по бескрайней водной равнине Куйбышевского моря.

И вдруг спокойная гладь начинает рябить под ветром, погода свежеет, и вот уж пенистые волны бьют в борта судна. Пассажиры крепче держатся за поручни, закрывают иллюминаторы кают. Судовой радист протягивает капитану только что принятую радиограмму: «Надвигается шторм. Судам, находящимся в пути, предлагается укрыться в Ульяновском порту-убежище».

Дизель-электроход приближается к гористому, правому берегу, на котором расположен один из старейших городов Поволжья — Ульяновск, родина Владимира Ильича Ленина. На высокой круче, над просторами моря, созданного трудом советских людей, величественный монумент вождя. Судно проплывает под мостом железной дороги Ульяновск — Уфа, заходит под защиту каменного волнолома и швартуется у пассажирского вокзала. Тут и там виднеются караваны барж, плоты, буксирные и грузовые пароходы, теплоходы. Пусть на водохранилище бушует шторм — здесь, в порту, корабли и люди в полной безопасности.

Порт-убежище... Так исстари называют морские гавани, защищенные от непогоды, специально приспособленные к тому, чтобы тут могли отстояться суда во время шторма. Появление огромных водохранилищ вызвало необходимость подобных сооружений и на речном транспорте. Порт в Ульяновске будет одним из крупнейших на Большой Волге. Уже сейчас, когда еще только строится плотина в районе Жигулей, можно представить себе его будущий облик. В Государственном институте проектирования на речном транспорте нас познакомили с результатами изысканий и расчетов, произведенных в Ульяновске. Главный инженер проекта В. Л. Щевелев развертывает перед нами широкие листы синьки.

— Место, на котором появится порт,— говорит он,— отстоит сейчас от воды на пять с лишним километров. На чертеже представлена обширная песчаная низменность. Ее зальют воды Куйбышевского моря. Чтобы создать территорию порта, придется намыть землесосами около семисот тысяч кубометров песка. Вдоль нового, искусственного берега почти на километр протянется причальная стенка, укрепленная шпунтом и железобетонными сваями. Рядом с причалами для пассажирских судов расположится окруженное сквером здание речного вокзала. Дальше пойдут грузовые причалы. Мощные механизмы будут выгружать из судов донецкий уголь, баскунчакскую соль, лес, прибывающий с Камы. Отводятся территории для нефтяных складов и мощного элеватора. Общий грузооборот будущего порта Куйбышевского моря примерно вчетверо превзойдет нынешний грузооборот Ульяновской речной пристани. Неподалеку от порта раскинутся кварталы нового городка водников.

Самое интересное сооружение порта — волнолом, земляная дамба, облицованная камнем и железобетоном. Расположившись в форме дуги, она защитит обширную акваторию от ветров, дующих с востока, юга и севера. Защитой от западных ветров, господствующих в районе Ульяновска, послужит высокий естественный берег.

Ульяновский порт-убежище вступит в строй одновременно с наполнением Куйбышевского моря.

Иван Шацкий впереди

Ожила кубанская степь. Трактористы Дмитрий Солянов и Георгий Синюшин завели моторы — и тракторы выползли на зяблевые массивы, волоча за собой длинный шлейф борозд. Затем трактористы Михаил Косенко и Алексей Ковалев повели агрегаты, составленные из культиваторов. И вот наступила торжественная минута. Начался сев. В землю, напоенную влагой, полилось золотое зерно.

Непрерывно сигналя, спешат с большака и проселочных дорог автомашины, нагруженные семенами и удобрениями. В степи нарастает гул тракторов. Над полями слышится рокот самолетов, подкармливающих посевы озимых с воздуха. Все это сливается в величественную весеннюю симфонию труда.

Знатный тракторист депутат Верховного Совета СССР Иван Шацкий, человек, в котором воплотились черты нового, советского хлебороба, удовлетворенно оглядывает обработанные поля. Начиная весенний сев, его бригада выступила с новым важным патриотическим начинанием.

— Надо бороться за снижение себестоимости обработки земли! — предложили механизаторы.

— В 1949 году мы начали соревнование за отличное качество работ, — рассказывает Иван Петрович Шацкий. — В прошлом году боролись за использование внутренних резервов. Теперь занялись решением важнейшей проблемы: удешевлением производства хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Партия и правительство оказывают нам огромную помощь: мы получаем много машин. К началу весеннего сева на Кубань прибыли сотни новых тракторов, тысячи прицепных орудий. Новая техника продолжает поступать беспрерывно — тракторы, комбайны, сеялки, плуги, культиваторы. Скоро у нас каждый четвертый житель села станет механизатором. Отличная работа — вот наш ответ на сталинскую заботу о хлеборобах.

Призыв бригадира Ивана Шацкого нашел горячий отклик не только в крае, но и по всей стране. На Кубани в соревнование за удешевление производства сельскохозяйственных культур, за подъем урожайности вступило более тысячи тракторных бригад.

Тракторная бригада Ивана Шацкого в содружестве с полевой бригадой Андрея Камнева из колхоза имени Ленина, Курганинского района, Краснодарского края, одна из первых завершила сев ранних яровых культур и многолетних трав, а вслед за тем и весенние работы.

Бригада Ивана Шацкого благодаря новой технологии снизила на 14—16 процентов себестоимость работ. План сева ранних яровых культур и многолетних трав выполнен за три с половиной рабочих дня.

...На массивах раннего сева, на черной бархатной зяби появились первые, нежные зеленые всходы. Они дружно тянутся к свету и солнцу. Пошли в рост озимые. Хорошие всходы обещают обильный урожай на всей кубанской земле.

В. ДАРМОДЕХИН

ТРАДИЦИОННЫЕ ВСТРЕЧИ

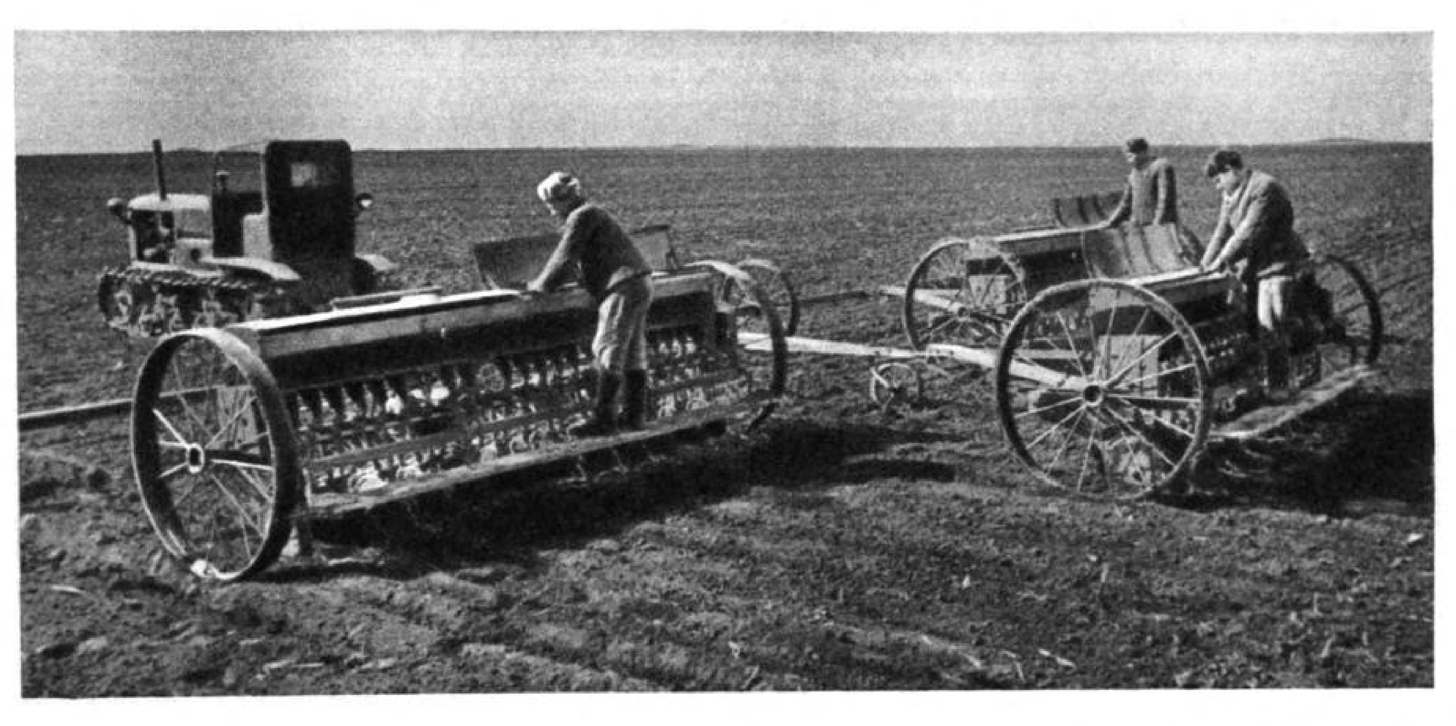
В киевском Дворце спорта на прошлой неделе закончились состязания сборных баскетбольных мужских и женских команд десяти городов. Эти встречи стали традиционными и каждый раз привлекают сильнейших баскетболистов Советского Союза.

К последнему дню соревнований команды Тбилиси и Риги имели по одному поражению и по два поражения команды Москвы, Таллина и Каунаса. От исхода встречи между рижанами и таллинцами зависело распределение мест в турнирной таблице.

Поэтому понятен тот исключительный интерес, который вызвала решающая встреча команд Таллина и Риги. В первой половине игры преимущество было на стороне рижан. Однако эстонцы в дальнейшем сумели добиться перевеса и выиграть со счетом 41 : 32. Таким образом, первое место заняли баскетболисты Тбилиси, на втором месте — команда Таллина и на третьем — Каунаса.

У женщин первое место досталось баскетболисткам Москвы. Они в этом турнире не знали поражений. Второе место заняла команда Ленинграда и третье — Риги.

На снимке: встреча женских команд Риги и Тбилиси.
Фото В. Сычева (ТАСС)

На полевых работах

В Ставропольском крае развернулись весенние полевые работы. Колхозы ведут сев яровых культур.

Трактористы бригады № 5 Богословской МТС обязались вырастить в колхозе имени Сталина, Либкнехтовского района, по 150 пудов зерна с гектара на площади 550 гектаров и по 200 пудов с каждого из 200 гектаров. Бригада производит сев перекрестным способом.

На снимке: сев яровой пшеницы в колхозе имени Сталина. Работает агрегат В. М. Васькова. Он засевает в смену 50—60 гектаров.

Фото Г. Аракельяна (ТАСС)

Две книги Евгения Белецкого

Это не рецензия, ибо трудно одновременно прорецензировать две столь различные книги, одна из которых издана Машгизом, а другая — Географиздатом.

Первая, посвященная описанию оптических профилешлифовальных станков, предназначена служить пособием для конструкторов, технологов, квалифицированных инструментальщиков и должна бы принадлежать перу инженера, специалиста в области станкостроения.

Вторая представляет собой географическое исследование, обобщающее итоги многих путешествий на Памир и в том числе совершенных автором, который является, видимо, деятелем науки, географом.

Но Евгений Белецкий, написавший обе эти книги (первую совместно с К. Харченко), не инженер и не ученый. Он токарь Кировского завода в Ленинграде.

Как появилась книга о шлифовальных станках?

Белецкий, как и его друг слесарь Константин Харченко, работает в инструментальном цехе, продукция которого не выходит за пределы завода, но имеет решающее значение для других цехов. Ведь для того, чтобы выпустить, скажем, трактор, требуется более 1 200 одних лишь мерительных инструментов или приспособлений. А каждый такой инструмент, коль уж он предназначен для точных измерений, должен быть и изготовлен с величайшей точностью. Недаром инструментальщиков, лекальщиков, которым приходится иметь дело с тысячными долями миллиметра, называют «ловцами микронов». Лекальное производство считали всегда традиционно ручным производством. Думалось, что никакая машина не может заменить человеческие руки, этот тончайший в мире инструмент...

Среди новаторов, смело вводивших механизацию в лекальное дело, были два кировца — токарь Евгений Белецкий и слесарь Константин Харченко, старые приятели, проработавшие под одной крышей четверть века. Сейчас это признанные знатоки в области специального станкостроения, связанного с лекальным производством. Создавая станки для лекальщиков, конструкторы непременно советуются с Белецким и Харченко. А когда потребовалась книга о таких станках, ее заказали этим рабочим — токарю и слесарю.

Так появилась первая из двух только что вышедших в разных издательствах книг, о которых мы рассказываем.

Вторая книга — «Пик Сталина» — писалась одновременно с первой. И частенько бывало так, что Харченко заходил к Белецкому на квартиру, думая застать его за чертежами, а тот сидел, уткнувшись в географический атлас.

— Ну, знаешь...— начинал сердиться Харченко.

— Костя, дорогой, извини, пожалуйста. Я сегодня нашел такое... Оказывается, еще Грум—Гржимайло шестьдесят пять лет назад в малоизвестной статье писал, что в районе ледника Федченко имеются две гигантские вершины... А одна из них и есть нынешний пик Сталина, высшая географическая точка СССР.

Итак, книги писались одновременно. Токарь Евгений Белецкий — не только знаток лекального дела, но и альпинист, заслуженный мастер спорта, совершивший десятки труднейших восхождений на горы Памира и Кавказа, в том числе — траверсы Ужбы и Безенгийской стены, человек, который в годы войны провел нашу воинскую часть зимой через горный перевал... К тому же он не просто спортсмен, но и исследователь, действительный член Всесоюзного географического общества, раскрывший тайны многих «белых пятен» на Памире, в частности на его юго-западе, и рассказавший об этом в ряде научных статей. В самом деле, кому же еще было писать книгу о завоевании высочайшей памирской вершины и предшествовавших этому путешествиях и восхождениях, как не человеку, который единственный в стране побывал и на пике Ленина и на пике Сталина и установил на высоте 7 495 метров бюст вождя!..

А. СТАРКОВ

Впереди гроссмейстеров

Три недели продолжались соревнования на первенство столицы по шахматам. Они собрали сильный состав участников: трех гроссмейстеров, трех международных мастеров, шесть мастеров спорта СССР и четырех кандидатов в мастера. Среди них пятеро (А. Котов, А. Лилиенталь, В. Симагин, Ю. Авербах, А. Чистяков) в разные годы уже были чемпионами Москвы.

Нельзя не отметить характерного явления: в прошлых соревнованиях на первенство Москвы, которые проводятся с 1919 года, первые места зачастую занимали молодые шахматисты. Так, например, Н. Григорьеву, когда он стал чемпионом столицы, было 25 лет, Н. Рюмину — 23 года, Д. Бронштейну и Т. Петросяну — по 22 года, В. Смыслову — 17 лет. Эту своеобразную традицию продолжил Владимир Загоровский.

В. Загоровский.

В закончившемся на прошлой неделе XXX чемпионате столицы упорная борьба разгорелась с особенной силой в самом конце соревнований. Перед последним туром лидировали Загоровский и Антошин — у них было по 9½ очков, далее шел Симагин — 9 очков, Котов и Чистяков, имевшие по 8½ очков.

В последнем, 15-м туре Котов выиграл свою партию, а Симагин сделал ничью. Встречи Загоровского и Антошина были отложены в несколько худшем для них положении. При доигрывании Загоровскому удалось сделать ничью, а Антошин потерпел поражение. Таким образом, Загоровский, набрав 10 очков, стал чемпионом столицы; второе, третье и четвертое места поделили Антошин, Котов и Симагин, набрав по 9½ очков.

Старшему лейтенанту Владимиру Загоровскому 26 лет. В шахматы он начал играть с девятилетнего возраста. В 1948 году ему было присвоено звание мастера СССР по шахматам.

Очень сильно провел весь турнир двадцатидвухлетний студент Московского высшего технического училища кандидат в мастера Владимир Антошин. Он выполнил норму, которая дает ему право на присвоение мастера спорта СССР по шахматам.

Е. РУБИН

В Москве, на территории завода «Станкоконструкция», открыта выставка станков, выпускаемых заводами нашей страны. Здесь представлены первоклассные станки, многие из которых являются новинкой не только отечественной, но и мировой техники.

Выставка вызвала большой интерес у москвичей и многочисленных гостей столицы, в частности участников недавно закончившегося Международного экономического совещания.

Фото М. Савина

Автопоезд Дмитрия Машкина

По ледяной дороге, проложенной в лесу, быстро движется автомобиль. За ним легко скользит вереница саней, нагруженных древесиной.

Это автопоезд Дмитрия Ивановича Машкина — шофера-новатора Юрлинского леспромхоза треста «Комипермлес».

Первый опыт поездной транспортировки лесоматериалов Машкин провел четыре года назад. Тогда он прицепил к своей автомашине три комплекта саней и добился рекордной производительности труда. Но достигнутые успехи не удовлетворили шофера-стахановца. Машкин стал прицеплять к автомашине четыре, а затем и пять комплектов саней.

В этом году Юрлинский леспромхоз получил почетное задание — поставлять лес для строек коммунизма. Лесорубы и водители машин приняли на себя новые, повышенные обязательства. Дмитрий Машкин дал слово вывезти на береговой склад не менее 10,5 тысячи кубометров леса. Это значительно больше нормы, установленной для водителя лесовозной машины.

Весь коллектив леспромхоза с напряженным вниманием следил за работой Машкина.

Водитель-новатор начал транспортировать своим автомобилем по шесть — семь прицепов и вывозить за смену 150 — 160 кубометров древесины. Недавно Машкин установил рекорд: машина тащит за собой десять саней!

Раньше одну из веток автомобильной дороги обслуживали два автомобиля. Теперь здесь справляется один, на котором работает Машкин.

У Дмитрия Ивановича много последователей. Искусству вождения тяжеловесных составов он обучил шоферов Плотникова, Сорочинского, Хомякова.

Коллектив Кирьяновского лесоучастка Юрлинского леспромхоза досрочно выполнил сезонный план и вывез дополнительно тысячи кубометров древесины.

...Один за другим по ледяной дороге идут автопоезда с древесиной. Спешат лесорубы, спешат водители машин. Дорог каждый день, каждый час.

Скоро весеннее солнце разрушит ледяные дороги. К тому времени лес, заготовленный уральцами, отправится в далекий путь по Каме и Волге. Его ждут строители новых гидроэлектростанций, каналов и социалистических городов.

О. МАРКОВА

Д. И. Машкин ведет автопоезд.

Фото Ф. Будкевича

Студентки тренируются в беге на 400 метров.

Началась спортивная весна

В Крыму началась спортивная весна. С наступлением теплой погоды все стадионы Симферополя заполнились физкультурниками спортивных обществ, студентами и школьниками. На лучшем в городе стадионе, общества «Пищевик», пробуют свои силы легкоатлеты. По гаревой дорожке бегут девушки-спортсменки симферопольских вузов. В секторах для метания диска и толкания ядра упражняются спортсмены «Спартака» и «Буревестника». Неплохих результатов добились в первый же день лучшие прыгуны области — студенты Ю. Мищенко и Г. Шевченко, взяв высоту в 175 сантиметров.

Большое оживление царит и на симферопольском велотреке. Лишенные возможности тренироваться зимой, велосипедисты стремятся возможно скорее войти в свою былую спортивную форму. На бетонированных виражах трека голубые майки «Буревестника» сменяются красными майками спартаковцев, которых, в свою очередь, сменяют спортсмены «Медика», «Шахтера» и других спортивных обществ.

Велосипедистов много, поэтому время тренировок здесь жестко расписано по часам.

Треща моторами, по улицам города проносится украшенная флагами колонна мотоциклистов: это поехали тренироваться на шоссе члены местного автомотоклуба.

Не тренируются пока только пловцы. До Черного моря нужно ехать 50 километров. Но и эта проблема скоро будет разрешена. Через год — два на окраине города заплещутся волны своего, «Симферопольского моря», работы по сооружению которого идут уже полным ходом, а его молодых строителей мы можем видеть сейчас среди тренирующихся на стадионе спортсменов.

О. КНОРРИНГ

Январь 1951 года

Из романа «Девятый вал»

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки В. Высоцкого

Нильс за последний месяц осунулся. Новый год он еще встретил весело, пил, смеялся; а потом наступили отвратительные дни; достаточно сказать, что он ни разу не посмотрел на свои табакерки.

Он рассчитывал, что Эйзенхауэр пробудет в Париже по меньшей мере неделю, а генерал прилетел в воскресенье и сразу сказал, что уедет во вторник. На аэродром Орли пропустили только официальных лиц и десяток журналистов. Нильс вспомнил, как Эйзенхауэр приехал в Париж вскоре после победы, тогда его встречали сотни тысяч парижан, а теперь машины неслись, выбирая пустынные улицы. Полковник Стоун, сопровождавший генерала, пугливо ежился. Нильс подумал: так, наверно, себя чувствовал в Париже Ширке, но ведь Ширке был сотрудником фон Шулленберга, а Эйзенхауэр — освободитель Франции...

Генерала отвезли в комфортабельную гостиницу на авеню Клебер; штаб поместился в «Астории». Понедельник Нильс провел в томительном ожидании. Позвонил Бедье: он надеялся встретиться с Эйзенхауэром на приеме, но поскольку все церемонии отменены, он просит, чтобы генерал его принял. Нильс сердито ответил: «У генерала нет времени...»

Эйзенхауэр посетил Плевена, Шумана, Мока. Мок ему сказал: «Вы увидите, что мы справимся с коммунистами». Эйзенхауэр вежливо улыбнулся. Вечером полковник Стоун говорил Нильсу: «Допустим, что они действительно заткнут глотку своим красным, все равно я не верю в их армию — кого они смогут мобилизовать, если не этих же горлодеров? Мок просит увеличить поставки вооружения... Я боюсь, что мы даем оружие нашим завтрашним врагам».

Вторник был шумным. Утром зимнее красное солнце пробилось сквозь туман. Нильс в «Астории» разговаривал с полковником Стоуном, когда дежурный офицер доложил: «Красные явились с петициями...» Разумеется, Стоун приказал никого не впускать. Нильс, поглядев в окно, разозлился: префект опять прозевал. Интересно, что у французов в голове? Вызвали командира МП, тот позвонил префекту. Прибыли грузовики с полицейскими. Толпа на Елисейских полях не редела: шли все новые и новые делегации, они несли листы, скрепленные подписями: «Генерал Эйзенхауэр, уезжайте домой!». Нильс злился. Нечего сказать, «петиции»! Где же хваленая французская вежливость? У них не осталось даже этого...

С полудня начались забастовки. Нильсу непрерывно докладывали: «Забастовали телеграфисты... Ситроэн... рабочие Берти... газ... студенты... депо... муниципальные служащие... Готчкис...» Нильс наблюдал, как полицейские разгоняли толпу. Потом он отошел от окна: волокли молодую женщину, лицо ее было в крови. Нильс поморщился: конечно, эксцессы неизбежны, все же они могли бы бить женщину не по лицу: для французженки внешность — это все...

Под вечер стало несколько спокойней. Префект доложил, что арестовали двести красных. Нильс снова подошел к окну. Красивая улица Елисейские поля... А французы верны себе: драка, крики, кровь и тут же дети пускают шарики — розовые, изумрудные, голубые. Нильс залюбовался шарами в сизосинем небе. Один шарик несся прямо к «Астории». Нильс вдруг увидел, что на нем написано: «Генерал Эйзенхауэр, уезжайте домой!» Что за проклятая страна! Все французы, как Бедье, считают себя неотразимыми, а на самом деле они вызывают отвращение. У них наглость сутенеров. Может быть, когда-то они были нацией, теперь это уличный сброд. Я долго защищал их, но они опротивели даже мне.

«Ну, что тут написать?» — уныло думал Бил Костер. Наверно, Бернсон считал, что парижане закидают Эйзенхауэра цветами. Это пакостный город, только такой потаскухе, как дочка рыжего, может здесь нравиться...

Бил решил заглянуть в «Асторию»: может быть, Стоун расскажет что-нибудь о переговорах. Полицейские отгоняли французов от подъезда, некоторых волокли в тюремные фургоны. Костер подумал: все-таки французы — глупый народ, не понимаю, почему их считают остроумными? Молодой парень, кажется, мог бы пойти на матч бокса или выпить с приятелем, нет, он подписывает дурацкие резолюции. Политикой стоит заниматься, если за это платят, а для французов политика — страсть.

Вдруг Костер увидел хорошенькую, элегантно одетую девушку, которая тщетно пыталась проникнуть в «Асторию». Полицейские у них тоже дураки, подумал Бил, не могут отличить порядочных людей от красных. Он любезно спросил девушку:

— Вы кого-нибудь ищете, мадмуазель?

Девчонки здесь, что ни говори, восхитительные...

Девушка протянула карточку: «Генерал Эйзенхауэр, уезжайте домой!» Бил ее недоуменно оглядел:

— Слушайте, зачем вы занимаетесь такой ерундой? Мордочка у вас приятная. При других обстоятельствах я бы вас, пожалуй, пригласил поужинать...

Девушка вспыхнула:

— Вы, кажется, хотите получить в придачу пощечину?

Бил рассердился и подозвал полицейского:

— А ну, уберите эту красную!

Полковник Стоун не рассказал ничего интересного, и Бил, громко позевывая, диктовал статью: «Французы дали отпор кучке московских агентов...»

На следующий день он скучал и злился в Брюсселе, потом в Гааге, в Копенгагене, в Осло, в Риме. Повсюду министры прибеднялись, говорили, что нет солдат, нет средств, и повсюду красные повторяли: «Генерал Эйзенхауэр, уезжайте домой!» Европейцы еще смеют говорить об однообразии Америки. Вздор, у нас что ни человек, то другая судьба. А здесь скучища, никакой романтики. Я мечтал об охоте на тигров, а должен выслушивать каждый день те же жалобы или ругань. Конечно, в Гааге чисто, а в Риме грязные развалины, которыми итальянцы почему-то гордятся, но все они клянчат деньги или поносят американцев, воевать никто не хочет, это трусы и дармоеды. Хорошо, что скоро я буду дома! Правда, в Нью-Йорке меня не ждет ничего утешительного. Наверно, Виктория успела приобрести мумию фараона или найти нового специалиста по лечению вегетативной системы, так что денежки Бернсона плакали. Но в Нью-Йорке по крайней мере можно выпить с Джимом, это славный парень.

Костер страдал от отсутствия собутыльников. Журналисты, сопровождавшие Эйзенхауэра, были мелкими карьеристами, старались угодить полковнику Стоуну, подсмотреть в щелку, улыбается ли генерал после беседы с голландским премьером. Бил их презирал. В Париже его обидел Нильс. Костер говорил себе: этот дурак с табакерками задается. Он не сумел прибрать к рукам французов, а с независимым журналистом разговаривает, как с подчиненным. Препротивная личность!

Зато Бил расцвел во Франкфурте: генерал Даус сказал, что Костер не просто журналист, он отличился в Праге, нужно пригласить его к обеду. Даус понравился Билу: генерал обругал французов, сказал, что с немцами дело на мази, много пил, потом перешел на веселые анекдоты, а под конец показал фокус: дал полковнику Стоуну крохотную салфеточку и вытащил у него из кармана большую простыню. Все смеялись, особенно сам генерал Даус и Бил. Костер был в восторге: вот это настоящий американец! Он делает мировые дела, а за столом — простой парень. В таких людях наша сила, можно изъездить всю протухшую Европу, ничего похожего не найдешь.

Костер подробно описал успехи Эйзенхауэра в Германии. Генерал показал себя настоящим рыцарем: он великодушно обещал вчерашним противникам забыть прошлое, говорил о чести вермахта. Один немецкий генерал, слушая, даже прослезился. Бил сказал Стоуну: «Это Эйзенхауэр здорово отмочил. Конечно, немцы тоже дураки, но они куда порядочнее французов. Если они скажут, что пойдут воевать, то они пойдут».

Как ни приятно было у Дауса, Костер с облегчением подумал: в среду — Париж, там продиктую последнюю статью и — домой...

Бедье злился: зачем Эйзенхауэру понадобилось объясняться в любви нацистским генералам? Атмосфера здесь и без того накаленная. Многие рассуждают, как Бодри. А коммунисты назначили на среду демонстрацию, хотят освистать Эйзенхауэра. Боюсь, что им удастся поднять людей: Нильс не понимает, что немцев у нас слишком хорошо помнят.

подумала: до чего он похож на Пепе (вспомнила фотографию, которую ей показала Мари). Рабочий сказал:

— Вот было бы хорошо, если бы вы меня поскорей отпустили... А то наши идут к «Астории»...

Люси улыбнулась:

— Сейчас кончу. Я туда тоже пойду...

Ее начальник Бонье предупредил служащих, что демонстрация запрещена и что он не потерпит участия в уличных беспорядках сотрудников мэрии.

— Это вопрос не только политических убеждений, но и такта.

Люси поправила волосы, провела по губам помадой и насмешливо ответила:

— Когда говорят об американцах, лучше не вспоминать о такте... Вы напрасно думаете меня испугать увольнением, господин Бонье, немцы меня приговорили к десяти годам, из них три года я отсидела...

Она пошла со служащими мэрии. Когда-то были листовки, минута счастья в квартире Формиже, тюрьма, тревога, смерть Робера. Много лет прошло, она уж не наивная девочка... Кругом люди, они идут с работы, пьют аперитивы, покупают вечерние газеты, смеются или хмурятся. Все устроились, а у нее своей жизни так и нет: склеенная чашка на полке...

Она увидала на фасаде дома мраморную дощечку: «Здесь 22 августа 1944 года пал смертью храбрых Жан Шоле». Несколько засохших цветов. Нет, ничего еще не кончилось! Жан Шоле погиб, а сейчас идут другие. Есть среди них и наивная девушка, какой я была, и у нее свой Робер, может быть, сегодня его арестуют или застрелят... Карты теперь раскрыты: американцы договорились с немцами. Я не удивлюсь, если Эйзенхауэр любезничал с гестаповцем Грейзером, который пытал Робера, Пепе, меня...

Люси вдруг очень звонко крикнула: «Эйзенхауэр, убирайтесь!..» Ее голос затерялся среди гудков машин, шума людной улицы.

Когда профессор Брюан, закончив лекцию, сошел с кафедры, один из студентов сказал:

— Мы должны сейчас пойти на Елисейские поля. Пусть Эйзенхауэр знает, что молодежь Франции не продается...

Профессор Брюан смутился:

— Зачем вы вносите в эти стены политику?

— Это не политика. Это дело совести каждого француза. Мы знаем, что вы отказались работать с немцами. Вы были другом Дюма. Неужели вы нас осудите?

Профессор Брюан, помолчав, сказал:

— Может быть, вы правы, не знаю...

Профессор Брюан пошел домой; он поднял воротник пальто — дул холодный ветер. Он подумал: Дюма, наверное, пошел бы на Елисейские поля. В общем, они правы: зачем нам воевать против русских да еще рука об руку с вермахтом? Теперь все политика... Когда я был студентом, мы горланили, потому что нужно было освистать профессора или потому что была масленица, надевали маски, бросали конфетти... Жизнь стала очень суровой. А может быть, я, как все старики, дуюсь на новые времена? Ведь им весело — поют, будут драться с полицией... Дюма обязательно пошел бы с ними...

Нильс не положился на префекта и спросил Бедье, какие меры приняты, чтобы не допустить беспорядков. Бедье поспешил его успокоить: десять тысяч полицейских приведены в боевую готовность, демонстрации не будет.

Бедье повеселел: все-таки Нильс мне доверяет. Пожалуй, есть шансы сохранить портфель... Хорошо бы повидать Эйзенхауэра. Нильс сказал, что постарается это устроить. Надо надеяться, что коммунистов теперь не допустят близко к Елисейским полям...

Наступали сероголубые сумерки. Самба возвращался с выставки молодого художника, которая его рассердила: немного от Матисса, немного от Брака и ничего своего. Он медленно шел с улицы Ля Боэси к Елисейским полям; он больше не думал о живописи — любовался Парижем. Пожалуй, это самый удивительный час. Некоторые окна чуть светятся; холодок; пепельные дома еще печальней обычного; ветки голых каштанов как будто нарисованы бледной тушью; легкий туман обволакивает и лица встревоженных женщин, и груды чересчур ярких апельсинов на ручных тележках, и лиловатый мокрый асфальт. Я много писал Париж, а вот этого волнения так и не передал, это похоже на сборы в далекий путь или на последнюю страсть уже немолодого человека...

На одной из улиц, выходящих к Елисейским полям, Самба увидел толпу, которую теснили полицейские. Самба любил уличные сборища, рабочих в кепках, озорных девушек, крики, песни — это напоминало ему дни августовского восстания, короткое счастье, когда он был со всеми. Он и теперь об этом подумал и вдруг увидел Ивонн. Ее лицо давно его привлекало необычайным напряжением, вдохновенностью, нежностью, переходившей в суровость; именно такой он увидел ее, когда был у Рене и разговор зашел о событиях в Ницце, потом на похоронах Дюма. Такой она была и теперь; казалось, она сейчас прорвется сквозь цепи полицейских — столько было в ней сосредоточенности, огня, воли.

Самба не заметил Рене, который, смеясь, сказал:

— Ты что удивляешься? Не пускают. Боятся, что Эйзенхауэр обидится.

Только теперь Самба вспомнил: вчера в баре говорили, что будет большая демонстрация против Эйзенхауэра. Он подумал: коммунисты правы — все-таки противно, что снова говорят про немецкие дивизии. Зачем я лежал на крыше и стрелял в нацистов? Зачем погибла Леонтина?.. Он сказал Рене:

— Пойду с вами...

Рабочие заводов Берти шли к площади Конкорд. Впереди шагал механик Габэн. Неделю назад он получил коротенькое письмо от Лежана, который писал, что в Ля Рошелли настроение хорошее, докеры держатся геройски — не хотят выгружать американское вооружение; против него префект возбудил третье дело — процесс будет в феврале. Габэн прочитал письмо Лежана рабочим; все говорили, что докеры подают пример.

Рабочие шли вдоль набережной. Сена тоскливо светилась змеиной чешуей. Прокричал буксир. Вспыхнули воспаленные глаза завода. Рабочие дошли до площади Конкорд, она была оцеплена полицейскими и, пустынная, казалась огромным бальным залом с натертым паркетом и таинственными канделябрами. Здесь произошла первая стычка с полицейскими. Габэн увидел, как токарь Реми упал на землю. Тоненькая струйка крови поползла по каменной плите. Габэн крикнул: «Ах, вот как!..» Он побежал вперед, за ним ринулись другие. Площадь Конкорд ожила, зашевелилась.

Люси записывала в мэрии гражданские акты. Перед нею стоял молодой рабочий, объяснял — он не женат, а дочка — его, так и надо записать: Мари-Клод Дюваль. Он теребил в руке кепку и поглядывал на часы. Люси

Студенты шли по бульвару Сен-Мишель и пели. На террасах кафе сидели другие студенты. Некоторые из них ругались: «Когда же генерал де Голль заткнет глотку коммунистам?..» Другие равнодушно усмехались: охота им лезть в драку! Лучше посидеть в кафе, посмеяться, полюбезничать с Нини или с Марго — ведь это годы счастья, за ними — служба, катарр желудка, налоги, старость...

Возле Сены полицейские разогнали демонстрантов, арестовали десяток студентов; остальные исчезли. Шли мирно автобусы. Девушка продавала букетики фиалок. Четверть часа спустя на другом берегу Сены студенты снова собрались и затянули «Марсельезу».

Мари шла с рабочими типографии по горбатой улице Бельвилля. Здесь не было ни сверкающих кафе, ни нарядных витрин, ни модниц. Старые дома казались покрытыми морщинами, ссадинами, сыпью. Иззябшая женщина несла ведерко с углем. У цинковой стойки рабочий пил красное вино. Крохотная девочка плакала на мостовой, похожая на брошенную куклу. Глядя на демонстрантов, про-

хожие сочувственно ухмылялись, некоторые кричали: «Передайте ему, чтобы он убрался в свою Америку...»

Шомэ сказал Мари:

— Я тридцать два года работаю. Чего только не приходилось набирать! А вот при немцах я пошел копать картошку, душа не выдержала. И что же ты думаешь? Эти подлецы теперь договорились с немцами. Нет, уж лучше пусть меня пристрелят, чем еще раз пережить такое!..

Рабочих останавливали, рассеивали; но когда они подошли к набережной, все вокруг было черно от народу. Мари подумала: вот где Париж! Пусть они видят, какая у нас сила. Пепе погиб не для того, чтобы Жано шагал по команде какого-нибудь фашиста. Нет, Жано будет счастлив, если не верить в это, страшно жить, ведь другого у меня не осталось. Неправда, есть партия. Пепе написал перед казнью: «Дорогая моя Партия» — так он прощался с Францией... Американцам все-таки придется убраться, ничего они с нами не поделают...

Саблон стоял на площади Этуаль возле Могилы неизвестного солдата. Он думал о Франции: сколько раз она падала и снова подымалась! Если поглядеть на карту, это — маленький кусок Европы, а все-таки это — Франция. Ее не вычеркнешь. Культура не платье, она не может выйти из моды. Забыть про Расина, про Вольтера, про конвент, про Бальзака, про Гюго? Глупости! Конечно, есть выродки, которым нравится «кока-кола», но сколько таких? Почему мы, французы, должны вдруг начать жить по-американски? Может быть, потому, что американцев больше, что они богаче? Так способен рассуждать только Бедье, и то сомневаюсь. Они забыли, сколько у нас за спиной веков. Неправда, что сердце народа одряхлело, есть еще задор, достаточно посмотреть на этих людей; у каждого из них семья, трудности, заботы, и все-таки они пришли. Никогда я не видал столько полиции. А разогнать не могут... Кто опишет мужество Парижа? Его нелегко рассмотреть, оно спрятано за шуткой, за усмешкой — люди стыдятся походить на героев... На могиле, как всегда, пламя. Кто здесь похоронен? Парижский рабочий? Или бургундский винодел? Или лавочник из Тулузы? Может быть, он не знал, почему умирает. Мне было тогда десять лет, в школе говорили, что это война против кайзера. Наверно, воевали не потому... Откровенно говоря, я ничего не понимаю в политике, не берусь сказать, правильно ли рассуждают коммунисты, но сейчас они отстаивают Францию, это бесспорно. А Франция — не то или иное правительство, это целый мир, это дерево на берегу Луары и стихи Бодлера, шутка, печаль, такой человек, как Дюма, и маленький петушок на шпице колокольни среди бледной лазури. Можно спорить о принципах, но когда речь идет о Франции, споры кончаются. Здесь нужно стоять насмерть. Сороковой год не повторится: это был обморок, напрасно многие его приняли за смерть. У нас сейчас — Верден; за границей, кажется, этого не понимают. Франции мы не отдадим...

Саблон повернул к Елисейским полям. На углу авеню Клебер его остановил полицейский. В это время сотня демонстрантов прорвалась сквозь цепь. Полицейские били людей дубинками. Саблон хотел было показать остановившему его полицейскому удостоверение журналиста, но вместо этого бросился в свалку. Он вырвал дубинку из руки полицейского и закричал:

— А теперь к Эйзенхауэру!..

Мадо шла в толпе рабочих. На площади Итали она вспомнила: кружилась карусель, печально вздыхала старая шарманка, ее руку сжимала рука Сергея. Как мог этот жар сохраниться? Ведь до сих пор она чувствует тепло его руки. Он идет рядом. Тогда сорока ей вытащила билетик: «Пусть успокоится твое сердце, предмет любви тебя не оставит». На следующий день Сергей сказал, что уезжает. Она плакала, говорила себе: оставил. А это неправда: может быть, хотел оставить, но не смог — любовь оказалась сильней. Он и сейчас с нею...

Она улыбалась: ей было легко среди незнакомых и близких людей. Подросток весело крикнул: «Пусть они катят к себе!» Мадо засмеялась. На площади Репюблик полиция начала разгонять демонстрантов; они разбегались и снова собирались; шли по улице Риволи к Конкорд. Площадь Конкорд оцепили и потому, что она ведет к Елисейским полям, и потому, что на ней помещается американское посольство.

Полицейский оттолкнул Мадо; она чуть было не упала, ее поддержал рабочий. Она побежала вперед и увидела, что все бегут. Вот и посольство... Мадо крикнула: «Уезжайте!..» Тысячи голосов подхватили: «В Америку!..» А мальчуган в чересчур большой кепке хлопал в ладоши и повторял: «Go home! Go home! [1]».

Костер шел из «Астории» в свою гостиницу. Улица была забита людьми. Бил нервничал: как они сюда пустили сброд с окраин! Разгильдяи, тунеядцы! Нет, нужно прямо сказать, что мы кормим свору дармоедов.

Бил начал расталкивать людей. Кто-то сказал ему:

— Вы потише.

Костер, разумеется, выругался. Тогда этот наглец завопил:

— Американец!..

Костера окружили. Он показал корреспондентский билет. Все начали кричать:

— Уезжайте домой!

Он хотел уйти, но какие-то девчонки, взявшись за руки, прыгали вокруг него. Костер испугался: у француженок бешеный темперамент, они могут буквально растерзать. Ни одного полицейского. Вот разини! Нужно было переждать в «Астории», пока не разгонят... Могут убить, это настоящие фурии. Он в отчаянии крикнул:

— Я не такой!.. Я даже против Эйзенхауэра!..

Это ни на кого не подействовало. Девчонки продолжали визжать:

— Уезжайте домой!

Костер еще громче крикнул:

— Да я завтра уезжаю, это абсолютно точно!

Все зааплодировали. Одна из девушек, смеясь, сказала:

— Вы не представляете себе, как мы вам благодарны! Только, пожалуйста, больше не возвращайтесь. Хорошо?

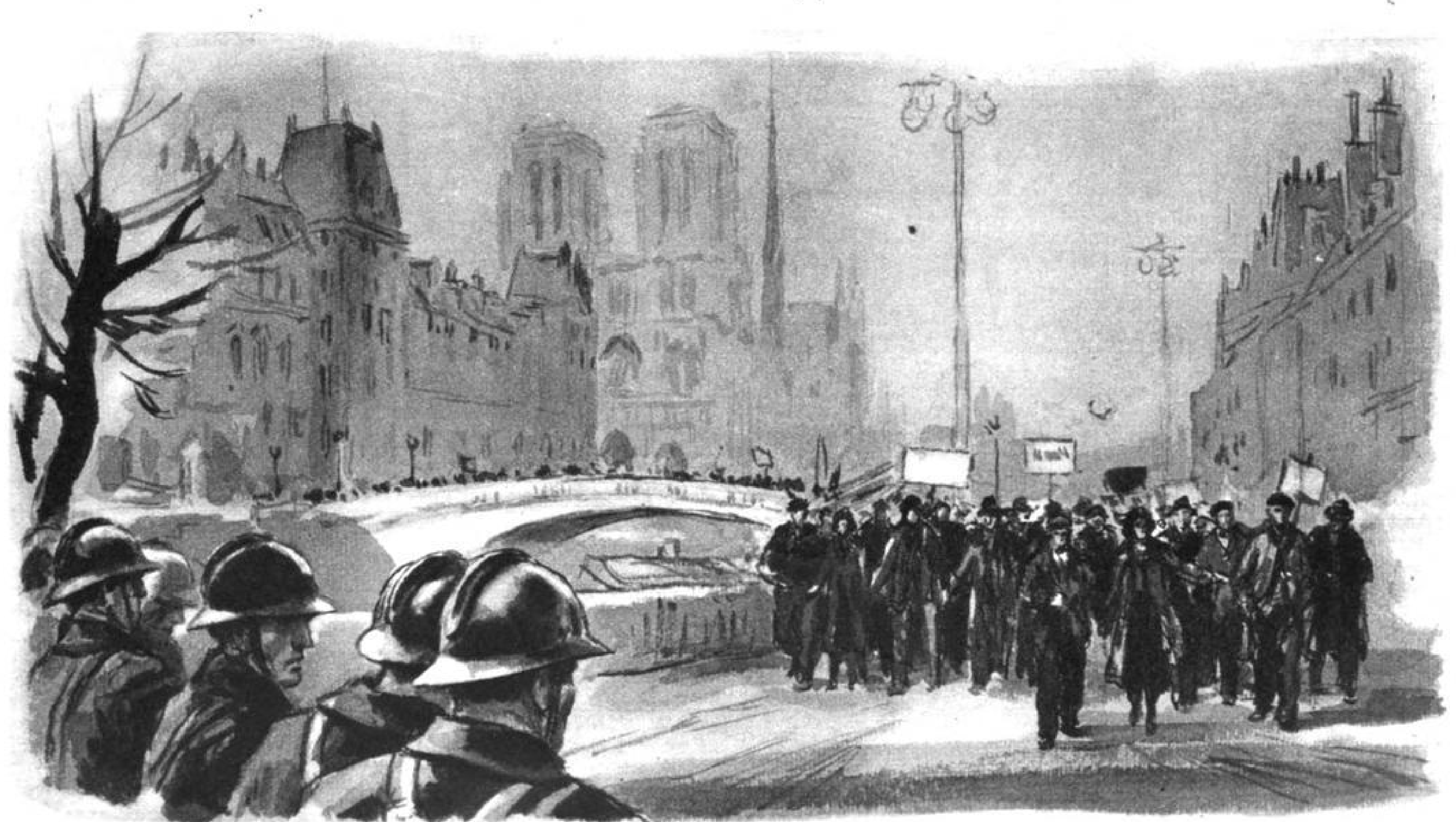
— Не вернусь, это так же точно, как то, что я Бил Костер.

Он наконец-то выбрался из толпы и нашел такси. Он чувствовал себя замученным, как будто его долго колотили; во рту было сухо, пришлось выпить залпом два стакана виски с содовой. Я не соврал этим босякам: больше я сюда ногой не ступлю. Лучше валяться в Нью-Йорке под мостом, честное слово! Бернсон сидит у себя дома, почему же я должен рисковать своей шкурой? Пошлю к чорту Викторию с ее вегетативной системой, в общем она мне смертельно надоела. А на «миссию Америки» мне наплевать. Бил Костер хочет спокойно пить виски. Точка.

Нильс думал, что генерал нервничает, но тот не подал виду, что демонстрация его интересует. Когда Нильс стал рассказывать, что арестованы две тысячи семьсот красных, Эйзенхауэр его перебил:

— Это дело полиции... Я хотел вас предупредить, что нужно подготовиться к совещанию о европейской армии. Шестого февраля в Париж прибудут генерал Шпейдель и генерал Рамке.

[1] Идите домой!

Нильс не вытерпел:

— Я понимаю всю важность вопроса, но, может быть, не следует сейчас раздражать французов? Я говорю, конечно, не о коммунистах, но те круги, которые поддерживают нашу политику, болезненно воспримут приезд двух нацистских генералов. Здесь очень сложная обстановка...

(Нильс потом упрекал себя за эти слова. Конечно, мне пришлось вести работу, которую иначе как дипломатической не назовешь, но для генерала я только военный, подчиненный Доуневэна. Лучше было бы промолчать, тем более после демонстрации.)

Эйзенхауэр сухо ответил, что о политической стороне дела Плевен договорится в Вашингтоне: смешно считаться с локальными предрассудками, когда речь идет о создании западного вала против коммунизма.

— У вас болезнь, присущая дипломатам,— сказал Эйзенхауэр.— Когда они слишком долго остаются в чужой стране, они начинают думать об интересах этой страны, забывая про национальные интересы.

Нильс молчал, ошеломленный. Генерал добавил:

— Я думаю, что вам полезно поработать дома... А теперь вернемся к совещанию. Вы, наверно, знаете, почему голландский военный министр подал в отставку...

Нильс у себя дома негодовал: вот благодарность за все, что он сделал! Кто меня поддержит? Уж, конечно, не Доуневэн. Даусу повезло: его лошадка пришла первой. А меня отсылают, потому что французы протухли. Это глупо, но это именно так.

С отвращением подумал он о жизни в Вашингтоне. Скучно, пошло, нет ничего ни для ума, ни для сердца. Доуневэн, Робертс, интриги, сонный провинциальный город. Слов нет, я привязался к Франции, здесь все радует глаз: картины, женщины, пейзажи. Можно поехать в маленький ресторан на берегу Марны, забыть про политику, оказаться хоть на час в раю...

Он грустно разглядывал табакерки: это все, что у меня останется от Франции. Он положил перед собой свою последнюю находку: крохотную серебряную табакерку, на которой были выгравированы фригийский колпак, меч и девиз «Свобода или смерть!» Он задумался. Разве я не свободен? Никого не люблю, семьи у меня, к счастью, нет. Может быть, я связан службой? Нет, я могу ее бросить в любую минуту, пакет акций «АЛКОА» меня обеспечит. Скажут, что меня сковывают идеи. Это неправда, я не Робертс. Конечно, я честно выполнял задание, но никогда я не был ослеплен той «миссией Америки», о которой говорит президент. Я понимаю, что американцы должны стремиться к мировому господству, это правило игры, а не символ веры. Если бы я был владельцем того восхитительного ресторанчика на Марне, куда меня часто возил Бедье, я считал бы, что мировая политика должна вращаться вокруг туризма, винного погреба и жареных окуней. Я действительно свободный человек, вероятно, поэтому мне сейчас так скучно. Якобинцы были наивными: что значит «Свобода или смерть»? Ведь свобода — та же смерть...

Он вдруг усмехнулся: нет, я не свободен: у меня есть страсть — табакерки. Если не будет войны, я поселюсь в Париже, как рантьер. Я должен разыскать табакерку доминиканца Фревиля, о которой писали в «Меркюр де Франс»; она из слоновой кости, и на ней надпись: «Я счастлив, что открыл не Америку, но твое сердце, Люси!»

Позвонил Бедье, заикаясь от волнения:

— Простите, что я еще раз вам напоминаю... Вы говорили, что генерал сможет меня принять. Он, кажется, завтра улетает в Исландию?..

Нильс возмутился: этакая наглость! Бедье не сумел даже помешать демонстрации, хотя клялся мне, что «все будет замечательно». Шалопай и бабник! Он еще хочет, чтобы его принял Эйзенхауэр... Нет, французы окончательно выродились.

— У генерала дела поважнее... Кстати, он знает, какую ответственность вы несете за демонстрацию... Красные до сих пор беснуются... Я вас могу только поздравить с таким успехом...

Нильс немного повеселел: Бедье сегодня не пойдет к девкам. Пусть знает, что значит зря есть наш хлеб!

Бедье был подавлен словами Нильса. Этот американец слишком много себе позволяет. Коммунисты в одном правы: такие господа, как Нильс, ведут себя неприлично. Все-таки мы не Бенилюкс... Как я мог помешать демонстрации? Это вообще не мое дело. А Мок сделал все, что было в его силах. Американцы не знают французов, наш народ любит свободу. Им придется еще познакомиться с французским сопротивлением... Все это так, но моя песенка спета. Американцы от меня отворачиваются. У Бидо свои любимчики, это иезуит, а Шуман — сухарь. Хотя коммунисты кричали, что я разбогател, я нищ. Сбережений хватит самое большее на два года. Правда, потом может быть война. Но если ее не будет? Конечно, я могу найти работу в каком-нибудь банке, но это скучно: тот, кто привык пить вино, от минеральной воды погибает. Кстати, врачи хотят мне запретить вино, это тоже скучно. Я теперь не могу жить вне политики. Получилось ужасно глупо — я продулся...

Бедье громко зевнул. А с улицы доносились крики, пенье — демонстрация все еще продолжалась.

Самба был добродушным, казался неповоротливым, а когда дело доходило до драки, оживлялся, входил в азарт, удивлял всех не только силой, но и ловкостью; именно таким его видели участники парижского восстания, которые его окрестили «гиппопотамом». Полицейские хотели разогнать демонстрантов — один схватил Ивонн. Самба его повалил. Демонстранты бросились вперед. Ивонн отстояли, но на Елисейские поля они так и не прошли, попрежнему стояли на боковой улице.

Самба набил трубку, злобно в нее пыхтел; он сказал Рене:

— Обидно... Уж если кричать, так там — перед «Асторией»...

Рене ответил:

— Другие прорвутся — с Конкорд или с Этуаль.

Они стояли друг против друга — демонстранты и полицейские. Стемнело. Вспыхнули шары фонарей. Засветились дома.

Вдруг Ивонн молча бросилась вперед. Все побежали за нею. Полицейские думали, что демонстранты давно успокоились, и не ждали натиска. Воспользовавшись их замешательством, толпа прорвалась на Елисейские поля.

Здесь были люди из Бельвилля, из Менильмонтана, из Иври, из Плезанс, из Сюренн, из Монружа, жители окраин и пригородов, редкие гости этого нарядного квартала, где в витринах выставлены последние модели «кадильяка» и где в кафе сидят американцы или клиенты адвоката Гарси. Рабочие принесли с собой тоску, гнев, веселье Парижа. Слышались шутки, обрывки песен, проклятья, смех.

Ивонн вскочила на каменную ограду у спуска в метро. Ее глаза были шире обычного, а лицо, освещенное двойным светом умирающего заката и еще неяркого фонаря, было строгим и прекрасным. Самба не мог оторвать от нее глаз; на минуту он забыл об Эйзенхауэре, о полицейских, о демонстрации.

Ивонн вытянула руку и громко крикнула:

— Мир!..

Несколько полицейских кинулись к ней и сбросили ее вниз на лестницу метро. Толпа в ужасе застонала.

Самба, расталкивая всех, подбежал к Ивонн; она лежала на каменной ступени; ему показалось, что она мертва, и он вскрикнул. Но Ивонн раскрыла глаза, слабо улыбнулась.

Ее унесли к машине. Рене сказал: «Домой...»

Самба оглянулся. Толпа увеличилась. Возмущение происшедшим придало силы демонстрантам. Напрасно полицейские били дубинками, людей нельзя было оторвать от фонарей, от балюстрад, от деревьев. Кто-то выбросил маленький флажок, и он мелькнул, освещенный тонким лучом прожектора. Лица тысяч людей смутно проступали в черно-розовом тумане. Там внизу — Конкорд, Сена, Париж...

Песня росла:

Вперед, отечества сыны!..

На обложке и вкладках

Юноша, почти подросток, с открытым взглядом и волевым, энергичным лицом — таким предстает в скульптуре В. Цигаля «Ленин-гимназист» юный Володя Ульянов. Все в его скромном и обаятельном облике говорит о большой внутренней силе, целеустремленности, напряженной работе мысли. Тепло и просто рассказывает о нем скульптор, с большой точностью воссоздавая его черты.

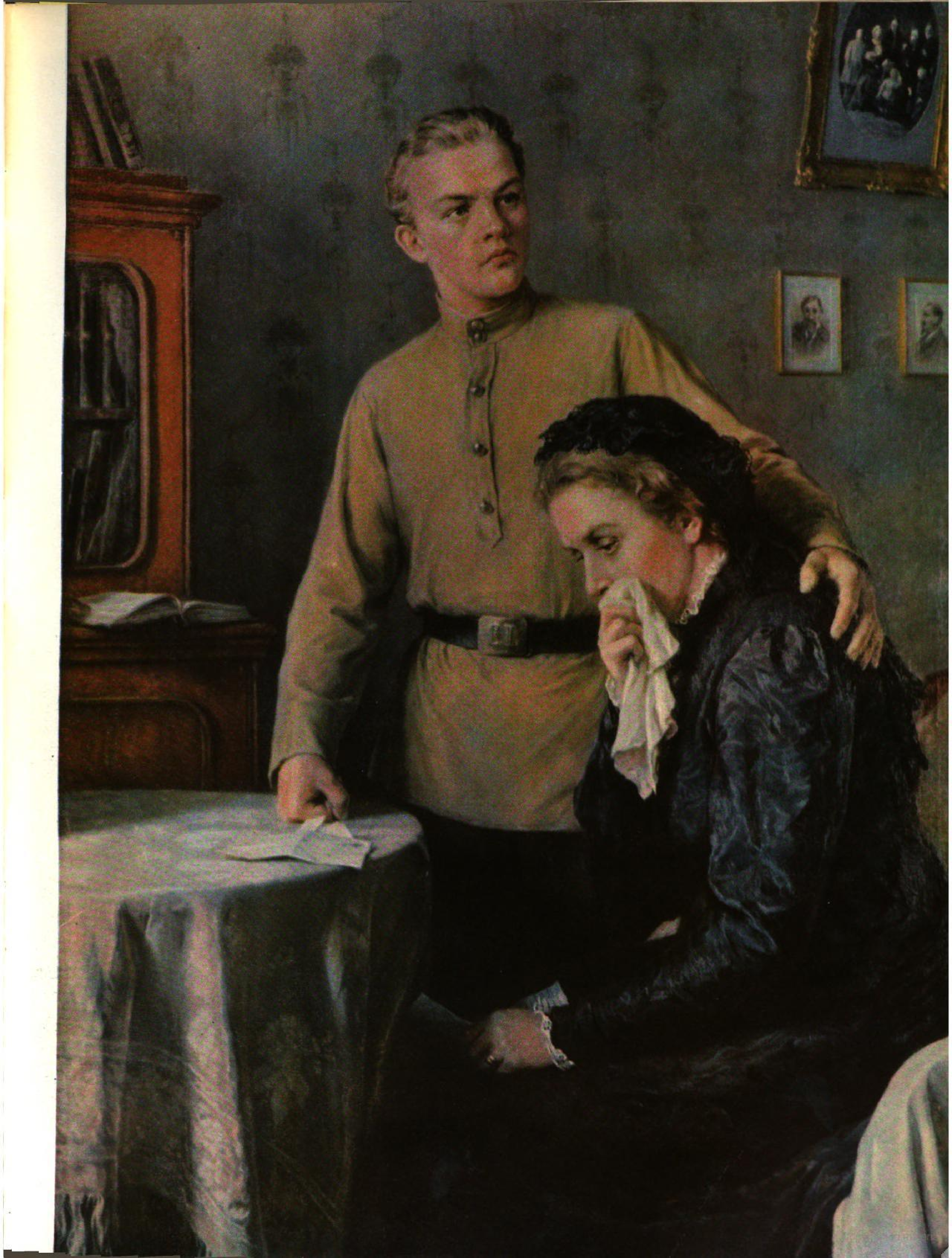
Страницу за страницей перелистывают наши художники биографии вождей — неиссякаемый источник для творчества. Целый ряд новых работ появился на Всесоюзной художественной выставке 1951 года. Много лет работает над образом Ленина ленинградец П. Белоусов. В его картине «Мы пойдем другим путем» Володя Ульянов изображен тоже в годы учебы, в одну из самых тяжелых минут своей юности. Нежно утешая и ободряя убитую горем мать, он задумался над трагической судьбой старшего брата, Александра, над тем, по какому пути, действительно правильному, должна пойти в России революционная борьба.

Еще одна живая страница биографии: картина московского художника Ф. Голубкова повествует о начале революционной деятельности вождя, об одной из ранних его бесед с рабочими. Спокойно и убедительно звучат слова Владимира Ильича, и с затаенным дыханием ловят их слушатели.

Графическая серия лауреата Сталинской премии И. Соколова посвящена изображению ленинских мест. Большой теплотой овеяны изображения дома в Ульяновске, где прошли детские и отроческие годы Владимира Ильича. Художник как бы ведет за собой зрителей по тихой, затененной вековыми деревьями улице к небольшому скромному жилищу, входит в комнаты, задерживается в столовой, где собиралась обычно за большим обеденным столом вся дружная ульяновская семья, поднимается по узкой старой лестнице в комнату Володи. Рисунки И. Соколова знакомят с местами, дорогими сердцу каждого советского человека.

→

«МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ». Художник П. П. Белоусов (Всесоюзная художественная выставка 1951 года).

ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА. **Художник Ф. Я. Голубков.** Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

И. А. Соколов. ИЗ СЕРИИ РИСУНКОВ «ДОМ-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В УЛЬЯНОВСКЕ». ДОМ С УЛИЦЫ.

КОМНАТА ВОЛОДИ.

СТОЛОВАЯ.

ПЕРЕДНЯЯ. ВХОД В КОМНАТУ НЯНИ И НАВЕРХ, В ДЕТСКУЮ.

Воскресный день в Сталинири. В театре имени Коста Хетагурова только что кончился спектакль. Люди выходят на площадь, к монументу Сталина.

ГОРНЫЙ КРАЙ

Фото С. Короткова

Гори знает весь мир. А совсем рядом, сейчас же за горийскими землями, начинается маленькая горная страна Юго-Осетия. Пересеченная быстрыми горными реками, то прячась в ущельях и густых лесах, то открывая себя щедро на просторных альпах, она круто взбирается вверх до самого гребня Главного Кавказского хребта. Если взойти на один из двенадцати осетинских перевалов, можно окинуть ее взглядом всю — от зоны вечных снегов до плодородной Карталинской долины.

Край разнообразен и богат. В низинах — виноградники и фруктовые сады, а наверху, в кольце горных отрогов, — великолепные высокогорные пастбища. Наверху — мир камня, по горным рекам сплавляется в долины лес. И если в высокогорной зоне края еще тренируются лыжники, то в низинах, где-нибудь на футбольное поле, уже выбегают в пестрых майках колхозные спортсмены. Таковы контрасты этого маленького горного края.

Здесь живут осетины, живут издавна, бок о бок с грузинским народом, разделяя с ним вот уже много веков его судьбу. В давние времена, когда надо было отстаивать Кавказ от иноземных захватчиков, осетины спускались с гор и бились в одних рядах с грузинами против общего врага.

Рокский перевал. Здесь группировались главные силы революционных повстанцев, боровшихся за установление в Юго-Осетии советской власти. Через перевал пришла в этот край Красная Армия и принесла с собой освобождение измученному народу. В Юго-Осетии образовалась автономная область, которая вошла в состав Грузинской Советской Социалистической Республики.

Рокский перевал — гордость Юго-Осетии. В высокогорном селе

Верхние Роки. Перед началом собрания Марта Плиева беседует с колхозниками

Верхние Роки, что под самым перевалом, родился дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Исса Плиев — человек легендарной отваги, полководец сталинской школы. В Верхних Роках живет и работает сейчас председателем укрупненного колхоза имени Берия депутат Верховного Совета Грузинской республики Марта Плиева (фамилия очень распространенная в этих местах) — самая уважаемая и известная женщина в Юго-Осетии.

В доме у Марты Плиевой хранятся дорогие для нее вещи: золотые часы, врученные ей на приеме в Кремле в 1936 году, портрет Ворошилова с надписью, сделанной рукой Климента Ефремовича: «На память дорогой Марте Плиевой»,— хрустальные часы — подарок Лаврентия Павловича Берия, много писем от участников Великой Отечественной войны.

Во время войны Марта Плиева передала 200 тысяч рублей из своих сбережений на оборону Родины, отправила много подарков на фронт. Когда враг лез к предгорьям Кавказа и в ущелье доносились орудийные раскаты с севера, Марта стала комиссаром ополченческого отряда, охранявшего Рокский перевал. Советские войска шли через перевал, чтобы прогнать гитлеровцев с Северного Кавказа.

Природа наградила Марту добрым и спокойным характером. Истая горянка, она не любит тратить много слов. «Марта сказала — это закон», — так говорят в Рокском колхозе.

На пригорке в Верхних Роках висит медный колокол. Один удар — подъем, два — выход на работу, три — колхозное собрание. Прошлой осенью, незадолго до откочевки скота на зиму, все собрались возле колокола. Марта сообщила, что за колхозом закрепили новые зимние пастбища. Надо построить там крытые сараи для овец, а времени осталось очень мало. Успеем?

На собрании выбрали и послали людей на Кизлярщину, и все десять тысяч овец, прибывших туда из Верхних Рок, получили теплые квартиры. Десять тысяч овец для колхоза, в котором только несколько десятков дворов, — это большая забота, если учесть еще, что в колхозном стаде, помимо овец, около 700 голов крупного рогатого скота.

Кто поднимается на перевал впервые (теперь каждое лето через Верхние Роки идут альпинисты), тот непременно заглянет на сельскую электростанцию, осмотрит радиоузел, зайдет в сыроварню (а это целый завод!), попробует из водопроводного крана прохладной горной воды, а на овцеферме посмотрит, как стригут овец при помощи электричества.

Мы встретились с Мартой в Сталинири. Она приехала сюда на пленум обкома партии и застряла, ожидая пути: в горах выпал большой снег — и дорогу закрыло обвалом.

С гордостью рассказывала Марта о своем сыне Солтане, о том, что он занимается в пединституте и скоро будет учителем. Ей не удалось получить в свое время образование, но она уважает науку и очень дружит с Лизой Буш. Елизавету Александровну Буш, ученого-луговода, заведующую горно-луговым стационаром Академии наук СССР, знает и любит не только Марта, но и вся Юго-Осетия.

Летом на верхнеальпийские пастбища пригоняют огромные отары овец, выходит сюда на выпаса крупный рогатый скот. Надо, чтобы у них был вкусный, обильный «стол». После зимних пастбищ, после длинных перегонов по трудным весенним дорогам овцы попадают на свои родные луга. Горное солнце ласково греет, легкий ветерок колышет высокие заросли фиолетового ячменя. Вот тимофеевка луговая обнялась с золотым овсюгом, из зеленой травы выглядывает альпийский горошек. Но вдруг на пути вырастает вредитель кендыз. Своими широкими листьями он заглушает и затеняет травы, огромными корнями высасывает влагу земли. Елизавета Александровна особой лопаткой-стамеской извлекла с одного гектара 81 038 экземпляров кендыза. Это было более десятка лет тому назад, а луг чист от ядовитого растения и по сей день. Значит, можно с ним бороться, значит, есть смысл однажды затратить труд, чтобы избавиться от вредителя навсегда.

— Да, — говорит Марта, — луга — это наше богатство, но луга были всегда, а наука пришла в наш край только с советской властью.

В тот год, когда открылся горно-луговой стационар, в ущелье реки Ксани, берущей свое начало из Кельского озера, приехал молодой зоотехник Гайоз Асатиани. Он много слышал о богатых альпийских пастбищах этого края. В Грузии уже славилась своей длиной ленингорская шерсть. В колхозах его встретили люди, простые пастухи, которые упорно пытались улучшить местную тушинскую овцу. Овцеводы Георгий Башарули из села Укана Мхаре, Вано Квелашвили из Тохты добились того, что овечья шерсть стала длинней, но она все еще была грубая, и сама овца была мелка.

— Попробуем скрестить тушинку с тонкорунным бараном, — предложил зоотехник колхозникам.

Отборных производителей привезли с Северного Кавказа. Год за годом пошли поколения одно другого лучше — крупные овцы, с длинной и мягкой шерстью. Но вот беда — новая овца оказалась не приспособленной к горному рельефу, в горах била себе ноги, при больших перегонах чахла. Казалось, все труды насмарку... Тогда новую овцу скрестили с ее исходной породой — местным, тушинским бараном, и к ней вернулась утраченная выносливость. Теперь оставалось заняться тщательной селекционной работой, постоянным улучшением и совершенствованием новой породы.

Мы ехали в Ленингори в надежде посмотреть на новую ксанскую овцу. Нас ожидало разочарование.

— Кто же приезжает к нам сейчас? — в голосе районного зоотехника Гайоза Асатиани звучит досада. Но вдруг его и без того красное, обветренное лицо становится совсем багровым. Он спохватывается, как бы не поняли его слова превратно: он очень рад гостю, но чем он может быть полезным без овцеводов и без «ксанури» (так колхозники назвали свою новую овцу). Что он расскажет, когда на овцу надо посмотреть, не овца — буйволица! Мяса может дать до 70 килограммов, шерсти — до 5 килограммов. Одним словом, то, что раньше получали от двух тушинок, теперь будет давать одна «ксанури». Но сейчас ее здесь нет, все на зимних пастбищах, в Кизляре. А Кизляр отсюда за 600 километров. Надо идти через горные перевалы в Дзауджикау, потом на Моздок и в прикаспийские степи. И «ксанури» проделывают этот путь ежегодно туда и обратно, а с ними вот уже по 15—20 лет ходят заведующие фермами, бригадиры отар, чабаны...

Асатиани только что из Кизляра и сейчас едет снова туда. Скоро начнется окот. В мае около 75 тысяч ягнят вместе с районным стадом прибудут в Ксанское ущелье.

Ущелье реки Ксани некогда было вотчиной владетельного князя Эристави. Здесь, у въезда в село, стоит его зáмок, возведенный еще в XV веке. Высокие башни с бойницами служат сейчас приютом для голубей. Но на территории усадьбы, огражденной старинной каменной стеной, высятся новые нарядные здания: кинотеатра, средней школы, детских яслей. А в зáмке временно разместились ленингорские районные организации. Здесь все нетронуто: причудливая роспись стен, потолки с амурами. Гулко звучат голоса людей, собравшихся на очередное совещание в районный совет; раздаются телефонные звонки: «Вас вызывает Кизляр, говорите!».

В Юго-Осетии издавна занимались животноводством, и только животноводством. Все остальное, что могла дать эта страна, лежало мертвым капиталом из-за отсутствия дорог. До революции дорог здесь не было совсем. Крестьяне ходили по горным тропам, навьючивая лошадей, или тащили тяжести на своей спине. Теперь дороги строят и строят, но все равно их не хватает. В горах появились рабочие поселки, и по головокружительным дорогам спускаются к железнодорожным путям горные сокровища страны.

Некогда мир пастуха был, как ущелье, тесен и мал. Теперь не одна только баранта — забота жителей горной страны. Вот приходит в районный комитет партии старый человек. Медленно разворачивает сверток в платке. На ладони горит, переливаясь золотом уходящего солнца, камень.

— Что это, Валиев? Я отбил его от большой скалы, что далеко за нашим летним пастбищем. А если пойти еще дальше, то там есть другая скала — она горит белым огнем. Пошли туда ученых, Валиев. Это камень не простой.

И Валиев, секретарь Джавского райкома партии, не знает, чему радоваться — камню или человеку.

В Джавском высокогорном районе бьют три большие струи минеральной воды, напоминающей нарзан. Выше по склону через 15—20 метров — серные источники. Минеральный источник у села Эдисси дает струю такой мощности, что она может крутить колесо мельницы.

Дорога из Джавы идет по ущелью быстрой Лиахви. Косой мартовский снег одевает белой порошей крутые, скалистые берега реки. Позади — вечноснежные вершины Бур-Самзели, Джемух, Зикара, позади — альпы, буковые леса, сырые ущелья. Все положе становятся склоны Большого Кавказа, все шире горизонт. Холмистая земля свободна от снега. На ней уже чернеют следы прошедшего здесь трактора. На яблонях появились первые ранние почки. Скоро девушки придут на виноградники...

Это нижняя зона горной страны, зона пшеницы, свеклы, плодовых садов.

Земля здесь хорошая, плодородная, и все же говорят, что бывают годы, когда она высыхает так, что в трещины может провалиться колесо машины. Редко, но бывает. А надо, чтобы не было совсем. Поэтому недалеко от полей сел Вредви и Ксуиси появилось столь характерное для современного грузинского пейзажа сооружение — маленькое Самгори со всеми его хитростями и уловками. Это Ванатская оросительная система, почти готовая к пуску.

У головного сооружения канала, в ущелье Малой Лиахви начальник строительства Константин Терентьевич Теблоев раздумчиво говорит:

— Помните, что Пушкин писал о нас? Осетинцы — самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе. Он правильно сказал. Так было. Я сам вырос в этих горах. Мой отец пас здесь баранту.

И потом, немного погодя:

— А знаете ли, во сколько обошелся нам этот канал? Двенадцать миллионов! Вот вам и «бедное племя»! А в Сталинири у нас теперь высшее учебное заведение — педагогический институт, свои техникумы — сельскохозяйственный и медицинский, есть художественная и музыкальная школы. Теперь у нас свой театр, в котором играют на осетинском и на грузинском языках, свой литературный журнал...

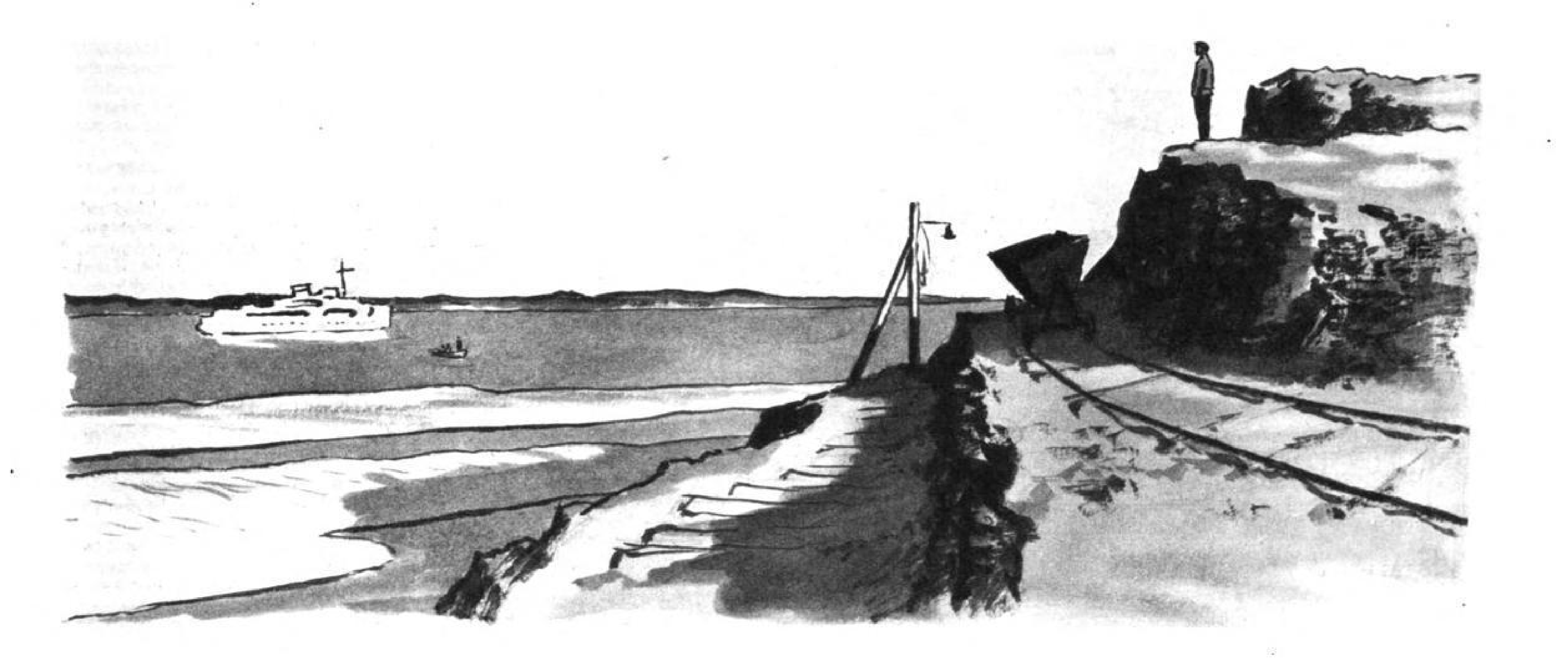
Да, все это есть в Сталинири, областном центре Юго-Осетии. Можно получить высшее образование, не выезжая из области, можно читать произведения классиков марксизма на осетинском языке, писать книги и печатать их в своем издательстве, можно посвятить себя науке и работать в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте Грузинской академии наук.

И люди учатся, пишут книги, играют спектакли, занимаются научными исследованиями. Люди живут в городе, где улицы широки и покрыты асфальтом, много больших, красивых зданий и на площади, в центре, стоит монумент человека, который дал городу новое имя. Сталинири — это значит Сталинская Осетия.

...Из Сталинири поезд идет в Гори. Эту железную дорогу построили перед самой Отечественной войной. Поезд проходит всего несколько километров и уже попадает на земли Горийского района. Впереди расстилается Карталинская долина, утопающая в плодовых садах. Через 1 час 40 минут поезд прибывает в Гори. Отсюда еще хорошо видны снежные склоны могучего великана-хребта. Наверное, где-то по снежной дороге возвращается в Роки Марта Плиева. Профессор Буш работает в своей высокогорной лаборатории. Мчится по шоссе в Кизляр к своим «ксанури» Гайоз Асатиани. Инженер Теблоев завершает последние работы перед пуском Малой Лиахви в канал.

Так живет и трудится советская Юго-Осетия.

И. МЕСХИ

ТИХИЙ УГОЛ

Рассказ

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ и Ю. ПОНОМАРЕНКО

Рисунки О. Верейского

На каменном карьере Тихий угол, отделенном от Днепра широкими песчаными косами и светлыми отмелями, сидит сторожем Андрей Максимович Ляшко.

На почерневшем от времени столбе прибита дощечка, на ней надпись:

Каменный карьер «Тихий угол».

Смотрит на эту дощечку Андрей Максимович и вспоминает былую довоенную славу карьера. Тогда Ляшко работал десятником, и работал настолько хорошо, что даже был награжден медалью «За трудовую доблесть». Тихий угол давал продукцию, которая шла на стройки не только Украины, но и Белоруссии, а перед самой войной был получен наряд на партию облицовочных плиток даже для самой Москвы. Но началась война, места эти пришлось временно оставить, и Ляшко как надел солдатскую гимнастерку, да так и не снимал ее, пока не разгромили врага.

А в Тихом углу работы не возобновлялись. Днепровский рукав, по которому раньше вывозили отсюда гончаками камень, обмелел, его постепенно засыпало песком, и он превратился в обыкновенную старицу. Ниже по реке, у самого берега, открыли залежи гранита, и над новым карьером теперь громыхают веселые взрывы, а Тихий угол изнывает от летнего зноя, зарастает лопухами и чертополохом и собирает зимой в свои открытые забои синий снег, приносимый ночными вьюгами.

В районе Андрею Максимовичу сказали, что старый карьер со временем будет расширяться, что предполагается механизировать в нем все работы с тем, чтобы в несколько раз превысить довоенную выработку, и поэтому Ляшко с охотой пошел в Тихий угол.

— Покамест — на правах сторожа, а после, когда начнется эксплуатация, вернетесь к своей старой профессии, — сказали ему.

На карьере Андрей Максимович застал ржавые, покоробленные рельсы узкоколейки, разрушенные погреба, пепелища на месте хозяйственных построек. Уцелела только контора, а в ней сохранился еще довоенный письменный стол с прорванным сукном, на котором темнело расплывчатое чернильное пятно, да старый телефонный аппарат типа «Ордонанс» с огромной трубкой.

Ляшко зашел в контору, сел за стол и снял трубку, ожидая услышать знакомое потрескивание, далекие разговоры, шумную возню на линии. Но телефон, как и весь карьер, безмолвствовал. Очевидно, его отключили от кабеля, ведущего в район, да так и забыли подключить из-за совершенной ненужности.

— Ну что ж, — подумал вслух Андрей Максимович, — подождем.

Вечером на каменный карьер заехал директор соседнего лесхоза, сверстник Ляшко, Задорожный. Он приехал на дамском велосипеде, в военной форме, худой, небритый, с воспаленными глазами.

— Как обстановочка? — спросил его Ляшко.

— Дела, должен тебе сказать,— дрянь, — устало признался директор,— лес попортили, питомник разграбили...

— А питомник же был богатый какой! — сожалеюще чмокнул сторож. — Фашистская работа?

— Они. Кто же еще?! А у тебя тихо?

— Тихо, — вздохнув, сказал Андрей Максимович.

На следующий день Ляшко сходил в лесхоз и стал там на партийный учет. Его жена Василина Емельяновна начала работать в лесопитомнике, а бывший десятник постепенно приводил хозяйство карьера в порядок и ждал того дня, когда в Тихий угол начнет поступать оборудование и прибудут первые рабочие.

Незаметно прошел год. Задорожный попрежнему ездил на дамском велосипеде, но Андрей Максимович знал, что дела в лесхозе за этот год значительно подвинулись вперед.

Лес, в сущности, был здесь совсем небольшой и тянулся узкой полоской километров на пятнадцать вдоль притока Днепра, носившего загадочное название — Скарбне, что по-украински примерно значило «река сокровищ». Над самой водой склонялись столетние дуплистые ветлы, кудрявился густой чернотал, дальше прекрасно уживались рядом дрожащие осины и крепкие, как гранит, дубы, стройные березы и неохватные осокори, из которых когда-то запорожцы выдалбливали свои челны — чайки. Среди кустов шиповника и бересклета часто попадались дикие груши и яблони. Груши и яблони были удивительно красивы весной, во время цветения, и придавали всему лесу вид громадного запущенного сада.

Это был последний лесной бастион на границе степи и лесостепи. Дальше на юг тянулась необозримая равнина, голая, выжженная, без единого деревца.

К Тихому углу лес подступал с трех сторон, и Андрей Максимович всегда был в курсе всех событий, происходящих в хозяйстве Задорожного.

Туда ежедневно приезжали степняки — председатели колхозов — с просьбами отпустить из питомника саженцев для ремонта поврежденных во время войны полезащитных полос, колхозные лесоводы прибывали на краткосрочные курсы, которые Задорожный устраивал для них по личной инициативе, с Волги приходили письма, в которых просили желудей украинского дуба... У Задорожного бурлила жизнь.

А на карьере все еще было тихо. Ляшко ездил в район, требовал перевода на другую работу, но ему спокойно говорили, что следует подождать, что высокосортный розовый гранит, залегающий в районе Тихого угла, понадобится в скором времени для очень важных сооружений, что на все есть план, а план предусматривает мельчайшие мелочи, в том числе и то, что Андрей Максимович Ляшко — десятник.

А время летело, как ветры над рекой. Теперь уже Задорожный ездил в район не на дамском велосипеде, а в новенькой рессорной бедарке, в которую была впряжена горячая гнедая кобыла Электрика. Военный костюм директор сменил на штатский и даже стал носить пестрый галстучек. Он заметно поправился, утратил былую военную выправку, и в его речи теперь все чаще встречалось излюбленное «должен тебе сказать».

— Должен тебе сказать, — говорил он Андрею Максимовичу, — что есть решение расширить наш питомник втрое против довоенно-

го, и я хочу предложить тебе должность завхоза.

Ляшко с возмущением отказался. А через несколько дней, когда Задорожный ехал на бюро райкома, Андрей Максимович передал ему вчетверо сложенный лист бумаги.

— Бери и действуй, — сказал он погасшим голосом и ушел в пустынную контору карьера.

Задорожный развернул бумагу. Это было заявление сторожа карьера Тихий угол Ляшко об откомандировании его в распоряжение лесхоза Задорожного для работы «по совместительству».

И вот уже Андрей Максимович — завхоз и лесник. Правда, он попрежнему живет с Василиной Емельяновной на карьере, но голова его теперь наполнена иными заботами. Он выдает степнякам саженцы, выделяет колхозам сенокосные участки, руководит заготовкой дров для районных больниц и школ, а так как приезжающие всегда расспрашивают его о самых различных вещах, связанных с лесом, то он через Задорожного выписал себе из города очки, берет у директора толстые, увесистые книги и тонюсенькие брошюрки, и по ночам в конторе карьера долго светится двенадцатилинейная учрежденческая лампа.

А там в газетах был опубликован план преобразования природы, и лесхоз в один день стал самым важным объектом в области. На Андрея Максимовича свалилось сразу столько забот, сколько не насчитывалось, может быть, за всю предыдущую жизнь. Теперь уже питомник должен был давать саженцы не тысячами, а миллионами. Андрею Максимовичу чуть не ежедневно приходилось ездить на станцию и получать то бороны «зигзаг», приходившие из Кирова, то пятикорпусные тракторные плуги и культиваторы из Ростова, то лесопосадочные машины, присылаемые Уралом. На завхоза легли основные заботы также и по постройке центральной усадьбы, и хотя она строилась вблизи от Тихого угла, Андрей Максимович несколько месяцев почти не жил на карьере. Его обязанности по охране карьера выполняла Василина Емельяновна, продолжавшая также работать и в лесопитомнике, и Андрею Максимовичу не раз приходилось выдерживать бурные атаки жены, которая кричала, что ей надоело сидеть меж двух стульев, и требовала переезда в лесхоз.

Но вдруг на карьер прибыл новый человек.

Был июль. Расцвела липа, лесные кустарники украсились полыхающей нежностью летних цветов, по утрам на травы падали тяжелые жемчужные росы, в лесной глухомани красиво и таинственно кричала иволга, а на ветлах у тихих днепровских плесов безмолвно торчала голубая ракша и затевали шумные драки чернолобые сорокопуты.

Лесники уже давно закончили сенокос и готовились к зиме.

Андрей Максимович в выходной день сидел и плел из чернотала длинные вместительные корзины для корней бересклета.

Как всегда, проходил утренний пароход из Киева. Но сегодня пароход неожиданно остановился против самого карьера, с палубы спустили шлюпку, и она направилась к Тихому углу. Андрей Максимович подивился бестолковости капитана: ведь проще было шумнуть на берег, и он, Ляшко, забрал бы человека с парохода на своей лодке, тем более что приезжий, очевидно, в лесхоз прибыл.

Но приезжий оказался инженером-строителем и заявил, что приехал осмотреть карьер.

Андрей Максимович почувствовал и радость и страх одновременно. Радость потому, что Тихий угол скоро оживет, а страх из-за своей неустойчивости, которая чуть не привела старого десятника к измене своему привычному делу.

— Осматривать — это в момент можно начать, хоть сию минуту, — дрожащим от волнения голосом сказал он инженеру.

Но тот заинтересовался корзинами Андрея Максимовича, предложил покурить, постепенно выведал о том, что Ляшко работает в лесу, и попутно рассказал о Броварском лесе, где ему пришлось отдыхать в прошлом году, потом сказал, что неплохо было бы перекусить, и начал завтракать, нагнав аппетит и на Андрея Максимовича, а после вытащил из своего огромного чемодана трусики и полотенце и попросил сторожа показать, где здесь пляж.

«Прислали курортника!» — неодобрительно подумал Ляшко.

Скрепя сердце он повел инженера на Солнечный плес, где был самый мелкий и самый белый песок. Инженер разделся и полез в воду, восторженно вскрикивая и взвизгивая, как молоденькая девушка.

Был он высокий, сильный, и Ляшко даже охнул, увидев тугие полосы мускулов, проступавшие под его смуглой кожей. А инженер выкупался, залез на круглый, нагретый солнцем камень, растянулся на нем во весь свой богатырский рост и, наверно, задремал. Андрей Максимович подождал немного, но инженер не шевелился. Тогда сторож бросил в воду крупный голыш, надеясь, что инженер от всплеска поднимет голову, но тот лежал, как мертвый, и сторож вернулся на карьер один. Он бесцельно побродил у причалов, стукнул каблуком башмака о бок немецкого «тигра», подбитого здесь еще в сорок третьем году, позвал Василину Емельяновну, чтобы уговорить ее пожертвовать курочкой для приезжего. К его удивлению, скупая жена сообщила, что желтенькая курочка уже плавает в борще, а если, мол, инженеру этому одной мало, то пусть тогда едет куда-нибудь на птицеферму, а не на каменный карьер.

Вечером инженер ел борщ с курочкой и восторгался не меньше, чем во время купанья. Наевшись, он камнем повалился в постель и мгновенно уснул, как убитый, а сторож всю ночь без сна ходил по берегу, смотрел на черную, как нефть, воду и удивлялся тому, что есть на свете такие равнодушные и спокойные люди, как этот инженер.

Утром Андрей Максимович попробовал упросить Василину Емельяновну, чтобы она не шла в питомник, а помогла инженеру, но жена не захотела и слушать, и он предложил инженеру подождать, пока он справится со своими делами в лесхозе и отпросится у директора, чтобы поработать на карьере. Однако инженер весело сказал, что карьер не волк — в лес не убежит, и вызвался прогуляться с Андреем Максимовичем.

Они побывали на питомнике, затем Ляшко сводил гостя на опытную полосу, где два года тому назад был произведен посев желудей дуба. После этого завхоз заторопился в кладовую, откуда должен был выдать серу для опыления сеянцев дуба в питомнике, а инженер остался где-то среди кустов бересклета.

Он пренебрежительно пощупал розовые сережки на низеньких кустиках, в корнях которых, по свидетельству Андрея Максимовича, ученые недавно обнаружили каучук, собрал букетик гвоздик и желтых недотрог и отправился в Тихий угол.

Вечером Андрей Максимович не обнаружил инженера на карьере. Тот пришел поздно ночью и радостно сообщил сторожу о том, что нашел двух интереснейших дедков, которые рассказали ему о всех днепровских наводнениях за последние пятьдесят лет. Утром он поднялся раньше Андрея Максимовича, и сторож увидел его на самом южном склоне горы, где рос столетний дуб, наполовину засохший. Целую неделю инженер без посторонней помощи лазил по карьеру и по берегу, что-то мерил и подсчитывал, а по вечерам читал Андрею Максимовичу длинные лекции, из которых десятник узнал, что местные граниты составляют так называемую Днепровскую кристаллическую полосу, образовавшуюся в далекую архейскую эру, что эта полоса многие миллионы лет тому назад была чем-то вроде горного хребта над разлившимся по всей земле морем, и поэтому сейчас гранит в этих местах лежит на самой поверхности, и добывать его очень просто и легко. Инженер пообещал прислать десятнику хороших учебников по этому вопросу, набил свой огромный чемодан образцами местных пород и уехал.

Ляшко заявил Задорожному, что в скором времени вынужден будет оставить работу в лесхозе, и начал ждать результатов приезда инженера.

Наступила осень. От непрестанного низового ветра река из голубой и приветливой превратилась в сердитую, хмурую, с желтыми оборками пены на гребнях темносиреневых волн. По утрам и вечерам все вокруг накрывал густой

туман, и не было видно бакенов на реке и огней центральной усадьбы лесхоза. Желтели и осыпались листья с осокорей, осин и верб, багрянцем полыхали крепкие листья дубов, готовые тоже со дня на день бесшумно закружиться в прозрачном осеннем воздухе, потянулись дождливые, похожие один на другой дни.

Иногда в свободные вечера Андрей Максимович сидел один в конторе карьера и думал о том, что вокруг все меняется с невероятной быстротой: исчезают на колхозных полях овраги, появляются в голой степи леса, начинают кричать новые птицы, приходят в степь новые, невиданные прежде машины, да и в его, Андрея Ляшко, жизни сколько изменений произошло за эти годы...

И вот в один из таких вечеров в контору карьера неожиданно вошел молодой парень в черной форменной фуражке с блестящими молоточками над козырьком. За ним, в черном провале двери, показалась хорошо знакомая Андрею Максимовичу массивная фигура инженера, приезжавшего летом.

— Вот и здравствуйте,— бодро сказал инженер. — Еле добрались.

— Здравствуйте! — ответил Ляшко.

— Так мне понравился Тихий угол, — продолжал инженер, — что напросился я сюда в начальники, а это новый десятник. Знакомьтесь.

— Десятник? — удивился Ляшко. Он хотел было спросить: «А как же я?»,— но не осмелился и сказал другое: — Как же? Карьер ведь не работает!

— Скоро, значит, загудим, — уверенно заявил новый десятник и пробормотал что-то непонятное, что должно было обозначать его имя и фамилию.

Андрей Максимович неохотно пожал горячую руку нового десятника и отрекомендовался так же невыразительно.

Они допоздна сидели в конторе, передвигая на самодельной доске не в меру большие шашки, и мечтали вслух о том, как затрепещет над карьером красный флажок, как выскочат из глубоких шпуров голубые дымки разрывов, забегают по заждавшимся колеям новенькие вагонетки, загрохочут камнедробилки и пойдут в бездонные трюмы барж красивый облицовочный плитняк, тяжелый бут и острая мелкая щебенка. А Ляшко болезненно переживал свою обособленность от дел карьера и изо всех сил старался показать инженеру свою занятость в лесхозе, говоря о том, что послезавтра ему нужно ехать на станцию получать новую лесопосадочную машину конструкции Недошковского, что в Сталинград нужно отправить три тонны желудей, а завтра придется посмотреть, нет ли на карьере какого-нибудь лесхозовского имущества. Однако инженер о лесхозе не сказал ни слова, не сказал он ничего и о судьбе Андрея Максимовича, и, уже ложась спать, Ляшко злобно подумал:

«Вот бесчувственный человек!»

Остро вспомнилась многолетняя работа на карьере, вспомнилось, с каким нетерпением все эти годы ждал, когда зашумит Тихий угол, а теперь получалась такая история. На душе у Андрея Максимовича было неуютно.

Уснул Ляшко только под утро и спал бы, наверно, очень долго, если бы не разбудили его теплые лучи солнца, выглянувшего впервые за все эти дни.

«Проспал!» — испуганно подумал Ляшко.

Инженера и десятника не было, над кроватью белела приколотая к стенке записка:

«Не посмели вас будить. Поехали в район оформляться. Обедать не ждите. Папиросы на табурете.

Нач. карьера «Тихий угол».

Следовала неразборчивая подпись.

Андрей Максимович достал папиросу и хотел было закурить, как вдруг за стенкой что-то звякнуло, словно в тонкий стакан опустили чайную ложечку. Ляшко вскочил с постели и, не одеваясь, бросился в контору. И когда открыл дверь, на него резкой волной хлынул наполняющий комнату длинный и невероятно громкий звонок «Ордонанса».

Старый, неуклюжий и смешной телефон, молчавший несколько лет подряд, заговорил!

Бывший десятник присел к столу, неизвестно для чего вынул из лежащего здесь футляра очки, долго надевал их дрожащими от волнения руками и лишь после этого взял трубку.

— Алё! — непривычно хриплым, срывающимся голосом сказал он в трубку.

В ответ послышался оглушительный голос, словно тот, кто говорил, стоял за углом конторы:

— Говорит начальник карьера... Поздравляю вас, товарищ Ляшко!..

Андрей Максимович безмолвно прижимал к уху трубку, а другой рукой то снимал, то надевал ненужные вовсе очки.

А начальник карьера сообщал о том, что карьер на днях начнет работать, так как сегодня утром передано постановление правительства о постройке второго Днепрогэса у Каховки и канала, который пройдет через всю степь. Стройке нужен камень, и уже завтра прибывают в Тихий угол рабочие и механизмы...

— Позвольте... — наконец пришел в себя Андрей Максимович, — чего же вы меня поздравляете? Это я вас должен, так сказать...

— Спасибо, — загудел голос начальника, — но я же отлично знаю, Андрей Максимович, ваше отношение к карьеру. И потом, ведь теперь же вы переходите на активную должность — старшим десятником, так что прошу...

Ляшко совсем растерялся. Он надеялся, что инженер еще что-нибудь скажет, но трубку, вероятно, положили, и Андрей Максимович, немного подождав, тихонечко вышел из конторы. Он стоял, легко одетый, на холодном осеннем ветру и, совсем не замечая этого, бормотал про себя:

— Так-так... значит, дождался... так-так...

Из-за угла выскочила машина. Андрей Максимович оглянулся и узнал «москвич» бежевого цвета, недавно полученный Задорожным для лесхоза. Из машины вышел сам Задорожный и удивленно присвистнул:

— Что это ты, Андрей Максимович, в таком виде?

— Можешь меня поздравить, — сияя, сказал Ляшко,— теперь я...

— Да я ж с поздравлением и приехал, — засмеялся Задорожный,— и по радио слышал, и по телефону уже меня в известность поставили.

г. Днепропетровск.

Скульптор С. Орлов в своей мастерской.
Фото Дм. Бальтерманца

Золотое стекло

Необыкновенное сверкание красок поражает зрителей, любующихся огромными панно на новой станции метро «Комсомольская-кольцевая». Это создано не кистью художника: картины сложены из кусочков цветного стекла — смальты.

Мозаичные картины из естественного цветного камня — искусство, уходящее в глубочайшую древность. Замена естественных камней искусственными — из цветного стекла — значительно обогатила палитру мастеров мозаики, умножила количество цветов и оттенков. Особенно широко применялась смальта в эпоху Возрождения. Но западные мастера строго охраняли секреты ее изготовления.

Ломоносов впервые организовал изготовление смальты в России и создал свою знаменитую мозаичную картину «Полтавская баталия». Эта картина размером около 30 квадратных метров составлена из 900 тысяч кусков смальты. Она хранится в Ленинграде, и, хотя прошло почти два столетия, краски ее свежи и неизменны.

Эта вечная свежесть красок делает смальту незаменимым материалом в наши дни, когда произведения искусства вышли из стен музеев на площади и улицы, сопровождают нас в повседневной жизни. Картины из смальты не боятся ни дождя, ни снега, ни холода, ни жары. Поэтому советские художники вновь обратились к смальте, почти забытой после Ломоносова.

На помощь деятелям искусства пришли стеклоделы. Группа инженеров и мастеров опытного завода при Всесоюзном научно-исследовательском институте стекла предложила новый, производительный и дешевый способ изготовления смальты. Значительно упрощается процесс производства. Золото и серебро заменяются цинком и алюминием. Расплавленный металл распыляют по поверхности подогретой стеклянной пластинки. Металл прочно сцепляется со стеклом, образуя зеркальную амальгаму. Светложелтая окраска стекла делает амальгаму «золотой». Даже специалисты не сразу могут отличить подлинную золотую смальту от смальты из цинка.

Новый способ позволяет в десять раз удешевить смальту, значительно увеличить ее производство и расширить применение этого эффектного декоративного материала. Сегодня мы встречаем смальту на станциях метро. Завтра мы увидим мозаичные картины и яркие орнаменты из вечных красок на стенах новых зданий, на архитектурных сооружениях великих строек коммунизма.

Советские художники нашли для мозаики совершенно новое применение — в скульптуре. В Третьяковской галерее на Всесоюзной художественной выставке 1950 года была выставлена «Голова украинки», созданная энтузиастами золотой смальты: лауреатом Сталинской премии скульптором С. Орловым и художником С. Кириченко. Впечатление необыкновенной живости оставляет эта голова молодой девушки с золотистым венком.

Сейчас бригада скульпторов, возглавляемая скульптором С. Орловым и художником С. Кириченко, работает над монументальной скульптурной группой, изображающей юношу и девушку, поднявших над собой тучный сноп пшеницы. Скоро засверкает эта, словно выкованная из золота, скульптура, блистающая немеркнущим светом, выполненная из чудесного и вечного материала — золотой смальты.

Э. ДВИНСКИЙ

АВСТРИЯ ГЛАЗАМИ

Один из столичных кинотеатров Вены... На экране мелькают кадры из австрийского киножурнала «Вохеншау» («Еженедельное обозрение»). Фраки, бальные платья, брильянты: это показывают «зимний бал» в Венской филармонии. Выставка мод. Она сменяется «конкурсом красоты» — упитанные члены жюри с глубокомысленным видом «изучают» претенденток на премию. На экране Вена. «Ангелы-хранители» в полицейской форме проводят через улицу паиньку-мальчика...

Так пытается представить жизнь Австрии буржуазный киножурнал. Беззастенчивая, шитая белыми нитками ложь! Сегодняшняя Австрия — это страна, отданная ее правителями в кабалу американскому монополистическому капиталу. Это безработица и нищета, порожденные планом Маршалла. Это американизированные полицейские молодчики, учиняющие кровавые расправы. Это мужественная битва австрийских трудящихся против милитаризации страны, битва за ее независимость, за мир.

Такую, подлинную Австрию показывает советский оператор Анатолий Колошин — постоянный корреспондент в Вене всесоюзного киножурнала «Новости дня», выпускаемого Центральной студией документальных фильмов.

1 В руинах — улицы Вены, целые кварталы. За семь лет после окончания войны в Вене мало что изменилось. Нынешние австрийские правители не заботятся ни о строительстве новых домов, ни о восстановлении старых. Им, пытающимся ввергнуть Австрию в пучину новой войны, не до возрождения мирной экономики и мирного быта...

2 Когда-то Вена слыла одной из музыкальных столиц Европы. С Веной связаны имена Глюка и Гайдна, Моцарта и Штрауса. Сейчас «город песен» грустен: его музыканты без работы. Музыкант, отдавший всю свою жизнь искусству, ходит по дворам. Он играет старинный венский вальс и с надеждой смотрит, не бросят ли из окна монету. В Вене 80 процентов всех зарегистрированных музыкантов полностью или частично безработные.

3 Иная музыка сейчас в почете у австрийских правителей. Их слух радуют звуки военных маршей. Под зловещую барабанную дробь мимо парламента маршируют военные отряды. Мышиного цвета мундиры, стальные шлемы, автоматы, гусиный шаг. Пока они числятся полицейскими и жандармами. Впоследствии, по замыслам американо-английских поджигателей войны, они должны стать солдатами «европейской армии» агрессивного Североатлантического блока.

СОВЕТСКОГО ОПЕРАТОРА

4 Но австрийский народ не хочет быть пушечным мясом для заокеанских претендентов на мировое господство. Война не должна повториться! «Никогда больше!» — гласит плакат. В суровом молчании проходят по улицам города друзья мира; это жители французского сектора Вены. В их руках могильные кресты и простреленные каски — выразительное напоминание о судьбе всех захватчиков и агрессоров.

5 Австрийский народ борется против строительства военного лагеря близ Зальцбурга (американская зона оккупации). В этом районе сооружено более 80 казарм. Число их должно дойти до 200. Мирных жителей выгоняют из домов, дома сносят.

Венцы читают плакаты, расклеенные борцами за мир. На плакате изображен американский танк, разрушающий мирные дома. «Сегодня Зальцбург — завтра вся Австрия!» — говорит надпись.

6 В Вене и других городах все чаще возникают демонстрации. Против вовлечения Австрии в кровавые авантюры протестуют женщины и дети, юноши и девушки, инвалиды, люди разного социального положения, разных политических убеждений.

7 Звучит пронзительная сирена, мчатся автобусы с полицейскими. Те самые молодчики, которые показаны в австрийском киножурнале добрыми «ангелами-хранителями», опускают дубинки на головы демонстрантов. Людей бьют только за то, что они хотят мира. Двое дюжих жандармов волокут юношу. У него рассечен висок.

8 На провокации, террор, аресты сторонников мира трудящиеся Австрии отвечают новым расширением движения за мир. На мостовых городов возникают надписи, сделанные рукой патриотов,— «Австрия не должна стать альпийской крепостью», как хотят поджигатели новой войны.

9 Простые люди Австрии полны решимости не допустить повторения новой войны. Из цеха в цех, из квартиры в квартиру ходят сборщики подписей. Уже около 900 тысяч австрийцев поставили свои подписи под обращением, требующим заключения Пакта Мира.

10 Верность трудящихся Австрии делу мира с особой силой проявилась в дни второй сессии Всемирного Совета Мира, происходившей в Вене. На демонстрацию в честь сессии вышло более ста тысяч жителей города. Из всех секторов города — американского и французского, английского и советского — шли люди, чтобы сказать «нет» агрессивной войне. Демонстрация началась при свете солнца, а закончилась поздно вечером при свете факелов. Это был подлинный марш мира!..

Э. МАРЬЯМОВ

6

7

8

9

10

Новое о поэте В. А. Жуковском

24 апреля исполняется 100 лет со дня смерти поэта Василия Андреевича Жуковского (1783—1852).

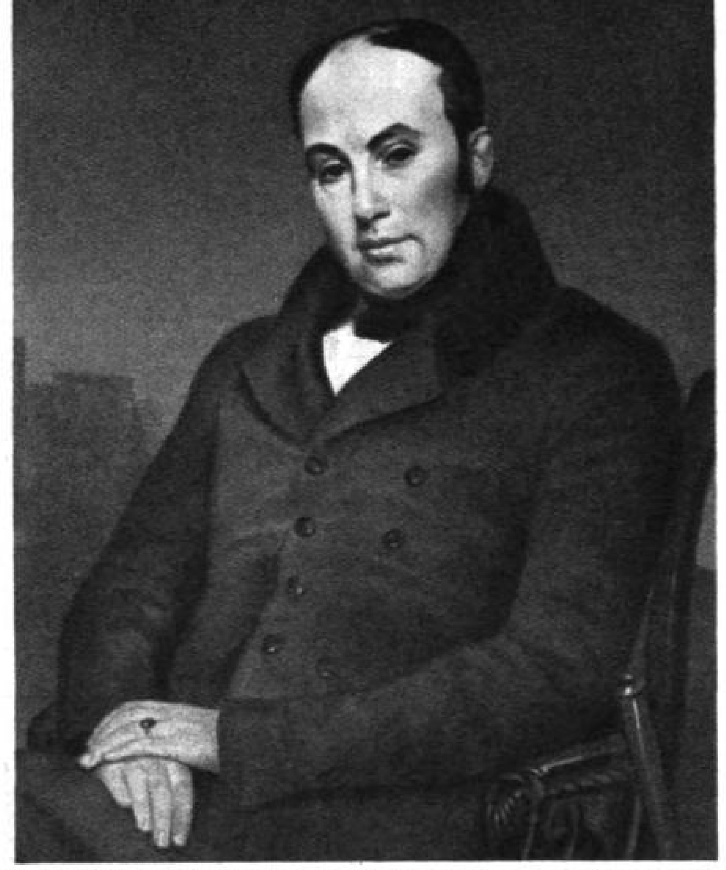
Белинский отмечал видную роль этого проникновенного лирика и блестящего мастера стиха в развитии русской литературы.

Гений перевода, как назвал его Пушкин, Жуковский сделал достоянием русских читателей огромное количество произведений античной, восточной и западноевропейской литературы: «Одиссея» Гомера, «Наль и Дамаянти», «Орлеанская дева» Шиллера, «Шильонский узник» Байрона, «Лесной царь» Гете и множество других.

Жуковский был верным другом Пушкина, Гоголя и Крылова.

О том, каким чутким ценителем и бескорыстным пропагандистом чужих произведений был Жуковский, говорит публикуемое нами письмо его к известному поэту-партизану Денису Давыдову, до сих пор печатавшееся лишь в неполном и искаженном виде.

Ниже приводится также любопытное описание встречи с Жуковским, сделанное И. Е. Бецким.

В. А. Жуковский. С портрета К. П. Брюллова (2 500 рублей, полученные за этот портрет, пошли на выкуп Т. Г. Шевченко из крепостной неволи).

Запись в дневнике современника

Осенью 1844 года молодой харьковский литератор, издатель альманаха «Молодик», Иван Егорович Бецкий отправился за границу. Приехав во Франкфурт-на-Майне, где жил в это время Василий Андреевич Жуковский, Бецкий воспользовался возможностью навестить известного поэта. В Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина сохранились набело переписанные страницы из дневника Бецкого с детальным описанием этого посещения.

«Утром в 9-м часу узнали мы, что здесь живет наш любимый, высокоуважаемый поэт В. А. Жуковский, переехавший сюда из Дюссельдорфа, — записал Бецкий. — Я имел счастие, еще бывши студентом, видеть его однажды в аудитории Московского университета. Теперь обрадовался неожиданному случаю поклониться славному русскому писателю и просил кн[язя] В. П. Г[олицына] представить меня писателю, чье имя привыкло уважать с ребячества все наше молодое поколение. Он живет на набережной, по другой стороне моста, в двухэтажном небольшом домике, окнами на Майн.

Василий Андреевич принял нас в своем кабинете. Какое простое, радушное обращение! И как еще молодо выражение лица русского лирика, отражение души чистой, поэтической, достойной наследницы шиллерова вдохновения. Вот он, наша родная гордость, один из последних представителей славной эпохи в истории русской поэзии, наш русский Шиллер! Я передам вам все, что минутное посещение позволило мне услышать из уст нашего Поэта; эти страницы останутся для меня драгоценнейшим воспоминанием, а для вас, верно, занимательнейшими в моих записках.

Узнавши, что я недавно ездил в Барейт поклониться праху Жан-Поля[1] и навестить его добрую старушку-вдову, Василий Андреевич подарил меня взаимно следующим рассказом о своем знакомстве с германским гением:

«Я нарочно заезжал в 1820 году в Барейт, чтоб видеть немецкую знаменитость. Он принял меня в гостиной. Ни жены, ни детей не было дома. После первого знакомства я просил его, чтоб он показал мне комнату, где он занимается, стол, на котором увидели свет «Титан», и «Незрячая», и бессмертная «Левана». Он повел меня в свой кабинет. В гостиной видны были следы женских рук, чинность, порядок, чистота; здесь же совсем противное, страшный беспорядок. У окошка стоял стол, поперек комнаты; на столе навалены книги и бумаги; от стола проведена была маленькая лестница в большую клетку любимых им канареек, пользовавшихся полною свободою. На полу лежал большой пудель и толстый кот; подле стола стояли полки с ящичками, по которым были разложены кучи заметок, под разными названиями: «Morale», «Histoire», «Philosophie» и проч. и проч. Я просил показать что-нибудь из этой литературной амальгамы; смотрю — намарано, перечеркнуто, разрисовано, и ему одному, может быть, понятно, и то покуда горячо. «Да помилуйте! — воскликнул я невольно,— кто же что-нибудь разберет?»

Он объяснил мне, что из всего этого хаоса он извлекает свет, когда он сочиняет, т. е. вставляет в свое сочинение готовую мысль, идущую к делу.

— Хорошо, покуда вы живы и сами хозяйничаете в этой мудреной кухне; а когда вас не будет и угаснет светильник, кто же рассудит нам ваши мысли? Тут никто и толку не доберется; надобно же думать о потомстве...

Добродушный немец улыбнулся.

Я изъявил желание видеть, как именно он занимается, как читает?

«Как читаю? — ответил мне Жан-Поль. — А вот сейчас увидите...»

С этими словами немец мой схватил обеими руками белого пуделя, лежавшего у ног, уложил друга на одном конце дивана и улегся сам, положив свою голову на послушное, вероятно чистоплотное животное, и начал читать вслух»...

Я изъявил Василию Андреевичу свое сожаление, что не имею под рукою антологии из Жан-Поля Рихтера, недавно изданной кем-то в России, потому что, сообщивши ему один экземпляр, я осчастливил бы тем переводчика, которому, без сомнения, очень лестно было бы знать, что его маленькая книжечка лежит на столе переводчика «Орлеанской девы».

— Если перевод хорош,— отвечал мне Жуковский, — переводчик может быть полезным русской литературе, продолжая свои занятия. Он очень труден, его скорее сочинить надобно, чем перевести. Целого сочинения перевести даже невозможно, и едва ли кто стал бы теперь читать целый роман; нельзя отрицать в этом писателе гениального человека, но у него мало того, что называют правдою; слог его слишком манерен, и воображение необузданно...

Услышавши от меня, что я думаю вести подробные записки своего путешествия по Германии, Голландии, Бельгии и пр. и пр. и, не зная, чем ограничиваться в своих описаниях, словно в море купаюсь и берегов не вижу, Василий Андреевич заметил мне: «Главный совет мой: пишите, что видите, и потому пишите, что видели, а не описывайте того, чего не видели. Вы в первый раз в чужих краях?»

— В первый раз открытыми глазами вижу чужие края, — отвечал я,— но я до 12 лет жил в Париже.

«Ну то был только сон, а теперь вам и сон в руку...»

Из кабинета он провел нас в гостиную; комната убрана с необыкновенным вкусом... Этажерки с бюстиками, пейзажи и — русские книги! Глаза разбежались и остановились невольно на самом сходном портрете нашего поэта, какой только можно себе представить. Он писан дюссельдорфским художником Hildebrandt'ом масляными красками в большом размере. Рядом с ним висит портрет молодой супруги В. А. необыкновенной красоты. И на том и на другом равно-прекрасных изображениях — книга, как необходимый атрибут, священные символы их существования.

— Время ехать, — сказал мой спутник, и я с горьким сожалением должен был расстаться с Василием Андреевичем. Он проводил нас до самой коляски...

Увижу ли его опять? Приведет ли бог счастие подолее говорить с ним?.. Бог один знает...»

Бецкому удалось повидаться во Франкфурте и с Гоголем, гостившим тогда у Жуковского. Упоминания об этом встречаются в письмах самого Гоголя. Описания своей встречи с Гоголем Бецкий, к сожалению, не оставил.

Публикации
Л. ЛАНСКОГО

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Д. В. ДАВЫДОВУ

Давыдов, пламенный боец, благодарю тебя за твои поэтические и прозаические строки. Очень было мне весело получить от тебя теперь весточку и видеть, что ты, несмотря на возню около тебя четырех крикунов, все-таки по-старому беседуешь со своею милою музою. Милою — это ее имя. В своей поэтической небрежности — она привлекательное создание. Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. Все равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь. Я и не поправлю и не возвращу тебе стихов твоих. Не отдать ли их в «Северные цветы», то есть три первых: эпитафии не пропустят. Уведомь, а я обнимаю тебя душевно. Писать же много не о чем, да я и не охотник, а люблю тебя охотно. У нас скоро будет Вяземский.

Твой Жуковский.

1829, 10 декабря.

[1] «Жан-Поль» — псевдоним немецкого писателя Иоганна Пауля Рихтера, пользовавшегося большой известностью в первой половине прошлого века.

Коротко о книгах

«Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь служению «истине и праву» (в хорошем смысле этих слов), то именно Дидро»,— писал Ф. Энгельс, высоко ценивший этого выдающегося философа-материалиста и писателя.

Гослитиздат выпустил однотомник избранных произведений Дидро; в нем представлено многообразное творчество этого крупнейшего французского просветителя XVIII века. В книгу вошли антиклерикальный роман «Монахиня» и сатирический диалог «Племянник Рамо» — «неподражаемое произведение» (Маркс), которое резко обличает паразитизм феодально - аристократического общества Франции и растлевающую роль денег.

Большой интерес представляют философские работы Дидро, которого В. И. Ленин относил к числу великих материалистов. В книгу включены «Письмо о слепых в назидание зрячим», «Разговор Даламбера и Дидро», «Сон Даламбера» и другие.

Последний раздел книги составляют статьи из «Энциклопедии». Дидро был организатором, редактором и одним из наиболее активных авторов этого грандиозного многотомного издания, в котором принимали участие виднейшие ученые и писатели того времени.

* * *

«Собаки бросились на добычу и впились в нее... Они яростно отталкивали друг друга, подбираясь к середине кучи. Сверху видна была сплошная масса движущихся спин, белых и черных; они толкались, вытягивались, распластывались — живое, алчно сопящее месиво».

Эпизод кормления собак во дворце Наполеона III принадлежит к числу наиболее ярких в романе Золя «Его превосходительство Эжен Ругон» и воспринимается как символ алчности правящей клики Франции.

Этот роман — шестая книга из двадцатитомной серии «Ругон — Маккары» — посвящен описанию политической жизни Франции второй половины 50-х годов прошлого века. Сила произведения в резком обличении хищничества, авантюризма и продажности режима империи Наполеона III.

Отдельные страницы книги достигают большой сатирической силы, звучат как острый социальный памфлет.

Роман выпущен в новом переводе.

Дени Дидро. Избранные произведения. Гослитиздат. М.-Л. 1951. 410 стр.

Э. Золя. Его превосходительство Эжен Ругон. Перевод Э. Фельдман и Е. Лопыревой. Редакция Б. А. Кржевского. М.-Л. Гослитиздат. 1951. 393 стр.

В Якутской АССР издаются Сочинения И. В. Сталина на якутском языке. На снимке: контролер республиканской типографии Мария Попова проверяет качество печати второго тома Сочинений И. В. Сталина.

Фото Я. Рюмкина

Стахановец-лесоруб Хара-Атырского участка Покровского леспромхоза, Якутской АССР, комсомолец Николай Лукин. Он систематически выполняет план на 140—150 процентов.

ВОПЛОЩЕНИЕ НАРОДНОЙ ЛЮБВИ

«— Ну, расскажите мне теперь все. Расскажите все по порядку, со всеми подробностями.

Василий откашливается:

— Хорошо... Ну, в Царицын я попал как раз, когда Ворошилов прорвал казачье кольцо и вышел прямо к Дону... Сформировали отряд. Дал мне Сталин восемьдесят тысяч пудов хлеба и отправил... Велел вам передать письмо. Ну, вот и все.

— Все?.. — Ленин удивленно поднимает брови. — Но, позвольте, ведь у вас там было целое сражение! Вас обстреляли, кулаки в дороге.

— Не без этого, Владимир Ильич, — смущенно улыбается Василий.

— Коротко, но ясно,— говорит Ленин, с удовольствием глядя на Василия».

Фильм «Ленин в 1918 году». В роли В. И. Ленина — Б. Щукин, в роли Василия — Н. Охлопков.

Михаил ГЕЛОВАНИ,
народный артист СССР

Сталинские слова: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя» — навсегда останутся в сердцах советских людей. И задаче воссоздания на экране или на сцене драгоценного образа гения революции неизменно сопутствует другая, не менее значительная задача — воплощение народной любви к Ильичу.

Первая удачная попытка творческого разрешения этой темы была сделана в фильме «Ленин в Октябре» и позднее в фильме «Ленин в 1918 году», вошедших в «лениниану» советской кинематографии. Народная любовь к вождю, беспредельная преданность ему были ярко выражены в образах рабочих Василия и Матвеева, созданных в этих фильмах артистами Н. Охлопковым и В. Ваниным.

Мне довелось играть вместе со Щукиным, лучшим исполнителем роли В. И. Ленина не только на сцене, но и в кино. Щукин был великолепнейшим партнером и необыкновенно естественно чувствовал себя в исполняемой роли. Это рождало у артистов глубочайшую веру в собственное слияние с образом. Щукин был неотразимо правдив в обращении, смотрел, говорил, задумывался — все из самой глуби образа. Он волновал самым своим присутствием...

Убежден, что это свойство Щукина, эту силу его перевоплощения испытали и исполнители ролей рабочих в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» — Н. Охлопков и В. Ванин.

Н. Охлопков сам рассказывал об этом:

— Как легко себя чувствуешь, общаясь с Б. В. Щукиным! Ему трудно ответить не по существу. С ним трудно сфальшивить. Какая силища!

Эта щукинская «силища» во многом помогла Охлопкову и Ванину добиться успеха, ярко и правдиво выразить народную любовь к Ильичу. А для того, чтобы эта любовь к вождю прозвучала в фильме как всеобщая народная любовь, артисты обязаны были создать образы обобщенные, глубоко типичные.

В. Ванин сам очень верно и полно охарактеризовал своего Матвеева. «...Матвеев,— писал он,— душа рабочего коллектива. В нем есть все черты простого рабочего, сознательно и отчетливо воспринимающего идеи партии большевиков. Но Матвеев отличается от всех своих товарищей тем, что для него эти идеи наиболее органичны, он сам — их живое воплощение, он — олицетворение воли своих собратьев по труду... Его воля — это воля каждого. Выполняя его распоряжения, люди выполняют повеления собственного сердца, собственной души...».

Да, когда тему любви к Ленину, тему неразрывной связи вождя с народом воплощает в картине такой человек — энергичный, волевой, напористый, облеченный доверием рабочих, — она, эта тема, прозвучит с силой великой правды. И Ванин добился такой правды исполнения.

Добился этого и Охлопков. «Василий — другой, — рассказывал он.— Он сдержан... а между тем, скажем, в его глазах должна быть вся нежность, все пламя любви к великому человеку...» Охлопков принес в фильм это ощущение ог-

«— Товарищи, все готовы? — кричит Матвеев.
— Готовы!
Матвеев дает сигнал. Броневик трогается. За ним движется вооруженная рабочая масса».

Фильм «Ленин в Октябре».
В роли Матвеева — В. Ванин.

«Сталин к Чибисову:
— Вы откуда?
— С Путиловского.
И, обращаясь к Шадрину:
— А не соединить ли ваш солдатский отряд с путиловскими красногвардейцами? По-моему, для вас это было бы хорошей опорой.
Ленин следит за разговором и с улыбкой спрашивает:
— Вы... друзья?
Шадрин серьезно:
— Да, недавно стали.
Чибисов, улыбаясь глазами:
— Революция сдружила.
Ленин задушевно говорит:
— Хорошая дружба, берегите эту дружбу, товарищи, это очень дорого!»

Фильм «Человек с ружьем». В роли Ленина — М. Штраух, в роли Сталина — М. Геловани. Чибисов — В. Лукин, Шадрин — Б. Тенин.

ромного заботливого чувства. Его Василий воплощает в себе самые лучшие, самые высокие качества русского рабочего — его созидательную силу, его духовную красоту, его беззаветную преданность революции. Освещая этот привлекательный, благородный образ светом самоотверженной любви к вождю, трогательно-внимательной и бдительной заботы о нем, Н. Охлопков в роли Василия завоевал глубочайшие симпатии самой широкой народной аудитории.

Всякий, мне кажется, запомнил глубоко волнующий эпизод, в котором Матвеев предстает как олицетворение великой любви народа к вождю. Матвеев, комендант Кремля, проникает в гнездо контрреволюционеров, готовящих покушение на Ленина. Внезапно он узнает, что гнусный план белоэсеров близок к осуществлению. Разоблачая себя, Матвеев встает, начинает пробираться к выходу, готовый на все, чтобы спасти Ильича. Завязывается драка, в которой Матвеев один против целой своры бандитов. Его душат, он отбивается ногами, внезапно выскальзывает, выскакивает в окно. В него стреляют. Раненый, разбившийся Матвеев лежит на земле. Он при смерти, но мысль у него одна — предупредить, во что бы то ни стало предупредить Ленина.

— Вася, немедленно спасай Ильича,— говорит он, собрав последние силы, подоспевшему Василию (Охлопкову).— Беги скорее, Вася...— В глазах его боль, тревога.

Помнятся кадры и другого фильма — «Человек с ружьем». Б. Тенин в нем играл роль крестьянина Ивана Шадрина, артист В. Лукин — роль рабочего-путиловца Чибисова. В «Человеке с ружьем» есть знаменательная сцена, когда Иван Шадрин и Чибисов приходят к Ленину в штаб революции — в Смольный. Затаив дыхание, слушают представители народа разговор Владимира Ильича с товарищем Сталиным. Затем товарищ Сталин предлагает слить воедино солдатский отряд, руководимый Шадриным, с красногвардейцами Чибисова. В этом коротком эпизоде ярко выражена тема победоносного союза рабочего класса с крестьянством, союза, вдохновленного и скрепленного партией и ее гениальными вождями.

Ленинская тема венчает и замечательную кинотрилогию о Максиме. В заключительном фильме ее — в «Выборгской стороне» — рабочий-коммунист Максим, предстающий в исполнении Б. Чиркова живым олицетворением революции, с той же целеустремленностью, что и Матвеев, с той же заботливостью, что и Василий, оберегает жизнь вождя, разоблачает гнусные происки врагов народа.

Образ, созданный Чирковым, словно освещен пламенем революции. Это большевик-ленинец, достойный и верный ученик Владимира Ильича. Не случайно Максим так полюбился миллионам зрителей.

Воплотить в художественных образах неразрывную связь великих вождей с народом, передать народную любовь к Ленину и Сталину призвано наше советское искусство.

Мне выпало счастье неоднократно выступать на экране кино в образе И. В. Сталина — в фильмах «Великое зарево», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона». В этой трудной и ответственной роли мне помогал весь творческий коллектив, вдохновленный великой дружбой титанов нашей эпохи, их неисчерпаемой верой в народ.

В фильме «Клятва» мне снова выпало счастье выступать в роли товарища Сталина. В этом фильме есть глубоко волнующие эпизоды: в Горках — в день смерти Владимира Ильича Ленина — и на Красной площади, где товарищ Сталин дает клятву выполнить великие заветы учителя и друга. Через двадцать лет после смерти Ленина, зимой 1944 года, в суровую военную пору режиссер М. Чиаурели проводил съемку в Горках. Мороз в те дни ударил с такой же силой, что и двадцать лет назад; траурные флаги покрывались инеем, на ледяном ветру замерзала аппаратура. Перед нами возникла обстановка тех часов, когда Иосиф Виссарионович, оставив комнату, где прошли последние дни жизни Ильича, бродил по парку, останавливался перед знакомой скамьей, на которой не раз сидел с Лениным...

Великая любовь Сталина к Ленину раскрывается в картине не только этими горестными мгновениями, но и всей огромной созидательной деятельностью зодчего коммунизма, которой посвящен фильм «Клятва».

Совсем недавно тема неразрывной связи вождя и народа получила новое воплощение в фильме «Падение Берлина», где я снова выступил в образе товарища Сталина, а артист Борис Андреев играл роль сталевара-стахановца и солдата Алексея Иванова.

Нет сомнения, искусство наше еще не раз будет возвращаться к этим темам, продолжая благородное дело создания художественных летописей нашей революции, галереи образов рабочих — верных сынов народа и большевистской партии!

« — Нету,— говорит Максим,— ни обязанностей, ни министров.
Ответственные чиновники банка в оцепенении глядят на него.
— Да вы кто такой? — приподнимается управляющий.
— Комиссар рабоче-крестьянского правительства, — отвечает Максим, достает из кармана бумагу и кладет ее на стол. — Вот мандат.
Молчание».

Фильм «Выборгская сторона». В роли Максима — Б. Чирков.

Кирилл **АНДРЕЕВ**

Рисунки Н. Кольчицкого

Внешне это походило на обычную научную конференцию, какие часто собираются в Москве.

В великолепном зале старинного дворца президиума Академии наук СССР собралось больше трехсот делегатов, съехавшихся со всех концов нашей страны. Астрономы и геофизики, геологи, геохимики и математики один за другим поднимались на высокую кафедру, вступали в горячий спор о космогонии солнечной системы. Одни обрушивали на головы своих противников груды новых наблюдений и фактов, другие разили неожиданными вопросами, третьи возводили вышки математических формул, откуда обозревали «поле боя». Одним словом, все было как всегда на большой научной дискуссии.

И, однако, на человека, попавшего на это совещание случайно, предмет спора мог бы произвести странное впечатление. За окнами, озаренная светом, сияла чудесная Москва. Могучий город рос, работал и боролся — об этом говорили огромные корпуса новых строений, гигантские ажурные башни высоковольтных передач. Стройные, еще прозрачные каркасы высотных зданий как бы подчеркивали силу и молодость древнего города, столицы юного мира. А здесь, в зале, ученые спорили о событиях, происходивших несколько миллиардов лет назад, о свойствах вещества в таком состоянии, которое никто не наблюдал.

Но основное качество советской науки заключается в том, что она умеет сочетать самую высокую и отвлеченную теорию с повседневной практикой нашего строительства. Космогония — наука о происхождении и развитии небесных тел,— казалось бы, какое практическое применение могут иметь ее теории и выводы? И однако развитие советской космогонии открывает широкие перспективы для будущего.

Полезные ископаемые, эти бесценные сокровища Земли, мы ищем, как клад, неизвестно где зарытый; об этом говорит даже сам термин «поиски и разведка ископаемых». Но если мы будем знать биографию Земли, историю ее формирования и геологического развития, то сможем лучше, уверенней искать эти залежи.

Землетрясения и извержения вулканов всегда были бичом человечества. Но если мы прочтем геологическую летопись нашей планеты, мысленно проникнем в ее глубины, то сможем предсказывать эти грозные явления природы.

Век атомной энергии только начался, лишь немногие элементы наука умеет превращать в ядерное горючее. Но в звездах, представляющих чудовищные естественные атомные котлы, происходят совсем иные ядерные реакции. Изучив тайну рождения и развития звезд, мы овладеем тогда секретами синтеза и разложения элементов.

Советская космогония, развиваясь на основе философии диалектического материализма, наносит неотразимые удары по остаткам религиозного мировоззрения, по идеализму, которым проникнуты космогонические построения западных ученых. Они провозглашают единовременное сотворение всех звезд и планет два миллиарда лет назад и предрекают неизбежную гибель всей Вселенной.

Космогония как наука родилась два столетия назад и сразу же вступила в бой с невежеством и церковным мракобесием. На место бога-творца она поставила материю и законы природы.

— Гражданин Лаплас, — сказал Наполеон знаменитому французскому астроному, — в вашей книге я ни разу не встретил имени бога!

— Гражданин первый консул, — с достоинством ответил ученый, — я не нуждался в этой гипотезе!

Но наука тогда находилась в младенческом возрасте, и космогонические гипотезы XVIII века опирались на малое число фактов. Развитие естествознания, гигантские успехи астрономии привели к тому, что старые представления пришли в противоречие с новыми знаниями.

Им на смену не появилось новой материалистической гипотезы: буржуазная наука вступила в полосу кризиса. Она еще может собирать факты, но уже неспособна подняться до больших обобщений. В Западной Европе и Америке строятся «теории» о самопроизвольном возникновении звезд из ничего, о непрерывном «творении» материи, возникающей из пустоты, об ограниченности Вселенной в пространстве и во времени. Авторы их очень мало считаются с наблюдениями, стремятся лишь доказать, что каждая звезда — невообразимо одинокий пузырек газа в чудовищной пустоте мирового пространства и образование солнечной системы — неповторимое чудо.

Советская космогония идет иным путем Она опирается на богатый фактический материал и новые открытия, использует выводы многих наук. В горячих спорах, в совместных усилиях ученых рождается истина. И не страх, не пессимизм движет пером исследователей, излагающих свои гипотезы, а вера в бесконечное могущество человеческого разума, в познаваемость окружающего мира, великой Вселенной.

Мир не машина и не «математическая формула». Это — бесконечное многообразие материи, находящейся в вечном движении, в круговороте превращений из одной формы в другие. Звезды и планеты — не песчинки, затерянные в безбрежном океане пустоты, но части единого целого, звенья огромной звездной системы Млечного пути. Само пространство заполнено очень разреженным газом, звездным излучением, космическими лучами, гигантскими скоплениями пыли, которая собирается в огромное туманное облако, опоясывающее Галактику. И все во Вселенной связано. Некоторые звезды извергают материю. Она образует в пространстве облака, и сама каким-то пока нам неизвестным способом снова объединяется в небесные тела. Звезды слагаются в семейства, системы, и их гораздо больше, чем мы думали раньше. Невидимками бродят инфракрасные светила и недавно открытые радиозвезды, которых много десятков в окрестностях Солнца. И, повидимому, многие звезды обладают планетными системами, подобными нашей солнечной.

Эта новая картина мироздания нарисована советскими исследователями. Они создают чертежи и модели планет, звезд и космических явлений, все дальше заглядывают в прошлое и увереннее видят будущее Вселенной...

В белом зале Академии наук собрались все те, кто принимал участие в возведении величественного здания советской космогонии. Это президент Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумян, глубже всех проникший в тайну рождения звезд. Он показал, что небесные тела не возникли все сразу, что процесс образования звезд продолжается и по

сей день. Звезды рождаются целыми семействами и медленно расходятся, постепенно смешиваясь с хороводом нашей Галактики.

Это — академик Г. А. Шайн, при помощи тончайших исследований спектра открывший вращение молодых звезд. Изучая химический состав самых холодных звезд, он обнаружил странное своеобразие их атмосфер.

Это — академик А. Н. Заварицкий, в докладе, который он сам назвал научно-фантастическим, рассказавший о предполагаемой судьбе десятой планеты солнечной системы, планеты, погибшей несколько миллиардов лет назад. Сестра Земли распалась на части. Ее остатки — малые астероиды, хвостатые кометы и метеориты.

Это — профессор Б. В. Кукаркин, своими многолетними исследованиями переменных звезд показавший, что вся наша огромная Галактика представляет собой не бесформенный вихрь звезд, а целый ряд упорядоченных систем. Они не смешиваются друг с другом, имеют свою собственную судьбу и, наконец, принадлежат к различным семействам...

Советские ученые обсуждали новую теорию происхождения Земли и других планет, разработанную академиком О. Ю. Шмидтом. Он смело взялся за решение этого назревшего вопроса космогонии, имеющего важное значение как для науки о небе, так и для наук о Земле.

Свои длительные исследования О. Ю. Шмидт начал в 1943 году. Он пришел к выводу, что Земля никогда не была огненно-жидким телом, а образовалась из холодного вещества. За свою долгую жизнь она нагревалась, отдельные ее части расплавлялись. Земля и сейчас так же молода и полна сил, как и несколько миллиардов лет назад, не охлаждение, а медленное нагревание господствовало на ней.

О. Ю. Шмидт следовал здесь за замечательным русским ученым академиком В. И. Вернадским, создав стройную космогоническую теорию.

Несколько миллиардов лет назад, говорит Шмидт, вокруг нашего Солнца, которое не очень сильно отличалось от современного, существовало огромное облако пыли и газа, простиравшееся далеко за орбиту Плутона, самой последней планеты солнечной системы.

Протопланетное облако не было однородным. Вблизи центрального светила его нагревали солнечные лучи. В средней части облако было наиболее плотно: в холодном мраке, куда не проникал свет Солнца, заслоненный густым туманом, газы намерзали на пылинки, образуя более крупные частички. Дальше облако редело, постепенно сходя на нет.

Шли века и тысячелетия. Вращаясь вокруг Солнца, облако пыли постепенно сжималось и уплощалось, превратившись наконец в плоский диск, наподобие колец Сатурна. Отдельные пылинки сталкивались, слипались и смерзались, постепенно образуя множество отдельных сгущений. Сгущения эти были недолговечны: они часто распадались и снова соединялись воедино. Но процесс объединения, раз начавшись, неуклонно шел вперед. Наиболее крупные сгустки пожирали своих неустойчивых соседей, уплотнялись и превращались в зародыши современных планет.

Там, где «строительного материала» было мало, возникли небольшие планеты. В середине диска появились планеты-гиганты. Вблизи Солнца, прогретые солнечными лучами, лишенные легких газов и в первую очередь водорода, образовались более плотные тела — Меркурий, Венера, Марс и двойная планета Земля — Луна. Рожденные во мраке великаны — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун — окружили себя огромными атмосферами из водорода и его соединений — ядовитых газов метана и аммиака.

Последняя планета солнечной системы — Плутон — образовалась на самом краю первичного диска, где материала было очень мало, поэтому она так и осталась карликом. Дальше начиналась пустота межзвездного пространства, где не могли возникнуть крупные небесные тела. Быть может, там, в вечном полумраке, и бродят обледеневшие зародыши неродившихся планет, но десятой большой планеты нет.

Сами расстояния планет от Солнца не случайны. Из множества зародышей наиболее жизнеспособными были те, которые двигались по путям, расположенным на определенных расстояниях друг от друга. Закон планетных расстояний, полученный О. Ю. Шмидтом, показывает удивительное согласие с действительностью.

Планеты-зародыши собирали строительный материал со всех сторон. Падая на поверхность еще не сформировавшейся планеты, они как бы подхлестывали зародыш, заставляя его поворачиваться. Так возникло вращение планет.

Понятно, что чем больше упало частичек на поверхность первоначального зачатка, тем больше он вырос, тем быстрее он должен вращаться. И действительно, на планетах-крошках сутки гораздо длиннее, чем на планетах-великанах. А самым быстрым вращением обладает гигант солнечной системы Юпитер. День и ночь на нем длятся всего лишь по 4 часа 55 минут.

Одновременно с ядрами планет возникли и зародыши спутников. Они образовались из уплощенных роев пыли, которые окружали растущие планеты. У одной из них часть такого плоского диска уцелела до наших дней в виде необыкновенных и нарядных колец Сатурна.

Постепенно первоначальный запас пыли и газов протопланетного облака был израсходован почти без остатка. Однако космическая пыль еще блуждает между планетами и падает в виде мелких метеоритов на Землю. Хотя и ничтожно медленно, она продолжает расти и по сей день.

Так пять — семь миллиардов лет назад родилась наша Земля. Первоначально рыхлая и холодная, она продолжала расти за счет остатков первичного строительного материала и постепенно уплотнялась. Вещество ее недр, сжатое до давления в несколько миллионов атмосфер, разогревалось, тепло, выделяемое радиоактивными элементами, скапливалось в толщах пород. И вот наконец началось частичное расплавление отдельных частей планеты, огромные вулканы образовались на ее поверхности, раскаленная магма широким потоком хлынула наружу. Земля достигла своей зрелости.

Отсюда берет начало геологическая история нашей планеты. В ее глубочайших недрах возникло перемешивание составляющих земной шар веществ. Частично расплавленные или перешедшие в вязкое, стекловидное состояние первозданные породы пришли в движение. Целые глыбы легкого вещества всплывали кверху, вытесняя вниз тяжелые породы. Внутренность планеты разделилась на отдельные слои: ядро, промежуточную оболочку и земную кору. Поднялись гигантские горные цепи, опустились грандиозные впадины океанов.

Огромную работу проделал О. Ю. Шмидт и группа его сотрудников. Нужно было первоначальные смелые предположения и гипотезы не только проверить известными фактами, но и просчитать количественно, подвергнуть математическому анализу.

Формулы небесной механики — науки, занимающейся изучением движения звезд и планет под влиянием сил тяготения, — очень громоздки. Достаточно сказать, что одно лишь уравнение движения Луны, которая изучена очень хорошо, занимает 250 страниц большого формата. А здесь нужно было рассмотреть тысячи возможных орбит: первоначальных пылинок, сгустков материи — зародышей планет. Тем не менее всего за несколько лет разрешено уже множество проблем. И все же теория Шмидта еще не завершена, в ней до сих пор есть еще целый ряд темных мест и нерешенных вопросов.

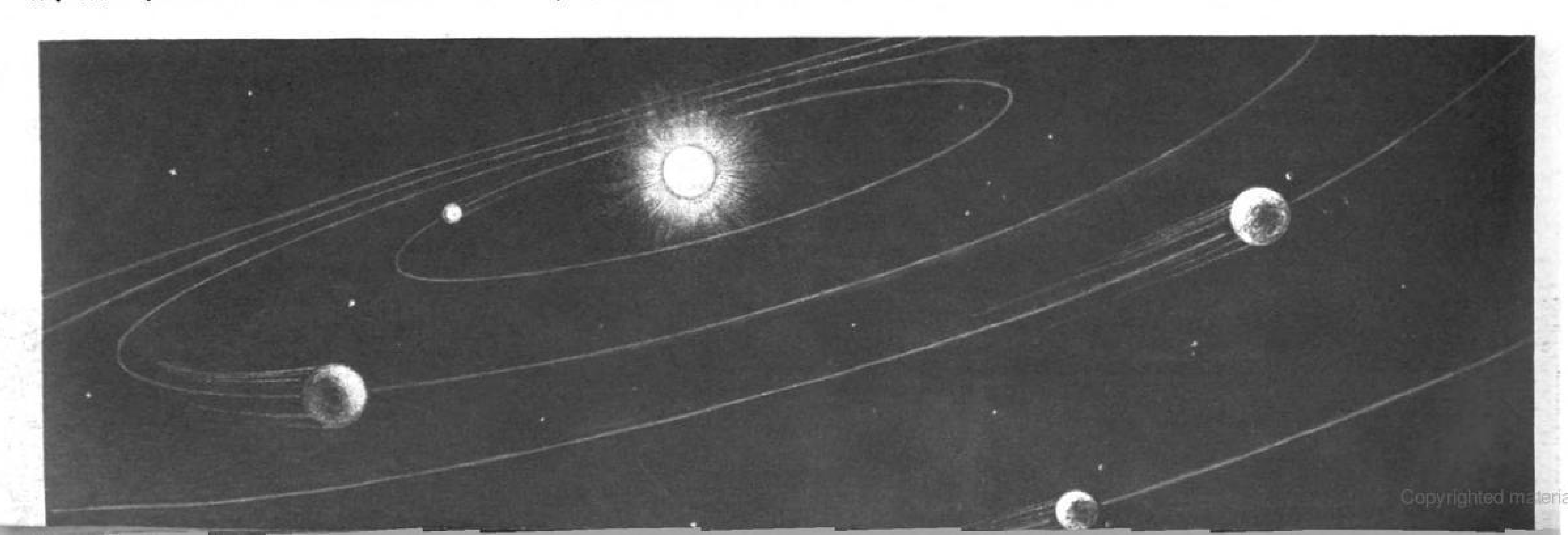
Неясно пока происхождение самого протопланетного облака. Было ли оно захвачено Солнцем уже после его образования, как это утверждает О. Ю. Шмидт? Хотя возможность такого захвата ученым доказана, достаточная вероятность этого события нуждается в дальнейших исследованиях. Или облако отделилось от самого Солнца в процессе его образования, как считает академик В. Г. Фесенков, подвергший новую теорию строгой критике? Или оно возникло одновременно с Солнцем, как полагает В. А. Амбарцумян?

Пока еще мало разработана в новой теории геологическая история Земли, быть может, самая интересная ее часть. Подтверждают ли известные нам факты о внутреннем строении нашей планеты, о совершающихся там процессах выводы О. Ю. Шмидта?

Сокровенные недра пока еще скрыты от наших глаз. Только так называемые глубокофокусные землетрясения являются редкими вестниками оттуда. По образному выражению русского ученого академика Б. Б. Голицына, основателя современной сейсмологии, «можно уподобить всякое землетрясение фонарю, который зажигается на короткое время и освещает нам внутренность Земли, позволяя тем самым рассмотреть то, что там происходит». Но из того, что нам известно, ряд фактов как будто подтверждает теорию Шмидта.

Геолог профессор В. В. Белоусов, выступавший на совещании, рассказывал о гигантских плавных поднятиях и опусканиях вещества в глубоких слоях земли и о более редких, но ограниченных колебаниях в коре, о целых реках твердого вещества, протекающих где-то под нашими ногами. Геофизик профессор П. Н. Кропоткин, утверждая холодное происхождение Земли, говорил о неоднородном строении глубоколежащих слоев, о возникновении древних океанов и материков, о скачкообразных изменениях скорости вращения нашей планеты, о постепенном, но крайне медленном ее разогреве. Но все же данные геологии, геофизики и геохимии пока недостаточно согласуются между собой. Только будущее развитие науки даст возможность построить окончательную космогоническую теорию, одинаково разработанную во всех ее частях.

Пока же существующая теория академика О. Ю. Шмидта сулит нашей планете, как небесному телу, самое радужное будущее. Она обещает Земле еще, по крайней мере, 10 миллиардов лет спокойного геологического существования, почти не отличного от современного.

Шалва Чихладзе ВЫИГРЫВАЕТ СХВАТКУ

И. БОРИСОВ

20 лет тому назад молодой борец Шалва Чихладзе повредил левую руку. Упав вместе с лошадью в яму, он был прижат испуганным животным к каменистому дну. Два года не выступал Чихладзе. За это время рука приобрела почти прежнюю чувствительность и силу. Но врач серьезно уговаривал спортсмена бросить борьбу: «Поймите, вы уже не борец». Чихладзе было больно слышать такие слова. Что он мог ответить врачу? Ведь все, что он ни скажет, будет звучать неубедительно. И чтобы прекратить этот неприятный разговор, Чихладзе сгоряча оборвал собеседника: «Я еще надеюсь, доктор, положить чемпиона мира...»

Вряд ли вспоминал Чихладзе этот свой давний спор с врачом, ожидая в раздевалке будапештского Дворца спорта вызова на ковер. После того разговора много воды утекло.

В один из январских дней 1942 года в бою за деревню Верхне-Куклино, где-то за Сухиничами, снайпер Шалва Чихладзе был ранен в ту же злополучную левую руку. Пуля пробила предплечье, повредила нерв. Вылечил Чихладзе руку, и еще сильнее потянуло его на ковер.

«Беспокойный человек»,— удивлялись его смелости товарищи. И было действительно смело, выиграв первенство СССР в 1936 году, снова, через тринадцать лет, вступать в борьбу за звание чемпиона. За такой долгий срок успело подрасти новое поколение борцов, а те, которые тогда только-только начинали, стали зрелыми мастерами. К последним относился и Константин Коберидзе, чемпион Европы 1947 года, полутяжеловес, который как равный боролся с тяжеловесами.

К встрече с Коберидзе Чихладзе готовился с каким-то юношеским нетерпением; он жаждал испытать себя в схватке с этим умным, волевым борцом, хотя отдавал себе отчет, как это трудно будет на деле.

Чихладзе всегда славился своей огромной силой: «Другой такой пары рук нет»,— говорили о нем тренеры. И верно, уж если сомкнутся руки Чихладзе на спине противника или в партере возьмут на «косой захват» плечо и шею, то ничто не разожмет этих богатырских объятий. Но силой, знал Чихладзе, такого искусного борца, как Коберидзе, не возьмешь: прежде чем ты его захватишь, он успеет пустить в ход свои безошибочно действующие приемы, ошеломит толчками, заставит уйти в защиту. Нет, Коберидзе надо бить его же оружием: на наступление отвечай наступлением, на хитрость — хитростью, а там, может быть, и скажется сила...

Чихладзе выиграл решающую схватку у Коберидзе, а с нею и звание чемпиона страны.

Но вскоре последовало новое испытание — встреча с призером мировой олимпиады Кельпо Грендалем. 29-летний чемпион Финляндии был смел и вынослив, обладал недюжинной силой и особенно опасен был в стойке. И, как в схватке с Коберидзе, Чихладзе решил побить Грендаля его же оружием: выиграть у финна именно в стойке.

С большим трудом удалось Грендалю избежать сокрушительного переднего пояса Чихладзе; будучи захвачен, финский борец попросту сполз вниз, к ногам противника. Был момент, когда край ковра спас ускользающего Грендаля. В партере Чихладзе продолжал наступать. Сначала Грендаль прикидывался, что не знает защиты от «косого захвата», и давался на этот прием, рассчитывая, вероятно, что такая нагрузка будет обременительной для левой руки Чихладзе. Но, почувствовав силу захвата, Грендаль понял, что нужно спасаться...

Но вряд ли и об этом вспоминал Чихладзе, ожидая своей очереди бороться в будапештском Дворце спорта. За тонкой стеной раздевалки чувствовалось беспокойное соседство зрительного зала. Он то затихал в нетерпеливом ожидании развязки, то взрывался многоголосым гулом одобрения или трудно скрываемого разочарования. Бесстрастным нельзя было оставаться на матче борцов СССР — Венгрия.

Один за другим уходили на ковер товарищи по команде. Они возвращались возбужденные, разгоряченные борьбою, взволнованные победой. Чихладзе был самым старшим в этой дружной борцовской семье. Многие годились ему в сыновья, такие, как 19-летний чемпион Союза Борис Гуревич или 20-летний Артем Терян. Удивительное совпадение: сегодня Артем встречался на ковре с двадцатикратным чемпионом Венгрии Лайошем Бенце. Артем горяч, подвижен, решителен. Он мгновенно включается в борьбу. Этот огонь-человек, сухой и гибкий, бросает противника из любого положения. В стремительном темпе схватки его движения не теряют целеустремленности, умной расчетливости. Вот и нынче для того, чтобы положить чемпиона Европы Бенце, Теряну потребовалось всего лишь... 36 секунд.

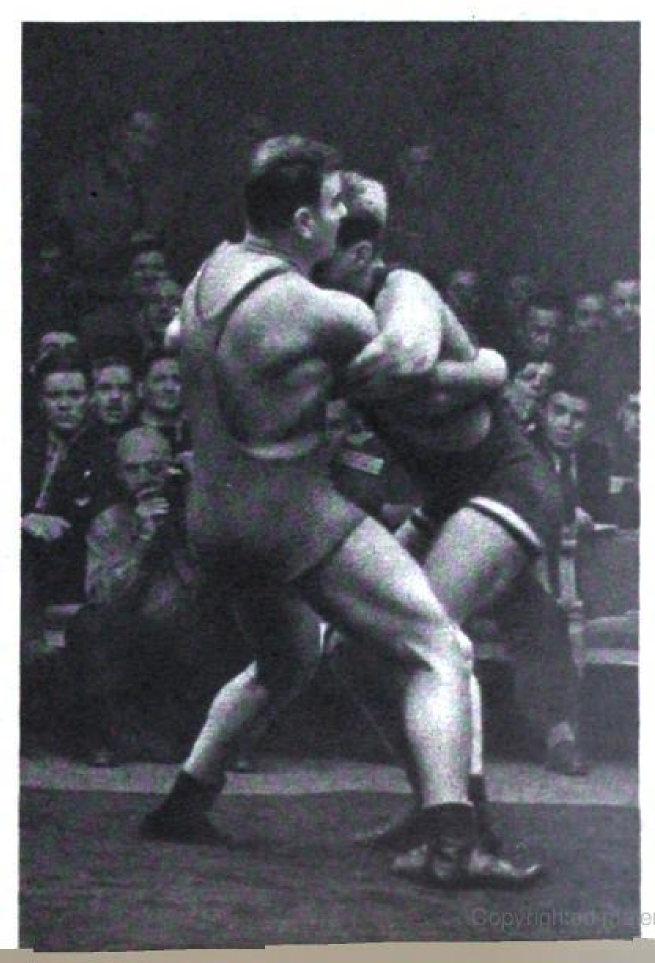
Чихладзе, разминаясь, прошелся по комнате.

Семен Марушкин (слева) ломает «мост».

Только что отборовшийся Яков Пункин спешил переодеться, чтобы посмотреть встречу легковесов: Араме Ялтыряна и чемпиона мира 1950 года Иожефа Гала.

«Замешкаешься тут и прозеваешь схватку»,— улыбается смуглолицый Пункин. Этот молодой борец из Запорожья — сильнейший полулегковес страны. Он такой же темповик, как Терян, и от его «куража» теряются самые опытные противники. Крепыш Ласло Шипош, победитель всемирных студенческих игр, был буквально подавлен на первой же минуте и уже не смог оправиться до финального свистка судьи...

А в зале схватка подходила к концу. Чемпион мира Иожеф Гал переживал пренеприятней-

Руки Шалвы Чихладзе смыкаются на спине Кельпо Грендаля.

Фото А. Бурдунова

шие минуты: противник держал его на мосту. Тяжестью висящего тела давил Ялтырян на попавшего в опасное положение венгра, тот пружинил своими сильными ногами, переваливался с боку на бок, отдыхая в эти короткие тревожные секунды, и снова мостил. У чемпиона мира был действительно железный мост, если он смог преодолеть напор Ялтыряна и не лег на лопатки. Так и не удалось припечатать Гала к ковру: чемпион СССР выиграл по очкам.

Ялтыряна на ковре сменил стройный русоголовый Семен Марушкин. Он улыбается своему противнику, атлетически сложенному Миклошу Сильваши. Они старые знакомые и знают друг друга: их тела уже сплетались в богатырском поединке, и судьи уже называли имя сильнейшего. Им оказался Марушкин. Сумеет ли он снова быть первым?

— Выиграл Семен,— передает в раздевалку вездесущий Пункин. Не дожидаясь приглашения, снимает теплый тренировочный костюм Николай Белов. Его очередь.

Сильный и стремительный, Белов всегда первый завязывает борьбу, даже тогда, когда по воле спортивного жребия он встречается с более свежим противником. Так было на первенстве Европы, в финальной схватке. Отдохнувший перед последним кругом турецкий чемпион Тайфур задумал смять уставшего русского атлета и... поплатился. Резкий бросок через бедро поверг турка «на мост». С трудом поднялся Тайфур в стойку, но лишь затем, чтобы тут же снова полететь на ковер. Это был, как шутили товарищи, «вечер полетов Тайфура». За схватку с турком чемпион Европы Белов получил приз за лучшую технику.

Медленно тянется время. Чихладзе внешне спокоен, как можно быть спокойным перед трудным испытанием. И если бы он сейчас вспомнил свой давний разговор с врачом, то должен был бы, к собственному удивлению, признать, что в тех резких словах, сказанных сгоряча доктору, было, оказывается, немало правды... В самом деле, предстоял поединок с венгерским атлетом Дьюла Ковачем, неофициальным чемпионом мира. Официальным чемпионом венгерский борец был всего лишь... 30 минут, т. е. столько времени, сколько потребовалось шведским судьям изменить свое первоначальное решение и дать победу их соотечественнику.

Шалва видел Ковача на тренировке. Тот пришел со своим тренером Михай Матурой в зал и разминался вместе с советскими борцами. Венгр был идеально сложен: высокий рост, длинный, мощный торс, сильные ноги. Попробуй, возьми такого...

Чихладзе первый вышел на ковер и уже со своего угла увидел, как приближается противник. Ковач шел решительной, чуть валкой походкой человека, привыкшего ступать по зыбкой поверхности ковра, вынося далеко перед собой мускулистые руки. И вот они стоят на покрытом квадратным ковром помосте, руки их соединены в традиционном пожатии, и только один-единственный шаг разделяет борцов.

Для того чтобы сделать этот шаг, нужна решимость, ее хватало у обоих противников, но ни тот, ни другой не спешил. Они знали: каждый неверный шаг ведет к поражению.

Пригнувшись, отставив назад туловище, они медленно переступают по ковру. Идет незаметная для зрителей борьба за захват. Особым, борцовским чутьем разгадывают они замыслы друг друга и обезвреживают их четкой работой ног, отклоном корпуса, перехватом рук. Чихладзе чувствует на своем плече ищущую кисть Ковача, левой рукой отталкивает он ее. «А что если бросить Ковача через себя?» — горячится Чихладзе, и, прежде чем принято решение, его руки обхватывают грузного венгра, тело в рывке идет назад. Но Ковач начеку: в последний момент он «путает» ноги Чихладзе и бросает его на ковер.

Чихладзе затылком ощущает мягкую толщу ковра, тяжелое тело венгра клонит вниз, пальцы больно обжимают бок. Надо быть предельно четким в каждом своем движении, стоит на мгновение потерять контроль над собой — и конец. Нарастающий в зале шум горячей волной окатывает тело. Ладони Чихладзе с силой упираются в подбородок венгра, отталкивают его голову. Этот нажим невозможно преодолеть: слабеет захват Ковача, разжимаются сплетенные на спине Чихладзе пальцы... Через несколько секунд борцы уже в стойке, но схватку попрежнему ведет Ковач: у него два выигрышных очка. Венгр нападает. На какое-то мгновение Чихладзе снова касается ковра, но тут же поднимается. Он идет нарочито расслабленно, делает вид, что его нисколько не расстраивают проигранные очки...

«Что такое с Чихладзе?» — недоуменно переглядываются сидящие напротив ковра товарищи. Почти вся команда в сборе, даже тяжеловес Иоган Коткас, которому бороться в следующей паре, тоже здесь.

— Давай! — не выдерживает Терян.

Но Чихладзе как будто ничего не видит и не слышит. Тем временем друзья начинают подбадривать Ковача.

«Вперед!» — раздается из затемненного зала. И в тот момент, когда чемпион Венгрии считает, что победа уже достигнута, Чихладзе молниеносным броском через себя в сторону ставит Ковача «на мост». Несколько секунд длится силовая борьба, Ковач не выдерживает могучего натиска и устало ложится на спину...

Возвращаясь в раздевалку, Чихладзе встречается в узком проходе с Коткасом. Тот спешит на ковер. Мудрено разойтись таким двум богатырям...

— Поздравляю с победой,— приветливо улыбается Коткас, прижимаясь к стенке своей исполинской спиной.

— Желаю победы,— рука Чихладзе ласково касается плеча друга.

Сильнейшая

Около 400 команд — детских, молодежных, женских и мужских, — представляющих десятки добровольных спортивных обществ и клубов, вступили в длительное состязание по волейболу. Они оспаривали первенство Москвы. По существу говоря, это было соревнование лучших коллективов страны, так как в числе участников находились первоклассные команды — неоднократные чемпионы страны и обладатели «Кубка СССР».

Два месяца продолжались игры. За это время у волейбольных сеток были проведены сотни встреч. Состязания отличались упорством и напряженностью. Многие игры длились иногда более двух часов и заканчивались победой с минимальным преимуществом в одно—два очка.

Впервые в розыгрыше первенства Москвы принял участие коллектив волейболистов Военно-Воздушных Сил. Он с первых же игр зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. В его составе заслуженные мастера спорта: офицер Г. Ахвледиани, слушатель Краснознаменной военно-воздушной академии К. Рева, преподаватель иностранных языков В. Саввин, мастера спорта: слушатель Академии имени Н. Е. Жуковского В. Гайлит, слушатель Военно-юридической академии Г. Гранатуров, солдат С. Щербаков, инженер С. Нефедов, инженер Г. Бурцев и преподаватель М. Винер. Сильная игра как в нападении, так и в защите, высокая техника владения мячом и отличная физическая подготовка позволили авиаторам провести игры первого круга с большим подъемом и нанести поражение всем своим противникам.

Наиболее интересной и напряженной была встреча летчиков с чемпионом страны — командой «Динамо».

В первых двух партиях команда ВВС потерпела поражение.

В оставшихся трех партиях летчики мобилизовали всю свою энергию и мастерство, предложили противнику быстрый темп. Эффективные удары Ревы, Ахвледиани, Нефедова, отличная игра в нападении и защите молодого способного Щербакова, усилия всего коллектива принесли команде заслуженную победу.

Помимо команды мастеров, спортклуб ВВС Московского военного округа выставил еще 9 команд: 4 детские, 2 молодежные, 2 женские и 1 мужскую. Выиграв большинство встреч, летчики в общекомандном зачете также вышли победителями.

По положению зимой разыгрывается лишь первый круг первенства. 18 мая на летних площадках борьба волейболистов возобновится. Она и определит чемпионов столицы.

Сейчас волейболисты ВВС продолжают тренировки. Интересно отметить, что все игроки коллектива мастеров ВВС вошли в состав сборной команды Москвы.

А. ФРИДЛЯНСКИЙ

Момент встречи волейболистов ВВС МВО и «Спартака».

Фото Н. Волкова

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Егорка

Мы работали в тайге. Между стволами обнаженных осин и лиственниц уже мелькали первые снежинки. Однажды пасмурным утром я наткнулся на корчевщиков, что-то рассматривавших на земле. Оказывается, выворачивая пень, они нашли бурундука.

Зверек этот чуть поменьше обыкновенной крысы. За длинный пушистый хвост называют его земляной белкой.

Вокруг пылали костры. С треском валились деревья, вспугивая стаи тетеревов со склонов соседней горы, а бурундук не шевелился; он только судорожно вздрагивал от каждого резкого звука. Я сунул его в рукавицу и положил в карман.

Перед обедом я зашел в контору посмотреть чертежи. Из соседней комнаты вышел бухгалтер. Он хотел что-то сказать, но вдруг выронил изо рта дымящуюся папиросу и уставился в одну точку. Взглянув туда же, я увидел, что одна из моих рукавиц... ерзает на подоконнике.

...Первые дни мой «квартирант» вел себя смирно. Лишь вечерами, когда в полной тишине я сидел за книгой, бурундук решался показываться в комнате. Но мало-помалу он стал привыкать к людям и начал появляться днем, деловито обследуя все закоулки дома. При этом зверек всегда спешил и суетился, будто у него было очень мало свободного времени. Нередко шерсть на нем бывала взъерошена, как после хорошей потасовки, и он напоминал драчливого вихрастого мальчишку. Его назвали Егоркой.

Через месяц Егорка уже брал еду прямо из рук. Очень было смешно смотреть, когда ему давали большое квадратное печенье. Бурундук брал его передними лапками за края и, держа перед собой, как гармошку, сначала внимательно осматривал со всех сторон, а уж потом с деловым видом принимался за еду.

У меня была большая медвежья шкура. Я собирался отдать ее для выделки знакомому якуту, а пока держал свернутой под кроватью. Вот в ней-то и поселился Егорка, порой поднимая в своем логове такую возню, что будил меня по ночам. Чем ручнее становился зверек, тем больше было с ним хлопот. Его постоянно находили то в миске с кашей, то в ведре с водой. В ведре бедняге приходилось плавать, пока его оттуда не извлекали. Тогда, тоненький и жалкий, бурундук бежал сушиться под печку.

Нравились Егорке мои валенки, в которых при случае он не прочь был соснуть. Иногда он прятался в рукав шубы на вешалке или устраивался со всеми удобствами в чьей-нибудь шапке. Как-то он залез в карман полушубка нашего счетовода Васи — молодого паренька. В кармане были кедровые орехи. Егорка быстро расправился с орехами и удрал. Вася же, обнаружив у себя только скорлупу, очень рассердился: он решил, что товарищи над ним подшутили...

Перед Новым годом к нам приехал проверить работы инженер Воронцов — высокий, редко улыбавшийся человек, всегда говоривший только о деле. При нем я чувствовал некоторую неловкость за свое жилище с ружьем на стене, рыболовными снастями и множеством других, не относившихся к делу предметов. Присутствие же Егорки могло меня окончательно скомпрометировать в глазах начальства. Но бурундук не появлялся весь этот день.

Воронцов остался ночевать. В мою комнату принесли топчан, постелили на него медвежью шкуру и накрыли простыней. Егорки не оказалось и в шкуре. Я не мог нарадоваться его примерному поведению. Однако радость эта была преждевременной.

Когда все стихло, Егорка явился, стал искать пропавшую шкуру и, конечно, очень скоро нашел. Со свойственным ему проворством бурундук забрался не только на топчан, под одеяло, но и под простыню Воронцова. Другой, более благовоспитанный зверь постарался бы сделать это как можно тише. Но скромность не была добродетелью Егорки. А Воронцов не был его начальником. И зверек принялся возиться под самым боком спящего человека.

Инженер проснулся и, не разобрав хорошенько, в чем дело, прогнал бурундука прочь. Но не успел он снова уснуть, как Егорка опять оказался с ним рядом. Тогда Воронцов зажег лампу и увидел, что на него напал зверь не очень-то уж страшный, да к тому же ручной. Махнув рукой на это маленькое неудобство, инженер решил смириться с обществом бурундука, рассудив, что на топчане места хватит обоим. Зато бурундук был иного мнения. Он не желал, чтобы на его постели спал чужой. Назойливый зверек ни на минуту не успокаивался и не давал гостю сомкнуть глаз. Не выдержав, Воронцов вновь прогонял его и несколько раз даже выбрасывал в коридор, плотно прикрывая дверь. Но Егорка неведомыми путями каждый раз возвращался обратно. Заметив наконец, что зверька привлекает именно шкура, измученный инженер сбросил ее на пол.

Тогда, ночью, я крепко спал и ничего не слышал. Но то, что я увидел при бледном свете неторопливого зимнего утра, было так забавно, что и сейчас без смеха трудно вспомнить. Воронцов во весь рост вытянулся почти на голых досках топчана. А рядом, на полу, на огромной шкуре медведя, свернувшись клубочком и прикрыв нос пушистым хвостом, спал маленький Егорка...

В дальнейшем я уже не решался укладывать спать гостей на шкуру.

До самой весны жил Егорка в конторе. Но когда растаял снег и все вокруг зазеленело, он убежал в тайгу.

Н. СЕРПОВСКИЙ

Почему мы так говорим

Чеканить

«Он говорил, отчеканивая каждое слово», «Чеканить шаги», «Чеканные изделия»... Смысл слова «чеканить» — отбивать.

Сегодня этот глагол стоит особняком. А когда-то и слово «чекан» было понятно каждому.

И сейчас в магазинах хозяйственных вещей продают инструмент, представляющий собой сочетание топорика и молоточка: с одной стороны топорик, с другой — вместо обушка молоточек. Это потомок старинного чекана.

Некогда чекан был далеко не мирным инструментом. В «Путешествии Арсения Суханова» (в 1651 году) говорится о том, что турчин «бил многих армян чеканом». В романе С. Злобина «Степан Разин» после избрания Ивана Тимофеевича Разина походным атаманом войсковой атаман Корнила поднес ему серебряный чекан.

Чекан был оружием.

Его применяли и ремесленники. Ударом чекана отбивали на металле выпуклые узоры. При помощи этого инструмента чеканили монеты. На одной из древних миниатюр «царственной книги» изображена перечеканка денег в 1535 году: мастер ударяет чеканом по металлу.

Швейцар

С конца XIII века решающее значение в битвах перешло от рыцарской феодальной конницы к пехоте горожан и крестьян.

В 1302 году фламандские ремесленники, ткачи и кузнецы разбили закованных в латы французских рыцарей. В 1339 году швейцарские горцы в борьбе за самостоятельность разбили рыцарскую армию.

«И швейцарцы, для того чтобы с самого начала установить буржуазный характер своей первой независимой республики в Европе, сейчас же **обратили в деньги** свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы для вербовки наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит» (Ф. Энгельс).

Из швейцарских отрядов наемных войск формировалась личная охрана военачальников и знатных лиц. Наемники-швейцары (как называли швейцарцев) казались надежнее своих солдат, на которых далеко не всегда можно было положиться. Человек на страже у входа почти всегда был швейцаром.

Так слово «швейцар», кроме названия национальности, приобрело новое значение: человек, охраняющий вход.

И. УРАЗОВ

Из почты «Огонька»

РАССЕЛЕНИЕ ЯКУТСКИХ СОБОЛЕЙ

Недавно в Хабаровск прибыл вагон с необычным грузом. В клетках, утепленных лосиной шерстью, привезли 78 якутских соболей. Маленькие путешественники совершили большой и трудный путь с верховьев реки Бурея до Хабаровска: сначала в оленьих нартах, затем в автомашинах и, наконец, в поезде.

Якутских соболей переселяли на новое место жительства — в Нанайский район, Хабаровского края.

Долгое время считалось, что самые дорогие соболя населяют Баргузинскую тайгу, близ озера Байкал. Сейчас больше всего ценится так называемый якутский кряж. В Якутии этот соболь чрезвычайно редок, и охота на него запрещена законом. И вот проворных зверьков, добытых живьем в Якутии, доставили в Хабаровск. Здесь заботливо проверяли «самочувствие» маленьких путешественников. В просторной приемной одного из ветеринарных лазаретов города состоялось тщательное медицинское освидетельствование.

На следующий день соболей погрузили в машину и отправили дальше, в долину реки Хихцы, Нанайского района. Здесь они обогатят местную породу, передав потомству свои качества — темный цвет и шелковистость шкурки. Новых жителей обеспечили достаточным количеством кормов. Им оставили ягоду, свежее мясо и рыбу, чтобы зверьки не знали заботы, пока не освоятся в новой среде. Окружающие охотничьи угодья объявлены государственным заповедником, охота тут запрещена на несколько лет.

В. СЫСОЕВ,
начальник управления охотничьего хозяйства при Хабаровском крайисполкоме

Снято под водой

Советские географы широко применяют водолазные работы для научных целей. Ученые спускаются на морское дно, ведут исследования, наблюдения. Они не пользуются при этом тяжелым скафандром, а надевают на лицо плотно прилегающую маску, снабженную очками; на груди у них легкий кислородный аппарат, соединенный с маской резиновой трубкой. Крепко зажав загубник, водолазы свободно дышат кислородом и могут таким образом работать под водой около двух часов, имея связь с поверхностью при помощи сигнального троса.

Пользуясь этим аппаратом, можно тщательно исследовать строение дна моря, движение наносов, разрушающее влияние волн на берег. Все эти исследовательские работы ведут ученые, овладевшие искусством водолаза. Большую помощь оказывает им подводное фотографирование. Они берут с собой обыкновенный фотоаппарат, заключенный в специальную герметически закрытую камеру из морской латуни. Из камеры выведены наружу рычаги управления аппаратом для производства съемок.

Ученые ведут исследования в прибрежной полосе, на сравнительно небольшой глубине. Но и здесь жизнь морского дна представляет довольно интересную картину. Ученые наталкиваются на огромные глыбы, густо покрытые водорослями, широкие ниши в них, образованные движущейся галькой. Вокруг разнообразная растительность; проносятся стайки рыб. И все это в отражении солнечных бликов приобретает красивый изумрудный оттенок.

На глубине более восьми — десяти метров солнечного света уже недостаточно для производства фотосъемок. Творческая мысль советских специалистов успешно решила сейчас и проблему подводного фотографирования на больших глубинах. Для этого в Институте океанологии сконструирован оригинальный фонарь. Отрегулированный на поверхности, он опускается на нужную глубину и в момент съемки дает ослепительную вспышку света.

Пользуясь этим фонарем, ученые-водолазы смогут еще глубже проникать в тайны морского дна и запечатлевать его причудливый мир на пленке.

Г. МАРКОВ

Научный сотрудник фотографирует под водой морское дно. Снимок сделан с шлюпки.

Картина художника П. Косолапа

«Только там и есть настоящее искусство, — писал В. В. Стасов,— где народ чувствует себя дома и действующим лицом; то только и есть искусство, которое отвечает на действительные чувства и мысли, а не служит сладким дессертом, без которого можно и обойтись. Да, у нас есть такое искусство, настоящее, действительное, непризрачное и нелишнее; оно, наконец, пришло, после долгих лет засухи, притворства и обезьянничества, и хотя на нынешней выставке появилось не много его представителей, но эти немногие образчики свидетельствуют о росте, о начинающейся силе, о глубоком и действительном развитии... «Сумасшедший музыкант» г. Косолапа, небольшая картинка художника... уже владеющего с замечательной силою элементами патетичности, правды и поэзии; его бедный сумасшедший, играющий на гнилом чердаке безумную музыку свою у тела старушки-матери, на которую умирающим огоньком едва-едва светит лампадка, посреди всех окружающих его ужасов бедности и лишений,— постоянно останавливал глаза и чувства каждого человека из всей нескончаемой толпы, целых два месяца переменявшейся в залах Академии...»

Картина никому не известного художника кубанского казака П. Косолапа, появившаяся на выставке в Академии художеств 1863 года, произвела громадное впечатление на посетителей. «Никто не ушел, не унеся в себе глубокого впечатления от картины Косолапа »,— писал Стасов.

Картина появилась в пору проникновения в Академию художеств новых, демократических веяний. Обозреватель выставки из «Иллюстрированной газеты», говоря о картинах «жанр», к которым он в первую очередь относил произведения П. Косолапа, писал: «Неизвестно почему мудрейшие в деле живописи не верят, что без греков и римлян нет спасения, что только эпизоды из прошлого, будущего или никогда небывшего — истинное искусство, что современная жизнь с ее будничной обстановкой унижает искусство. Как убедить почтенный ареопаг, что искусство и беллетристика должны служить отражением своей эпохи, летописью ее, а не уродливой реставрацией ветоши или изображению идеалов, которых никто не видел и не увидит...»

П. Косолап. «Сумасшедший музыкант» (публикуется впервые).

Академия художеств принуждена была отметить картину П. Косолапа серебряной медалью.

Через год появляется новая картина талантливого художника, произведшая сенсацию. «Нет ничего удивительного в том, — писал обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей», — что мы обратили особенное внимание на тот жанр, который отзывается, так сказать, гражданскими мотивами. В этом роде мы заметили... «Возвращение из ссылки» Косолапа».

За эту работу Академия вновь дает ему серебряную медаль.

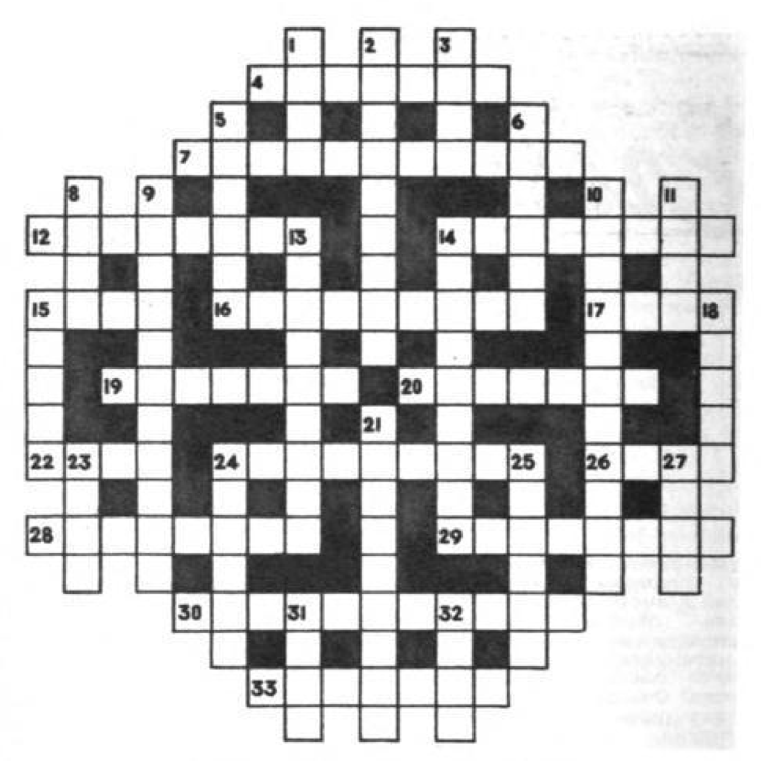
«Гражданские» темы П. Косолапа показывают смелость молодого художника, зоркость его творческого глаза, новаторский и демократический характер его искусства.

Появившись на выставках в 1860-х годах, картины талантливого русского художника бесследно исчезли. Не удалось найти даже репродукций с них. Лишь многочисленные, часто противоречивые, описания современников сохранили память о художнике Петре Сысоевиче Косолапе...

Недавно один ленинградский коллекционер принес на экспертизу в Государственный Русский музей в Ленинграде картину без подписи, случайно приобретенную им. Сюжет её точно совпадал с описанным Стасовым первым произведением П. Косолапа.

Находка картины обогащает наши знания о русской реалистической школе 60-х годов прошлого века и знакомит с не известным до сих пор художником.

И. ПИККИЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Гениальный русский изобретатель-самоучка. 7. Вид обуви. 12. Научное предположение. 14. Животное из отряда грызунов. 16. Драгоценный камень. 17. Скотовод в Монголии. 19. Официальный документ. 20. Государство в Америке. 22. Река в Европе. 24. Музыкальный инструмент. 26. Архитектурное сооружение. 28. Дорогая по воспоминаниям вещь. 29. Коренной житель страны. 30. Отложения красящих веществ в тканях растений и животных. 33. Тип изделия, товара.

По вертикали:

1. Рассказ И. С. Тургенева. 2. Мера веса. 3. Бывшая подмосковная деревня, в которой состоялся военный совет, созванный Кутузовым. 5. Небесное тело. 6. Резвая в беге лошадь чистокровной породы. 8. Единица силы. 9. Совещание представителей. 10. Совокупность знаний, полученных в результате систематического обучения. 11. Сосуд. 13. Водное пространство в пределах границ порта. 14. Руководящее указание. 15. Водитель. 18. Дикий и малопроходимый лес. 21. Советский гроссмейстер. 23. Город в РСФСР. 24. Имя одного из мальчиков в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий». 25. Сочинение без обозначения имени автора. 27. Сладкое блюдо. 31. Планета. 32. Река в Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

7. «Разгром». 8. Ботаник. 11. Калорифер. 12. Ассистент. 14. Бажан. 15. Жуковский. 16. Якорь. 19. Минимум. 22. Отличие. 23. Карагач. 24. Партия. 25. Злобин. 29. Тетрадь. 32. Окулист. 33. Присяга. 36. Степь. 37. Индикатор. 38. Факел. 41. Оранжерея. 42. Литератор. 43. Эстонец. 44. Баженов.

По вертикали:

1. Дарование. 2. Углич. 3. Кожедуб. 4. Томский. 5. Лацис. 6. Синтаксис. 9. Задание. 10. Анероид. 13. Евфрат. 17. Журналист. 18. Сталинири. 20. Татищев. 21. Баллада. 26. Гранка. 27. Экстерн. 28. Альпинист. 30. Эскалатор. 31. Углевод. 34. Инженер. 35. Номинал. 39. Белок. 40. Терек.

Короткие заметки

МИКРОБЫ ВМЕСТО УДОБРЕНИЯ

Известно, что почва с каждым урожаем истощается и ее необходимо подкармливать различными удобрениями: азотом, фосфором, калием. Приходится вывозить на поля колоссальные количества удобрений, например, калия. В метровом слое почвы на площади в один гектар калия в естественном состоянии находится столько, что хватило бы растениям на этом участке на тысячу лет! Однако калий, входящий в основную составную часть почвы — в алюмосиликаты,— не усваивается растениями.

Группа советских ученых (В. Александров, Г. Зак, а позднее А. Новоросова, И. Ремезов, Н. Сушкина и другие) нашла в почве микробов, способных разрушать алюмосиликаты и высвобождать калий. Ученые получили затем этих микробов в чистой культуре.

Экспериментаторы пришли к выводу, что силикатных микробов, выделенных из почвы, можно перенести туда, где их нет, вместо калийных удобрений. Для этого перед посевом в почву вносят силикатных микробов или заражают ими семена. Полевые опыты с хлопчатником и яровой пшеницей показали, что применение культуры силикатных микробов повышает урожай даже больше, чем удобрение почвы калием. При этом на один гектар посева требуется внести в почву всего лишь четверть грамма микробов!

САМЫЕ КРУПНЫЕ И САМЫЕ МЕЛКИЕ СЕМЕНА

Самый большой в мире цветок, раффлезия Арнольда (родина его — остров Суматра), растет прямо на земле, без всякого стебля. Он иногда больше метра в поперечнике и весит свыше десяти килограммов. Этот гигант цветочного царства вырастает из самого крошечного из всех известных семечек; оно так мало, что его с трудом можно разглядеть невооруженным глазом.

На Сейшельских островах, лежащих в Индийском океане к востоку от Африки, растут сейшельские пальмы. Орехи этой пальмы бывают до 50 сантиметров в длину и весом (с кожурой) до 25 килограммов.

Они очень редки, и в отдаленные времена за один такой орех в Европе платили баснословно дорого. Например, германский император заплатил за привезенный ему сейшельский орех столько золота, сколько мог вместить его этот орех (около ста килограммов золота).

Это самые крупные семена из всех известных в мире.

Расчеты показывают, что самые мелкие семена весят в десятки миллионов раз меньше, чем самые крупные.

УТЕПЛЕННЫЕ РЕКИ

В районах вечной мерзлоты, борясь с возникновением на реках наледей, иногда искусственно утепляют речные русла: сажают по берегам кустарники или укладывают дерн.

Но лучше всего работу по утеплению русел производит сама природа. Одним из вернейших утепляющих средств является снег, в особенности рыхлый снег. Он плохо пропускает холод из атмосферы, а из почвы тепло.

Русла небольших речек на некоторых участках — главным образом вблизи мостов— накрывают валежником или жердями; слой снега, образующийся на таком настиле, предохраняет речку от замерзания.

На далеком Севере в лютые зимние морозы можно найти скрытые среди глубоких снегов незамерзающие речки. Высокий покров из пушистого снега сохраняет сравнительно высокую температуру почвы, и тепло от берегов передается воде. Исследователь В. Г. Петров, описывая одну из таких речек в Якутской АССР, сообщает: «...несмотря на морозы, приличествующие якутскому февралю, речка не желает замерзать; даже более того, сквозь прозрачные воды, на дне реки, вы видите зеленую растительность — это мхи по камням».

Иностранный юмор

«ПОЧЕМУ ЖЕ ВЫ ЖАЛУЕТЕСЬ?»

На стенах лондонских домов появились плакаты: «Наши предки до XIII столетия жили, не имея понятия о сахаре, не употребляли масла до XV века, не ели картофеля до XVI, обходились без кофе, чая, мыла до XVII, не пользовались газом, спичками и электричеством до XIX века; автомобили мы имеем всего только несколько десятков лет.

Почему же вы жалуетесь?»

Правильно. Почему англичане недовольны? Они живут так же «счастливо», как их праотцы. Они идут назад, к прошлому. Жаль только, что автор плаката начал с XIII столетия. Можно было бы вспомнить о тех временах, когда жители Британских островов жили в пещерах. Это также актуально: недавно премьер-министр заявил, что строительство новых жилищ для рабочих, живущих в невероятно тяжелых условиях в жутких трущобах, прекращено на неопределенное время.

Журнал «Жолнеж польский»

В этом номере помещены репродукции картин П. П. Белоусова «Мы пойдем другим путем», Ф. Я. Голубкова «Первая листовка», И. А. Соколова четыре рисунка из серии «Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

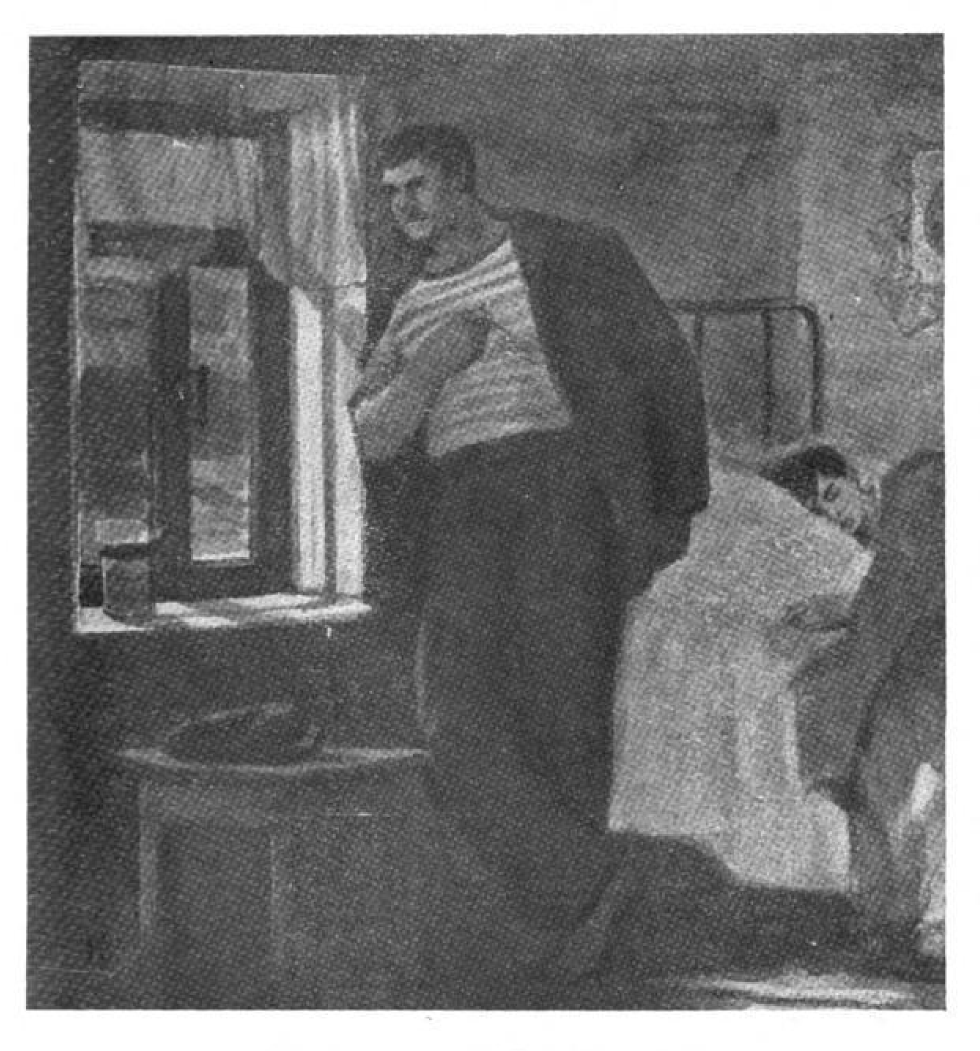
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А 01371. Подп. к печ. 15/IV 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 316. Зак. № 785. Рукописи не возвращаются.

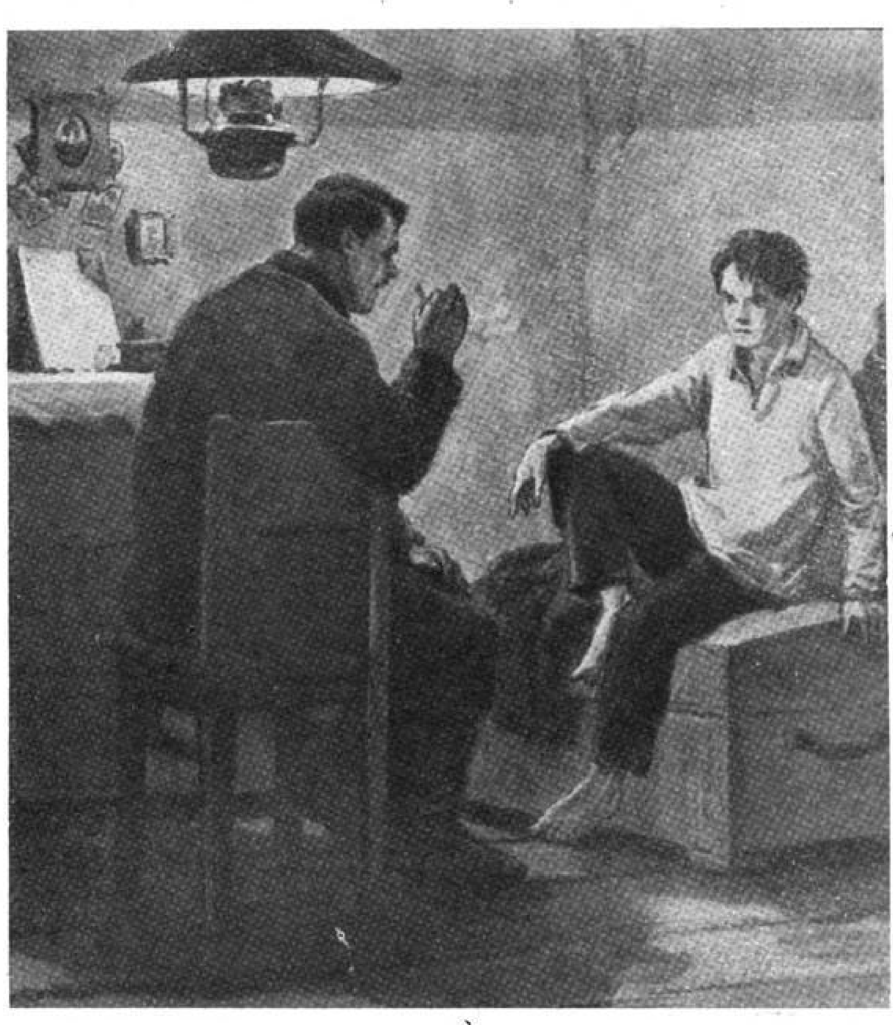
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В. Н. Минаев. ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К РОМАНУ Н. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ».

Жухрай в доме у Павла Корчагина.

«Легли спать. Павел заснул сразу, а Федор долго курил. Затем поднялся с кровати и, тихо ступая босыми ногами, подошел к окну. Он долго смотрел на улицу...»

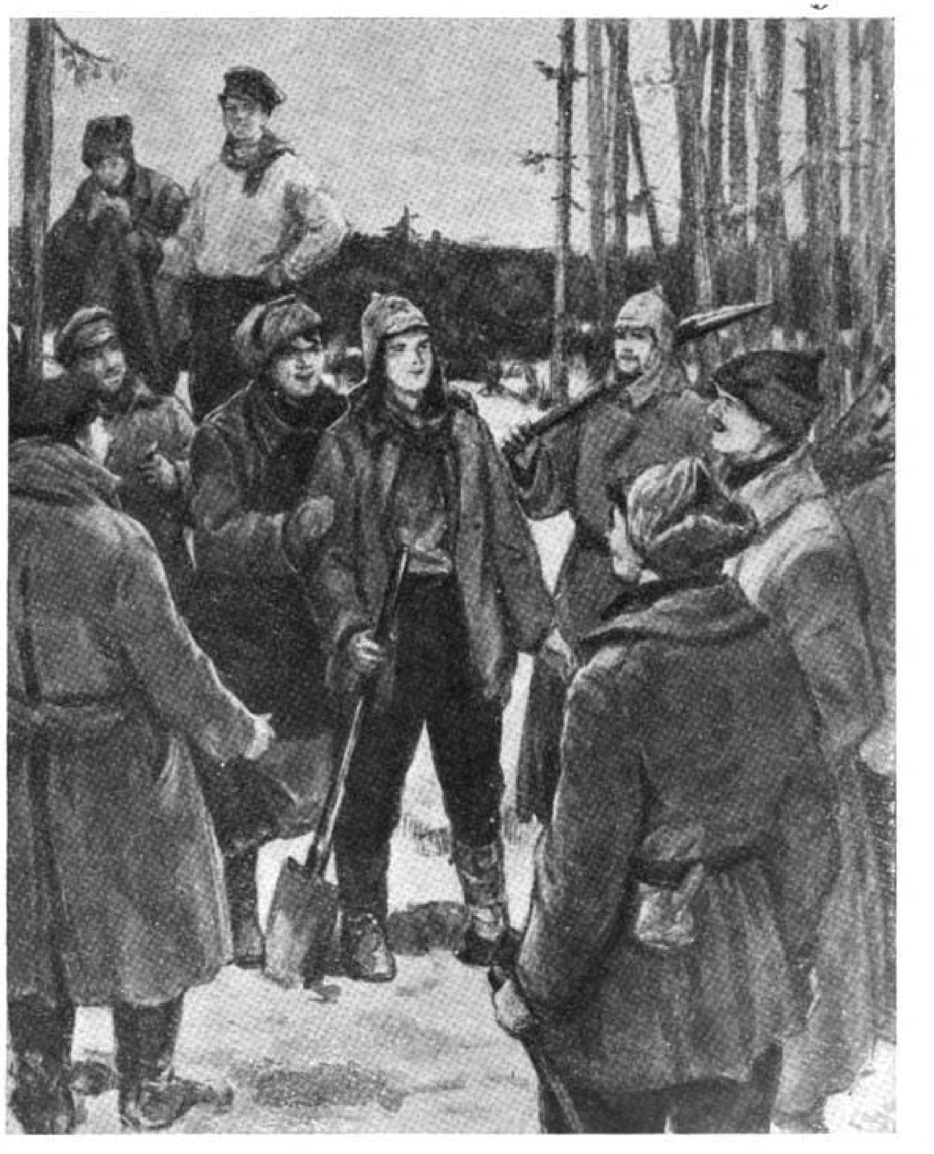
Беседа Жухрая с Павлом.

«...Федор Жухрай рассказывал жестокую правду жизни смотревшему на него зачарованными глазами молодому кочегару».

Сережа Бруззжак на часах у ревкома.

«В ревком направляется товарищ Игнатьева. Она обращает внимание на молоденького красноармейца и спрашивает:
— Сколько вам лет, товарищ?
— Пошел семнадцатый».

На постройке узкоколейки в Боярке.

«...В этот день смеялись первый раз».

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

Цена 5 руб.